

ISSN (ONLINE): 2312-2757

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Язык

и Текст

**Language
and Text**

INTERNATIONAL
ELECTRONIC JOURNAL

№4 (11) 2024

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Международный научный журнал
«Язык и текст»

Редакционная коллегия

Дергачева И.В. (Россия) – главный редактор
Махмудова С.М. (Россия) – заместитель главного редактора

Ахмедов Г.И. (Германия), Бугаева И.В. (Россия), Бурнакова К.Н. (Россия), Воропаев В.А. (Россия), Ковпак Н.А. (Россия), Конявская Е.Л. (Россия), Крутова М.С. (Россия), Леденева В.В. (Россия), Мазанаев Ш.А. (Россия), Сафронова Е.Ю. (Россия), Селендили Л.С. (Россия), Сейранян М.Ю. (Россия), Соболева Л.С. (Россия), Фрейдина Е.Л. (Россия), Герреро-Вильялба Х.А. (Испания), Шилихина К.М. (Россия), Шмелева А.В. (Россия), Щербак М.И. (Россия), Эрменехильдо Л.Г. (Испания), Капилупи С.М. (Россия), Понтон Д.М. (Италия), Ван Сяоян (Китай), Абакумова О.В. (Россия), Аннушкин В.И. (Россия), Бовшик А.С. (Россия), Величкова Л.В., Гребенок В.П. (Россия), Есаулов И.А. (Россия), Исхакова З.З. (Россия), Конурбаев М.Э. (Россия), Корнев В.А. (Россия), Махмудова С.М. (Россия), Мурадян А.А. (Россия), Мурашкина О.В. (Россия), Ужанков А.Н. (Россия), Кавача А. (Италия), Астутто Д. (Италия), Фарачи Е.Г. (Италия), Маццоне С. (Италия), Герреро-Вильялба Х.А. (Испания).

Секретарь

Канель И.В.

Редактор и корректор

Канель И.В.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

123290, г. Москва, Шелепихинская набережная, 2А, стр. 2
Телефон: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/en/langpsy>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Издается с 2014 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-67008 от 30 августа 2016 г.

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2024

International Scientific Journal
“Language and Text”

Editorial board

Dergacheva I.V. (Russia) – editor-in-chief
Makhmudova S.M. (Russia) – deputy editor-in-chief

Akhmedov G.I. (Germany), Bugaeva I.V. (Russia), Burnakova K.N. (Russia), Freydina E.L. (Russia), Kovpak N.A. (Russia), Konyavskaya E. L. (Russia), Krutova M.S. (Russia) Ledeneva, V. V. (Russia), Mazanaev S.A. (Russia), Murashkina O.V. (Russia), Voropaev V.A. (Russia), Selendili L.S. (Russia), Seiranyan M.Y. (Russia), Safronova E.Y. (Russia), Soboleva L.S. (Russia), Shcherbakova M.I. (Russia), Shilikhina K.M. (Russia), Shmeleva A.V. (Russia), Capilupi S.M. (Russia), Ponton D.M. (Italy), Wang X. (China), Hermenegildo L.G. (Spain), Abakumova O.V. (Russia), Annushkin V.I. (Russia), Bovshik A.S. (Russia), Velichkova L.V. (Russia) Grebenyuk V.P. (Russia), Esaulov I.A. (Russia), Iskhakova Z.Z. (Russia), Konurbaev M.E. (Russia), Kornev V.A. (Russia), Makhmudova S.M. (Russia), Muradyan A.A. (Russia), Murashkina O.V. (Russia), Uzhankov A.N. (Russia), Astuto G. (Italy), Cavazza A. (Italy), Faraci E.G. (Italy), Mazzone S. (Italy), Guerrero-Villalba, Jose Antonio (Spain).

Secretary

Kanel I.V.

Editor and proofreader

Kanel I.V.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Shelepikhinskaya Embankment, 2A, 2, Moscow, Russia, 123290
Phone: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru

Web: <https://psyjournals.ru/en/langpsy>

Indexed in:

Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Science Citation Index (RSCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Published quarterly since 2014

The mass medium registration certificate:

El FS77-67008 number. Registration date 30.08.2016.

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSUPE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the polisher.

© MSUPE, 2024

Содержание

2024. Том 11. № 4

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Категория рода в английском, татарском и русском языках: сопоставительный аспект <i>Гафиуллина К.Н.</i>	5-14
Темпоральные признаки продуктивной и репродуктивной речи говорящего <i>Величкова Л.В., Янчич Н.А.</i>	15-22
Терминотворчество М.В. Панова как отражение особенностей мышления ученого <i>Щепалин М.Д.</i>	23-31
Усвоение тюркских заимствований в табасаранском языке <i>Загиров В.М., Сафаралиев Н.Э.</i>	32-40
Эвфемистические дисфемизмы и их связь с обценной лексикой в молодежной английской устной речи XXI века <i>Варфоломеев Ф.В.</i>	41-47
Эквивалентная и лакунарная диалектная лексика лезгинского языка (на материале ахтынского диалекта) <i>Рамазанова Л.Д.</i>	48-54
Языковая репрезентация городских эмоций <i>Штеба А.А.</i>	55-64

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Библиотека русских художников в Риме <i>Воропаев В.А.</i>	65-73
Жанровое своеобразие «Повести преподобной игумении Афанасии» <i>Шадрин Е.С.</i>	74-87
Образ Небесного Иерусалима в Лестнице Иоанна Синайского <i>Попова Т.Г.</i>	88-100
Семейный нарратив в Лицевом летописном своде Ивана Грозного <i>Степанова М.С.</i>	101-109

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Современные тенденции в преподавании итальянского и испанского языков в ВУЗе <i>Баева Е.И., Абакумова О.В.</i>	110-116
--	---------

Contents

2024. Vol. 11. No. 4

GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

The Category of Gender in the English, Tatar and Russian Languages: A Comparative Aspect <i>Gafiullina K.N.</i>	5-14
Temporal Features of Productive and Reproductive Speech of Speaker <i>Velichkova L.V., Yanchich N.A.</i>	15-22
Terms by M.V. Panov as a Mirror of the Scientist's Mind <i>Schepalin M.D.</i>	23-31
Assimilation of Turkic Loanwords in Tabasaran Language <i>Zagirov V.M., Safaraliev N.E.</i>	32-40
Euphemistic Dysphemisms and Their Connection with Obscene Vocabulary in the Youth English Oral Speech of the XXI Century <i>Varfolomeev F.V.</i>	41-47
Equivalence and Lacunarity of Dialectal Vocabulary of the Lezgin (Based on the Vocabulary of the Akhty Dialect) <i>Ramazanova L.D.</i>	48-54
Language Representation of Urban Emotions <i>Shteba A.A.</i>	55-64

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Library of Russian Artists in Rome <i>Voropaev V.A.</i>	65-73
Genre Originality of «The Tale of the Venerable Abbess Athanasia» <i>Shadrina E.S.</i>	74-87
Image of Heavenly Jerusalem in the «Ladder» of John Climacus <i>Popova T.G.</i>	88-100
Family Narrative in the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible <i>Stepanova M.S.</i>	101-109

LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Current Trends in Teaching Italian and Spanish at Universities <i>Baeva E.I., Abakumova O.V.</i>	110-116
--	---------

Категория рода в английском, татарском и русском языках: сопоставительный аспект

Гафиуллина К.Н.

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
г. Казань, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3208-8778>, e-mail: gafiullina.kn@yandex.ru

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что изучение языков в сопоставительном аспекте способствует выявлению общих и специфических черт языкового материала, описанию национальной картины мира, когнитивного мышления, лингвокультурных особенностей носителей языка, взаимодействию и взаимообогащению языков, решению лингвистических и лингводидактических задач, что входит в современную систему лингвистических исследований. Категория рода, являясь одной из наиболее сложных и универсальных грамматических характеристик, представляет собой предмет пристального внимания лингвистов. Важность её изучения обусловлена необходимостью более глубокого и всестороннего анализа грамматического и лексико-семантического потенциала этой категории в языках с различной структурой. В современной лингвистике исследования в этой области фокусируются на когнитивных, гендерных и функциональных аспектах категории рода. Данное исследование ставит своей целью рассмотреть категорию рода с точки зрения её грамматической и лексико-семантической реализации в разнотипных английском, татарском и русском языках. В статье дается специфика репрезентации категории рода лексическими и грамматическими средствами языков, анализируются морфологические, семантические способы отношения существительных к грамматическому роду. В работе проведен сопоставительный анализ, определены общие и специфические черты указанной категории на основе исследуемых языков. Результаты проведенного анализа могут быть использованы в дальнейших лингвистических изысканиях, а также при обучении иностранному языку с опорой на родной и/или ранее изученный иностранный язык.

Ключевые слова: лингвистика, категория рода, английский язык, татарский язык, русский язык, мужской род, женский род, средний род.

Для цитаты: Гафиуллина К.Н. Категория рода в английском, татарском и русском языках: сопоставительный аспект [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 4. С. 5–14. DOI:10.17759/langt.2024110401

The Category of Gender in the English, Tatar and Russian Languages: A Comparative Aspect

Kadriya N. Gafiullina

The Kazan Branch of Russian State University of Justice, Kazan, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3208-8778>, e-mail: gafiullina.kn@yandex.ru

The relevance of this study is conditioned by the fact that the study of languages in the comparative aspect contributes to the identification of common and specific features of linguistic material, the description of the national picture of the world, cognitive thinking, linguocultural features of native speakers, interaction and mutual enrichment of languages, the solution of linguistic and linguodidactic tasks, which is part of the modern system of linguistic research. The category of gender, being one of the most complex and universal grammatical characteristics, is a subject of close attention of linguists. The importance of its study is conditioned by the need for a deeper and more comprehensive analysis of the grammatical and lexical-semantic potential of this category in languages with different structures. In modern linguistics, research in this area focuses on cognitive, gender and functional aspects of the category of gender. This study aims to examine the category of gender from the point of view of its grammatical and lexical-semantic realization in differently structured English, Tatar and Russian languages. This paper considers the formation of gender category of some nouns, reflects the system of morphological, syntactic and lexical features of feminine, masculine and middle genders in the languages under consideration. The article gives the specificity of representation of this category by lexical and grammatical means of languages, analyses morphological and semantic ways of nouns' relation to grammatical gender. In the paper a comparative analysis is carried out, the general and specific features of this category are determined on the basis of the languages under study. The results of the analysis can be used in further linguistic research, as well as in teaching a foreign language with reference to the native and/or previously learnt foreign language.

Keywords: linguistics, category of gender, English, Tatar, Russian, masculine gender, feminine gender, common/neuter gender.

For citation: Gafiullina K.N. The Category of Gender in the English, Tatar and Russian Languages: A Comparative Aspect. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 4, pp. 5–14. DOI:10.17759/langt.2024110401 (In Russ.).

Лингвистические исследования в сопоставительном аспекте имеют целью выявление общих и различных черт в сравниваемых языках. Предназначение данной работы — обнаружить и дать описание лингвистических характеристик категории рода в английском, татарском и русском языках, используя комплексный, поэтапный подход, включающий, в частности, анализ определения понятия категории рода и ее эволюцию во времени, провести лингвистическое исследование, предусматривающее описание характеристики используемых для выражения категории рода языковых средств и провести сопоставительный анализ.

Процесс исследования проходил на основе описательного и сравнительно-сопоставительного методов.

Данное исследование представляет научную новизну в данной области лингвистики, поскольку впервые осуществляет сравнительный типологический анализ категории рода в таких генетически разнородных языках, как английский, русский и татарский.

Теоретическая важность данного исследования обусловлена оригинальностью избранной тематики: работа направлена на глубокий анализ общих черт и отличий категорий рода в сравниваемых языках.

Полученные в ходе исследования результаты обладают практической важностью и могут быть использованы для дальнейшего развития сопоставительной лингвистики, совершенствования теории и практики перевода, а также повышения эффективности обучения иностранным языкам.

В лингвистике род характеризуется как грамматическая категория, присущая разным частям речи (по В.А. Виноградову) с разделением на мужской, женский и средний род [7]. Обращение к анализу грамматической категории рода в разных языках даст возможность более глубоко проникнуть в особенности национально-культурных моделей мира, характерных для носителей сопоставляемых языков. Сравнительно-сопоставительный подход к исследованию помогает выявить различия и схожести в восприятии мужского и женского начал бытия, а также роль и значение среднего (нулевого) рода в языковой системе и менталитете народа. Следует отметить, что исследуемые в данной работе языки имеют значительные различия по типологической и генетической классификации. Из исследуемых индоевропейских языков английский язык принадлежит к западногерманской подгруппе германской ветви, русский — к восточнославянской группе славянской ветви. Татарский же — к тюркской ветви алтайской семьи языков, конкретнее к кипчакско-булгарской подгруппе кипчакской группы.

Изучению категории рода посвящены труды многих известных зарубежных и отечественных ученых, таких как С.Д. Канцнельсон, В.В. Виноградов, А.В. Миртов, А.А. Потемня, К. Бругман, Д. Вайс, Д. Гомбургер, В. Леманн, Э. Лайс, А. Мартине, О. Есперсен, В.В. Иоффе, Т. Кампанелла, Дж. Лайонз, А. Мейе и др. В последнее время в отечественном языкознании наблюдается рост интереса к лингвистической составляющей гендерных исследований [3, 8, 9, 10].

Предполагается, что степень сложности усвоения грамматического рода в различных языках может быть обусловлена сложностью их гендерных систем. В сопоставительном плане остаются дискуссионными некоторые вопросы, касающиеся категории рода. Логически обосновано отнесение одушевленных лиц женского пола к женскому роду и, соответственно, мужского — к мужскому. Однако нет разумных оснований для привязки других существительных к определенному роду. К тому же одно и то же существительное с тем же лексическим значением в различных языках может относиться к разным родам [4, с. 2].

В языках с развитой системой рода существуют правила, определяющие род существительных, хотя и присутствуют исключения из этих правил. Предполагается, что степень сложности усвоения грамматического рода в различных языках связана с их непростыми гендерными системами [26, с. 1].

Следует особо отметить, что грамматическая категория рода характеризуется существенным разнообразием как при межъязыковом сопоставлении, так и в рамках одного языка на различных стадиях его эволюции. Одни и те же объекты и явления могут быть охарактеризованы по-разному с точки зрения грамматического рода в зависимости от лингвистического контекста. Категория рода сформировалась в результате длительного и многофакторного развития грамматической системы языка. В этом процессе переплелись как внешние, внеязыковые факторы, так и внутренние, структурные изменения внутри самой системы [20, с. 25].

Принято различать следующие категории рода: общий род (Common Gender), мужской род (Masculine Gender), женский род (Feminine Gender) и средний род (Neuter Gender). В современных языках наблюдается разнообразие грамматических систем рода. Некоторые языки, такие как романские и иранские, используют двухродовую систему (мужской и женский род). Другие языки, в том числе славянские и немецкий, характеризуются трехродовой системой (мужской, женский и средний род). Существуют также языки с более сложными системами рода, например, четырехмерной системой, включающей мужской, женский, средний и общий роды. В скандинавских языках трехродовая система преобразовалась в двухмерную, в славянских трехродовая система, напротив, усложнилась, в индоевропейских языках трехклассная система является результатом преобразования древней двухродовой системы. Многие языки, например, тюркские, монгольские, финно-угорские не имеют категории рода.

Исследователи полагают, что следует различать грамматическую и семантическую категории рода. Грамматическая выполняет синтаксическую роль построения словосочетаний, логически не обосновывается, семантическая предполагает разделение на существительные, обозначающие живое существо (одушевленные) или объект (неодушевленные) [18, с. 256].

В настоящее время в лингвистике вопрос о том, можно ли утверждать, что грамматическая категория рода в современном английском языке все-таки присутствует, остается открытым для дискуссий [1]. Если одни исследователи полагают, что нельзя признать ее наличие из-за отсутствия в языке морфологических и синтаксических средств для ее выражения, другие, напротив, считают, что категория рода в английском языке существует, но не как грамматическая, а как семантическая. Мнение третьей группы исследователей заключается в том, что категория рода в английском языке сохранилась, но претерпела редукцию в ходе исторического развития и проявляется в таких явлениях, как замена существительного местоимением.

Как отмечает М.А. Колпакчи, в древнеанглийском языке существительные характеризовались категорией рода, которая была представлена тремя формами: мужской, женский и средний. Ученый приводит примеры таких слов, как «*mona*» (луна) и «*steorra*» (звезда) – мужского рода, «*bricg*» (мост) и «*tigol*» (кирпич) – женского рода, «*scip*» (корабль) и «*eage*» (глаз) — среднего рода [12]. Соответствие между грамматическим родом существительного и биологическим полом не являлось абсолютным. В качестве примера можно привести слова "wlf" (женщина) и "mægden" (девушка), в современном немецком языке относящихся к среднему роду, в древнеанглийском они также были словами среднего рода. В ходе исторического развития английского языка категория рода претерпела существенные изменения. С середины XVII века названия большинства животных, а также

неодушевлённых предметов стали считаться существительными среднего рода и обозначаться местоимением «it». Мужской род стал использоваться только для обозначения одушевлённых существительных — мужчин, а женский род — женщин. Таким образом, в современном английском языке грамматическая категория рода олицетворяет противопоставление мужского и женского начал. Определение рода существительного основывается на биологическом поле обозначаемого объекта.

Д.В. Кириллова исследует эволюцию грамматических категорий рода в древнеанглийском языке [11]. Автор приходит к выводу, что упрощение языкового взаимодействия привело к потере формальных признаков рода. Однако семантическая категория рода сохранилась и выражается через личные местоимения третьего лица "she", "he" и "it" [15, с. 187], которые функционируют как маркеры рода для этих существительных. Ю.В. Яровикова отмечает, что *«разрушение системы морфологических признаков основ существительных сопровождается процессом унификации надежных окончаний, дифференцирующих род, что впоследствии приводит к отмиранию грамматической категории рода»* [25, с. 79-88]. Разрушение словоизменения, приведшее к утрате родовых противопоставлений в английских именах, явилось следствием развития аналитизма в языке, превратив род в скрытую в анафорические местоимения третьего лица категорию. И.С. Рохмистров и Е.А. Золотухина полагают, что *«категория рода достаточно редуцирована, однако постепенно начинают устанавливаться параметры родовых универсалий»* [17, с. 149].

В современном английском языке определение грамматического рода слова осуществляется посредством как лексических, так и морфологических средств. Особенно это связано с расширением профессионального контингента — вовлечением женщин в определенные сферы профессиональной деятельности. В профессиональной сфере для обозначения гендерной принадлежности используются различные лингвистические маркеры, характерные для существительных женского рода. К ним относятся суффиксы -ess, -ette, -ine, добавляемые к основам слов мужского рода: steward (стюард) — stewardess (стюардесса), farmer (фермер) — farmarette (фермерша). Также часто встречается дублирование формы исходного мужского слова: man (мужчина) — woman (женщина), author (автор) — authoress (женщина-автор). Кроме того, для уточнения гендерной принадлежности используются дополнительные конструкции, например, woman doctor, she-doctor, woman police officer и др.

В последнее время в исследованиях, связанных с категорией рода, превалирует рассмотрение актуальной проблемы современной социолингвистики — образование и использование феминитивов и гендерно-нейтральных слов, обозначающих профессии: тенденции образования и использование феминитивов [5, 19], их формообразование [6] и формирование [22], грамматические проекции гендера, активизация феминитивов [21], адекватное их использование [14, 23].

Таким образом, в английском языке категория рода реализуется двумя способами:

1. Семантическая дифференциация — применение лексики в соответствии с её родовыми признаками, например, «man», «he» (мужской род); «woman», «she» (женский род); «house», «it» (средний род).

2) Морфологически — с помощью суффиксов, например, -ess, -ine, -ette.

В татарском языке, как и в других тюркских языках, нет грамматической категории рода, присущей большинству индоевропейских языков. Соответственно, нет и различия в

окончаниях, выражающих род. В частности, если в русском языке окончания определяют отношение к грамматическому роду, например, *красивый/красивая/красивое*, то в татарском языке для всех родов существует только один вариант этого слова для всех родов существительных русского языка — *матур*, также *пришел/пришла/пришло* — *килде*. Полагают, что в рамках прямых диалогических отношений, при которых различие мужчина-женщина очевидно, языковая дифференциация излишняя. Однако существуют другие, не морфологические приметы рода.

Субстантивные компоненты мужского и женского рода имеют антропологическую направленность значения [24, с. 3]. В татарском языке грамматический род обозначается при помощи специальных слов, которые присущи определённому роду. Различение по половому признаку у людей и животных выражается посредством гетеронимии. Корень слова несёт в себе значение пола при делении на два пола живых организмов: мужской (самцы) и женский (самки), например, *женщина (хатын)*, *мужчина (ир)*, *мама — (эни)*, *папа — (эти)*, *бабушка (эби)*, *дедушка (бабай)*, *петух (этэч)*, *курица (тавык)*, *телка (тана)*, *жеребец (айгыр)* и т.д.

В татарском языке, как и в русском, для обозначения лиц пользуются лексическими и семантическими единицами. Родственные отношения определяются с помощью таких слов как «хатын» (жена, женщина), «эни» (мама), «апа» (сестра, тётя) и другие. Однако татарский язык отличается тем, что в русском и английском языках при обращении к лицу используются личные имена, в татарском к имени принято добавлять родовой признак, например, Алсу апа (тетя Алсу), Наил абый (дядя Наил), Минзифа эоби (бабушка Минзифа), Айнур бабай (дедушка Айнур). Это объясняется культурологическими особенностями, присущими народу [16, с. 47]. Также в татарском языке личные имена заменяются сложными словами с атрибутивным отношением компонентов, например, *матур апа*, *букв. красивая тетя*, *алма апа — тетя яблоко* — обращение к тете, *дәу эни — старшая мама (бабушка)* — обращение к бабушке и др.

Синтаксическое обозначение пола осуществляется посредством словосочетаний, структура которых включает в себя существительное и определение. При этом определяющее слово несёт семантическую нагрузку, указывающую на половую принадлежность, например, *кыз бала* — ребенок женского пола, девочка; *ир бала* — ребенок мужского пола, мальчик.

В татарском языке категория общего рода отсутствует. Тем не менее, в нём имеются лексические единицы, по смысловому значению эквивалентные существительным общего рода в русском языке. К их числу относятся слова типа "саран" (жадина), "ачык авыз" (растяпа) и "аксөяк" (белоручка) и др.

В структурной организации русского языка категория рода существительных является важным компонентом, представляя собой многоаспектное и сложное явление. Известно, что русский язык обладает сформированной системой грамматических родов, характеризующих существительное, чего нельзя сказать об английском и татарском языках. Она предстает сложной и значимой системой языка. Дифференциация существительных по родам (мужской, женский, средний) является фундаментальным принципом русской грамматики (в некоторых классификациях выделяются существительные общего вида (*неряха, зубрила*), существительные, не имеющие родовых различий (*сливки, очки*), а также парные существительные, называющие предметы, состоящие из двух частей (*ножницы, брюки* и др.). В русском языке категория рода проявляется на различных уровнях: синтаксическом,

морфологическом, лексическом и словообразовательном [2, с. 35]. Исследователи выделяют четыре основных способа её выражения: морфологический, лексический, словообразовательный и синтаксический [13, с. 39].

Таким образом, как показывают сопоставительное исследование категории рода в английском, татарском и русском языках, в данной области имеются определенные расхождения и сходства, которые можно объяснить различием в образе мышления, культуре предшествующих поколений носителей исследуемых языков, что, в свою очередь, привело к разным отношениям к одним и тем же понятиям. Понятие категории рода уходит корнями в особенности древнего мифологического мышления носителей того или иного языка.

В русском языке система грамматического рода более обширна и дифференцирована по сравнению с английским и татарским языками. В английском языке признаки мужского и женского рода присущи лишь одушевлённым существительным.

Свойственная русскому языку категория рода отсутствует в английском и татарском языках. В этих языках пол выражается своими языковыми средствами. Исходя из типологического разнообразия исследуемых языков, можно отметить наличие специфических комплексов средств выражения родовых признаков. В русском языке преобладает семантико-синтетический тип, в то время как в татарском языке реализуется семантико-аналитический тип.

Литература

1. Айрапетян А.Г., Новикова Д.Д. Сопоставительная характеристика категории рода в русском и английском языках // Молодой ученый. 2016. № 7 (111). С. 1129-1132.
2. Балалыкина Э.А. Современный русский язык. Морфология. Часть 1: Имена. Наречия. Категория состояния. 2003. Казань: Изд-во Казан. ун-та. С. 35.
3. Бахаева Л.М. Грамматическая категория рода в английском языке на фоне гендерной проблематики // Известия Чеченского государственного университета. 2018. № 2. С. 89-93.
4. Бровина А.В. «Doing gender» в речевом поведении // Гуманитарный научный вестник. 2023. № 6. С. 1-5.
5. Брусенская Л.А. Грамматические параметры конфликтогенности: морфологические категории рода и числа // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25. № 3. С. 61-73.
6. Бурдина Е.А. Язык и общество в рамках категории рода: феминитивы в современной ортологии // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2020. № 06 (62). 153 с.
7. Виноградов В.А. Род // Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В.Н. Ярцева. 1990. М.: Советская энциклопедия. 685 с.
8. Дмитриев А.В., Истомина М.А. Категория рода в английском и русском языках в свете андроцентрического подхода: гендерная критика языка // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в неязыковом вузе. 2021. С. 47-53.
9. Истомина М.А., Мельников Р.А., Дмитриев А.В. К вопросу о грамматической категории рода в английском и русском языках в аспекте гендерной лингвистики // Неделя науки СПбПУ. 2020. С. 177-179.
10. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык. 2022.
11. Кириллова Д.В. К проблеме грамматической категории рода в английском языке //

Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков: сборник материалов XXIV Международной научно-практической конференции. Москва, 27 декабря 2023 года.

12. Колпачки М.А. Дружеские встречи с английским языком. 1978. Л.: ЛГУ. С. 43.
13. Корнеева Т.А. Имена в грамматической системе русского языка: конспект лекций. 2014. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет. 102 с.
14. Куликова Э.Г. Точность речи и грамматическая категория рода в современном русском языке // Мир русского слова. 2023. № 1. С. 22-28.
15. Лутфуллина Г.Ф., Замалютдинова Э.Р. Маркирование женского рода в наименованиях лица в английском и татарском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 1. С. 186-190.
16. Нуруллина Г.М. К вопросу о средствах выражения родового признака в татарском языке в сопоставлении с русским языком // Вестник ТГГПУ. 2007. № 4 (11). С. 46-48.
17. Рохмистров И.С., Золотухина Е.А. К вопросу о категории рода в современном английском языке // Вестник современных исследований. 2019. № 3 (11). С. 149-152.
18. Саламатина Ю.В. Анализ категории рода в английском языке // Инновационная траектория развития современной науки: становление, развитие, прогнозы. 2020. С. 254-257.
19. Стефаниди А.А. Тенденции образования и использования феминитивов: на примере русского, английского и французского языков // Global and Regional Research. 2020. Т. 2. № 2. С. 541-547.
20. Тутарищева М.К. К вопросу о категории рода в разносистемных языках // Теория и практика актуальных исследований. 2016. № 15. С. 24-28.
21. Усенко Н.М. Гендер как социальный конструкт: грамматические проекции (на материале современного медиадискурса) // Discourse. 2024. Т. 105. № 4. С. 96-104.
22. Хижняк С.П. Феминитивы vs гендерно-нейтральные слова со значением профессий в русском и английском языках // Язык науки и профессиональная коммуникация. 2020. № 2 (3). С. 24-37.
23. Хомищевич О.М. Некоторые особенности образования и употребления наименований лиц женского пола в английском языке // Преподавание иностранных языков в поликультурном мире: традиции, инновации, перспективы: сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 22 марта 2024 года. С. 127-131.
24. Шарипова Р.Й. Категория рода во фразеологии английского и татарского языков: на материале фразеологических единиц с компонентом-существительным мужского и женского рода: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 2004. Казань. 23 с.
25. Яровикова Ю.В. К вопросу о маркировании рода в английском языке // Язык и текст. 2020. Том 7. № 3. С. 79-88. DOI: 10.17759/langt.2020070308
26. Kramer R. An Exoskeletal Approach to Grammatical Gender: Initial Predictions for Bi/Multilingual Acquisition // Linguistic Approaches to Bilingualism. 2024. Vol. 14, no. 1. DOI: 10.1075/lab.23056.kra

References

1. Airapetyan A.G., Novikova D.D. Sopostavitel'naya kharakteristika kategorii roda v russkom i angliiskom yazykakh. *Molodoi uchenyi=Young scientist*. 2016, no. 7 (111), pp. 1129-1132 (In Russ.).
2. Balalykina E.A. *Sovremennyi russkii yazyk. Morfologiya. Chast' 1: Imena. Narechiya.*

- Kategoriya sostoyaniya. 2003. Kazan': Publ. Kazan. un-ta, p. 35 (In Russ.).
3. Bakhaeva L.M. Grammaticheskaya kategoriya roda v angliiskom yazyke na fone gendernoi problematiki. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta=Proceedings of Chechnya State University*. 2018, no. 2, pp. 89-93 (In Russ.).
 4. Brovina A.V. «Doing gender» v rechevom povedenii. *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik=Humanitarian Scientific Bulletin*. 2023, no. 6, pp. 1-5 (In Russ.).
 5. Brusenskaya L.A. Grammaticheskie parametry konfliktogenosti: morfologicheskie kategorii roda i chisla. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki=Proceedings of South Federal University. Philology*. 2021. Vol. 25, no. 3, pp. 61-73 (In Russ.).
 6. Burdina E.A. Yazyk i obshchestvo v ramkakh kategorii roda: feminitivy v sovremennoi ortologii. *Filologicheskii aspekt: mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal=Philological aspect: international scientific and practical journal*. 2020, no. 06 (62). 153 p. (In Russ.).
 7. Vinogradov V.A. Rod. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'=Linguistic Encyclopedic Dictionary*. In V.N. Yartseva (ed.). 1990. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 685 p. (In Russ.).
 8. Dmitriev A.V., Istomina M.A. Kategoriya roda v angliiskom i russkom yazykakh v svete androtsentricheskogo podkhoda: gendernaya kritika yazyka. *Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki v neyazykovom vuze=Actual problems of linguistics and linguodidactics in non-language university*. 2021, pp. 47-53 (In Russ.).
 9. Istomina M.A., Mel'nikov R.A., Dmitriev A.V. K voprosu o grammaticheskoi kategorii roda v angliiskom i russkom yazykakh v aspekte gendernoi lingvistiki. *Nedelya nauki SPbPU=Week of Science in Saint Petersburg Polytechnical University*. 2020, pp. 177-179 (In Russ.).
 10. Kirilina A.V. Gendernye issledovaniya v lingvisticheskikh distsiplinakh. *Gender i yazyk=Gender and language*. 2022 (In Russ.).
 11. Kirillova D.V. K probleme grammaticheskoi kategorii roda v angliiskom yazyke. Razvitie nauki i praktiki v global'no menyayushchemsya mire v usloviyakh riskov: sbornik materialov XXIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moscow, 27 December 2023 (In Russ.).
 12. Kolpakchi M.A. Druzheskie vstrechi s angliiskim yazykom. 1978. Leningrad: Leningrad State University, p. 43 (In Russ.).
 13. Korneeva T.A. Imena v grammaticheskoi sisteme russkogo yazyka: konspekt lektsii. 2014. Kazan': Kazan' (Volga) Federal University. 102 p. (In Russ.).
 14. Kulikova E.G. Tochnost' rechi i grammaticheskaya kategoriya roda v sovremennom russkom yazyke. *Mir russkogo slova=World of Russian word*. 2023, no. 1, pp. 22-28 (In Russ.).
 15. Lutfullina G.F., Zamalyutdinova E.R. Markirovanie zhenskogo roda v naimenovaniyakh litsa v angliiskom i tatarskom yazykakh. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki=Philological sciences. Issues of theory and practice*. 2021. Vol. 14, no. 1, pp. 186-190 (In Russ.).
 16. Nurullina G.M. K voprosu o sredstvakh vyrazheniya rodovogo priznaka v tatarskom yazyke v sopostavlenii s russkim yazykom. *Vestnik TGGPU=Bulletin of Tatar State University of Humanities and Education*. 2007, no. 4 (11), pp. 46-48 (In Russ.).
 17. Rokhmistrov I.S., Zolotukhina E.A. K voprosu o kategorii roda v sovremennom angliiskom yazyke. *Vestnik sovremennykh issledovaniy=Bulletin of modern researches*. 2019, no. 3 (11), pp. 149-152 (In Russ.).
 18. Salamatina Yu.V. Analiz kategorii roda v angliiskom yazyke. *Innovatsionnaya traektoriya razvitiya sovremennoi nauki: stanovlenie, razvitie, prognozy=Innovative trajectory of development of modern science: formation, development, forecasts*. 2020, pp. 254-257 (In Russ.).
 19. Stefanidi A.A. Tendentsii obrazovaniya i ispol'zovaniya feminitivov: na primere russkogo,

- angliiskogo i frantsuzskogo yazykov. *Global and Regional Research*. 2020. Vol. 2, no. 2, pp. 541-547 (In Russ.).
20. Tutarishcheva M.K. K voprosu o kategorii roda v raznosistemnykh yazykakh. *Teoriya i praktika aktual'nykh issledovaniy=Theory and practice of actual researches*. 2016, no. 15, pp. 24-28 (In Russ.).
21. Usenko N.M. Gender kak sotsial'nyi konstrukt: grammaticheskie proektsii (na materiale sovremennogo mediadiskursa). *Discourse*. 2024. Vol. 105, no. 4, pp. 96-104 (In Russ.).
22. Khizhnyak S.P. Feminitivy vs genderno-neitral'nye slova so znacheniem professii v russkom i angliiskom yazykakh. *Yazyk nauki i professional'naya kommunikatsiya=Language of science and professional communication*. 2020, no. 2 (3), pp. 24-37 (In Russ.).
23. Khomitsevich O.M. Nekotorye osobennosti obrazovaniya i upotrebleniya naimenovaniy lits zhenskogo pola v angliiskom yazyke. Prepodavanie inostrannykh yazykov v polikul'turnom mire: traditsii, innovatsii, perspektivy: sb. st. VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Minsk, 22 March 2024, pp. 127-131 (In Russ.).
24. Sharipova R.I. Kategoriya roda vo frazeologii angliiskogo i tatarskogo yazykov: na materiale frazeologicheskikh edinit s komponentom-sushchestvitel'nykh muzhskogo i zhenskogo roda: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Ph. D. (Philology). Thesis]. 2004. Kazan'. 23 p. (In Russ.)
25. Yarovikova Yu.V. K voprosu o markirovanii roda v angliiskom yazyke. *Yazyk i tekst=Language and Text*. 2020. Vol. 7, no. 3, pp. 79-88. DOI: 10.17759/langt.2020070308 (In Russ.)
26. Kramer R. An Exoskeletal Approach to Grammatical Gender: Initial Predictions for Bi/Multilingual Acquisition. *Linguistic Approaches to Bilingualism*. 2024. Vol. 14, no. 1. DOI: 10.1075/lab.23056.kra

Информация об авторе

Гафиуллина Кадрия Накиповна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и иностранных языков, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (КФ ФГБОУ ВО РГУП), г. Казань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3208-8778>, e-mail: gafiullina.kn@yandex.ru

Information about the author

Kadriya N. Gafiullina, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Foreign Languages, the Kazan Branch of Russian State University of Justice, Kazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3208-8778>, e-mail: gafiullina.kn@yandex.ru

Получена 14.10.2024
Принята в печать 25.11.2024

Received 14.10.2024
Accepted 25.11.2024

Темпоральные признаки продуктивной и репродуктивной речи говорящего

Величкова Л.В.

Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО ВГУ), г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3917-4481>, e-mail: velilu28@gmail.com

Янчич Н.А.

Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО ВГУ), г. Воронеж, Российская Федерация

e-mail: nataliya.stryapchih@gmail.com

В статье представлены результаты научно-практического исследования, целью которого являлось определение степени влияния темпа речи на различение слушателем типа речи говорящего по признаку продуктивности/репродуктивности. Данная тема особенно актуальна в связи с развитием современных технологий восприятия человеческой речи и порождения искусственной речи. Мы находимся в той точке развития этих технологий, когда порожденная машиной речь все еще без труда распознается слушателем как искусственная, хотя сходство с продуктивной речью человека остается велико. Это позволяет нам выдвинуть гипотезу о том, что существуют параметры речи, позволяющие слушателю воспринять её как продуктивную, репродуктивную или искусственную. В данной статье мы приводим результаты первой части исследования, затронувшей поиск дифференцирующих параметров для продуктивной и репродуктивной речи. Исследование проводилось на материалах аудиозаписей продуктивной и репродуктивной речи двух говорящих мужского пола с разными поведенческими особенностями, в том числе выраженными в речи. Установлена зависимость признака продуктивности речи от темпа речи. Выявлена сопутствующая зависимость темпа речи от эмоционального состояния и интенции говорящего. Приведено описание полученных результатов при определении различий между темпом и скоростью речи говорящего.

Ключевые слова: темп речи, скорость речи, продуктивная речь, репродуктивная речь, естественная речь, звучащая речь, параметры звучащей речи, выражение эмоций в речи.

Для цитаты: Величкова Л.В., Янчич Н.А. Темпоральные признаки продуктивной и репродуктивной речи говорящего [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 4. С. 15–22. DOI:10.17759/langt.2024110402

Temporal Features of Productive and Reproductive Speech of Speaker

Lyudmila V. Velichkova

Voronezh State University, Voronezh, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3917-4481>, e-mail: velilu28@gmail.com

Nataliya A. Yanchich

Voronezh State University, Voronezh, Russia,
e-mail: nataliya.stryapchih@gmail.com

The article presents the results of a study aimed at determining the degree of influence of speech rate on the listener's differentiation of the speaker's speech type based on the productivity/reproductivity feature. This topic is especially relevant in connection with the development of modern technologies for perceiving human speech and generating artificial speech. We are at the point in the development of these technologies when machine-generated speech is still easily recognized by the listener as artificial, although the similarity to productive human speech remains great. This allows us to put forward a hypothesis that there are speech parameters that allow the listener to perceive it as productive, reproductive, or artificial. In this article, we present the results of the first part of the study, which touched upon the search for differentiating parameters for productive and reproductive speech. The study was conducted on the materials of audio recordings of productive and reproductive speech of two male speakers with different behavioral characteristics, including those expressed in speech. The dependence of the speech productivity feature on the speech rate was established. A concomitant dependence of the speech rate on the emotional state and intention of the speaker was revealed. A description of the results obtained in determining the differences between the rate and speed of the speaker's speech is given.

Keywords: speech rate, productive speech, reproductive speech, natural speech, oral speech, parameters of speech, expression of emotions in speech.

For citation: Velichkova L.V., Yanchich N.A. Temporal Features of Productive and Reproductive Speech of Speaker. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 4, pp. 15–22. DOI:10.17759/langt.2024110402 (In Russ.).

Введение

Исследования в области естественной речи становятся все более актуальными в последнее десятилетие, что в первую очередь обусловлено стремительным развитием технологий в области исследования процесса речепорождения. Современные модули порождения речи развились до той степени, что производимая ими речь едва отличима от речи настоящего человека. Однако на данный момент синтезированная «продуктивная» речь все еще воспринимается слушающим как репродуктивная, что свидетельствует о наличии в ней параметров, присущих репродуктивной речи.

Объектом нашего исследования является звучащая речь двух типов: продуктивная и репродуктивная. Предметом нашего исследования являлся темп речи, изменение его показателей в зависимости от типа речи (продуктивная/репродуктивная), от эмоций, воздействующих на говорящего.

Целью нашего исследования являлось определение влияния темпа как определяющего параметра на восприятие звучащей речи как продуктивной или репродуктивной. Для достижения поставленной нами цели были определены следующие задачи:

- Сбор материала: подбор аудиофрагментов продуктивной и репродуктивной речи одного и того же говорящего. Измерения проводились для продуктивной и репродуктивной речи двух говорящих с разным темпераментом и обусловленным им разным средним темпом речи: речь Говорящего 1 в спокойном состоянии имеет более низкий темп, чем речь Говорящего 2;
- Определение специфических признаков аудиофрагментов: эмоции, интенция говорящего;
- Измерение темпа и скорости речи для каждого аудиофрагмента;
- Определение наличия корреляции показателей темпа и скорости речи относительно типа речи (продуктивная/репродуктивная);
- Определение наличия корреляции показателей темпа и скорости речи относительно специфических признаков аудиофрагментов;
- Определение степени идентичности показателей темпа и скорости речи.

Нами была выдвинута гипотеза о том, что темп речи как один из наиболее выраженных речевых параметров будет существенно отличаться для продуктивной и репродуктивной речи. Мы предположили, что темп репродуктивной речи будет выше, чем у продуктивной, ввиду упрощения значительной части процесса речепорождения, связанной с перекодированием смысла в речь.

Также нами была выдвинута сопутствующая гипотеза о том, что темп речи, то есть количество слогов в минуту, и скорость речи, как количество слов в минуту, будут иметь существенные различия в итоговых показателях, так как длина слов в конкретном фрагменте может существенно исказить итоговое значение.

Основным методом данного научно-практического исследования был выбран эксперимент, в ходе которого проводились измерения темпа и скорости речи, сравнение и анализ полученных результатов.

При выдвижении гипотез и проведении исследования мы в первую очередь опирались на работы Н.И. Жинкина, в частности труд «Речь как проводник информации», а также работы сотрудников фонетического центра при кафедре немецкой филологии факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета под руководством Л.В. Величковой.

Методика

В ходе работы над материалами диссертационного исследования по теме «Схема эмоционального варьирования речевого потока (на материале квазиспонтанной речи в подкастах)» нам показалось интересным исследовать механизмы различения слушателем продуктивной и репродуктивной речи, а также влияния эмоций на этот процесс.

Мы предположили, что одним из характерных атрибутов, позволяющих определить, является ли речь говорящего продуктивной либо же репродуктивной, является темп речи. Для того, чтобы определить, является ли данное предположение верным, мы провели эксперимент, отобрав двух говорящих мужского пола с разным темпераментом и характерными особенностями речи и проанализировали темп их продуктивной и репродуктивной речи. Для примера продуктивной речи мы взяли материалы из подкастов, где говорящим предлагалось порассуждать вместе с ведущими на тему фильма или сериала, который им не понравился. В качестве материалов, демонстрирующих репродуктивную речь тех же говорящих, были выбраны видеофрагменты, где говорящие читают с листа или экрана. По отобранным материалам были составлены скрипты, благодаря которым можно было посчитать количество слов и слогов, произносимых говорящими в определенный отрезок времени. По итогам измерений были составлены таблицы со всеми полученными значениями, а также с комментариями об эмоциональной составляющей каждого отрывка.

Результаты и обсуждение

На основе таблиц были составлены диаграммы, приведенные ниже.

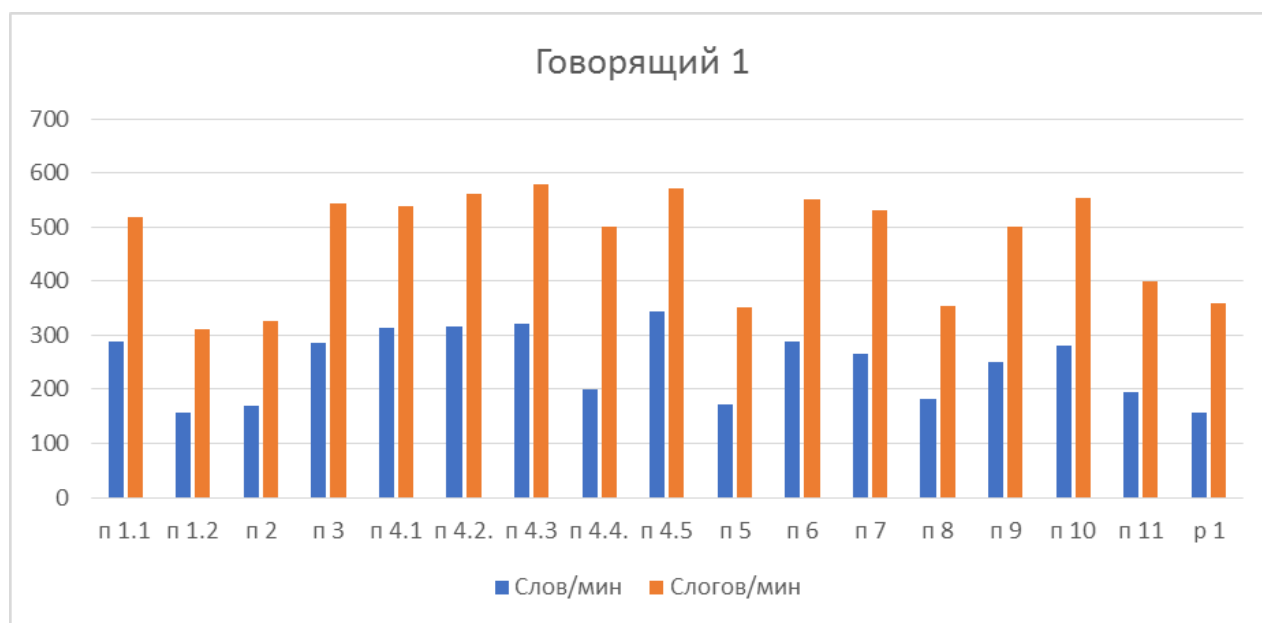

Рис. 1. Диаграмма показателей темпа и скорости речи Говорящего 1

Оранжевые столбцы обозначают темп речи, то есть количество слогов в минуту для каждого отрывка. Синие столбцы обозначают скорость речи, то есть количество слов в минуту для каждого отрывка. Как можно увидеть, общий волнообразный рисунок синих и оранжевых столбцов совпадает, что свидетельствует о прямой корреляции данных показателей.

На диаграмме 1 видно, что темп продуктивной речи говорящего (столбцы с пометкой «п» в нумерации), не окрашенной яркими эмоциями, находится в диапазоне от 500 до 600 слогов в минуту, а темп репродуктивной речи (столбцы с пометкой «р» в нумерации) – в диапазоне от 300 до 400 слогов в минуту. При этом темп некоторых фрагментов продуктивной речи

находятся в том же диапазоне, что и темп репродуктивной речи. Речь в данных фрагментах (П. 1.2, П. 2) окрашена негативными эмоциями, в ней отмечается скепсис, раздражение. Кроме того, в этих фрагментах, как и в фрагментах П.5, П.8 П.11 говорящий пересказывает сюжет фильма. При пересказе темп речи снижается до уровня темпа речи при прочтении говорящим текста с листа, что свидетельствует о том, что пересказ нельзя отнести к чистой продуктивной речи.

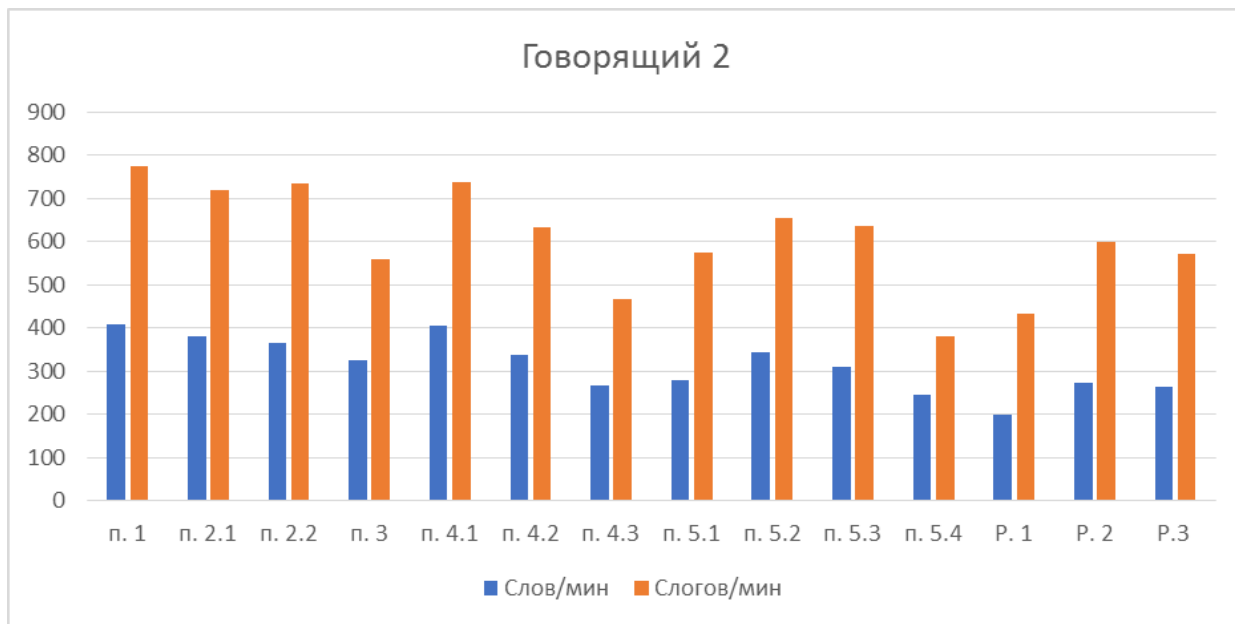

Рис. 2. Диаграмма показателей темпа и скорости речи Говорящего 2

На диаграмме второго говорящего можно увидеть, что темп его продуктивной (столбцы с пометкой «п» в нумерации), не окрашенной эмоциями речи, находится в диапазоне от 600 до 800 слогов в минуту, а репродуктивной (столбцы с пометкой «р» в нумерации) — от 350 до 600 слогов в минуту, что значительно выше, чем те же показатели темпа речи предыдущего говорящего. При этом сохраняется корреляция между скоростью и темпом речи, а также влияние на темп речи негативных эмоций, что заметно на отрывках П. 3, П. 4.3, П. 5.1, где темп речи опускается до показателей, характерных для репродуктивной речи.

Данные диаграммы были составлены на основе представленных далее таблиц, в которых отмеченные красным значения демонстрируют показатели темпа ниже среднего значения для каждого говорящего. В таблицах выделяются строки, где лишь одно из двух значений оказывается ниже среднего: это П. 4.4 для говорящего 1, а также П. 3 и P.2 для говорящего 2, что свидетельствует о том, что темп и скорость речи не являются полностью идентичными друг другу показателями, хотя в большинстве случаев довольно выражено коррелируют.

Особое внимание обращает на себя строка P.2 для говорящего 2: в данном случае говорящий намеренно старался прочитать свой текст быстро, при этом темп речи увеличился до нижней границы показателей темпа продуктивной речи характерных для данного говорящего, но скорость речи осталась в том же диапазоне показателей скорости репродуктивной речи.

Таблица 1

Темп и скорость речи Говорящего 1 и Говорящего 2 (начало)

Говорящий 1	Слов/мин	Слогов/мин		Говорящий 2	Слов/мин	Слогов/мин
П. 1.1	289	519		П. 1	408	776
П. 1.2	157	312		П. 2.1	380	720
П. 2	168	327		П. 2.2	367	733
П. 3	285	544		П. 3	324	561
П. 4.1	314	539		П. 4.1	406	739
П. 4.2.	317	561		П. 4.2	337	633
П. 4.3	322	578		П. 4.3	267	467
П. 4.4.	200	500		П. 5.1	278	574

Таблица 2

Темп и скорость речи Говорящего 1 и Говорящего 2 (продолжение)

Говорящий 1	Слов/мин	Слогов/мин		Говорящий 2	Слов/мин	Слогов/мин
П. 4.5	343	571		П. 5.2	344	656
П. 5	173	351		П. 5.3	309	636
П. 6	289	552		П. 5.4	245	382
П. 7	266	532		Р. 1	200,0	433,3
П. 8	183	354		Р. 2	271,4	600,0
П. 9	251	502		Р. 3	262,2	573,0
П. 10	282	554				
П. 11	195	401				
Р. 1	156	360				

По итогам эксперимента нами были сделаны следующие выводы.

1. Скорость речи, измеряемая в количестве слов в минуту, в большинстве случаев прямо коррелирует с темпом речи, измеряемом в количестве слогов в минуту. Однако существуют исключения, когда темп и скорость речи в одном фрагменте существенно различаются по получаемым величинам, поэтому считать их абсолютно идентичными показателями нельзя. Причины различия данных показателей в некоторых случаях могут быть исследованы дополнительно;

2. Проведенный нами эксперимент показал, что темп намеренно ускоренной репродуктивной речи остается ниже, чем темп продуктивной речи. Однако остается вопрос, является ли данное наблюдение систематическим явлением или же характерной для рассматриваемого говорящего особенностью (исследование в данном направлении продолжается);

3. Темп продуктивной, не окрашенной какими-либо яркими эмоциями, речи значительно выше, чем темп репродуктивной речи. Данный показатель сохраняется на уровне 25-35% и подтверждается материалами говорящих с различными речевыми особенностями и средними величинами темпа речи;

4. Темп продуктивной речи говорящего замедляется вплоть до показателей темпа репродуктивной речи под влиянием негативных эмоций, а также при желании говорящего намеренно передать негативные эмоции с помощью речи. Также подобное поведение

наблюдается при пересказе.

Таким образом, изначально выдвинутая нами гипотеза была опровергнута: в ходе эксперимента было установлено, что темп продуктивной речи значительно выше темпа репродуктивной речи говорящих вне зависимости от особенностей речи и темперамента. Данные результаты представляют интерес для дальнейших исследований в этой области, целью которых может являться поиск и установление причин подобного различия на уровне механизма речепорождения данных типов звучащей речи.

Выдвинутая нами сопутствующая гипотеза о различиях результатов при подсчете темпа и скорости речи, то есть количества слогов и слов в минуту соответственно, была подтверждена лишь частично: при измерении данных показателей действительно наблюдались единичные различия, однако в большинстве случаев итоговые показатели демонстрировали схожие результаты. Таким образом, можно установить, что результаты измерения скорости и темпа речи являются одинаково достоверными для русского языка. Проведение схожего эксперимента для других языков является интересной темой для отдельного исследования.

Исходя из результатов нашего эксперимента, можно сделать вывод о том, что темп речи является одним из атрибутов, с помощью которого слушатель может определить, является ли речь продуктивной или же репродуктивной. Однако, следует исследовать и определить иные характерные для данных видов речи признаки, которые помогают слушателю разделить продуктивную и репродуктивную речь говорящего, находящегося под влиянием негативных эмоций, а также пересказывающего какой-либо сюжет, так как в данном случае темп речи, как её характеристика, теряет значимость ввиду приблизительно равных значений в обоих случаях, но при этом слушатель продолжает отличать продуктивную речь от репродуктивной. Это свидетельствует о том, что существует иной параметр звучащей речи, являющийся для слушателя дифференцирующим при определении того, является ли речь продуктивной или же репродуктивной. Мы продолжим исследования в данном направлении с целью установления данного параметра.

Литература

1. Величкова Л.В. Системный анализ сегментных и супraseгментных единиц языка: сопоставительный и психолингвистический аспекты: монография. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. 160 с.
2. Елсукова Л.А. Интонация как один из факторов восприятия звучащей речи на синтаксическом уровне // Вестник Вятского государственного университета. 2011. С. 25-29.
3. Жабин Д.В. Темпо-ритмическая характеристика спонтанной речи говорящих некоторых типов психических акцентуаций личности в состояниях психоэмоциональной напряженности // Филология: научные исследования, 2024. № 3. С. 105-113.
4. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М: Издательство Наука, 1982. 159 с.
5. Порческу Г. В. Оперативные единицы восприятия речи на разных лингвистических уровнях // Материалы I международной научной конференции «Филологические науки в России и за рубежом»: (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). Санкт-Петербург: Реноме, 2012. С. 165-168.
6. Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности: (экспериментальное исследование). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. 236 с.

References

1. Velichkova L.V. Sistemnyj analiz segmentnyh i suprasegmentnyh edinic jazyka: sopostavitel'nyj i psiholingvистический аспект: монография. [Systems analysis of segmental and suprasegmental units of language: comparative and psycholinguistic aspects: monograph]. Voronezh: SCIENCE-UNIPRESS, 2022. 160 p. (In Russ.)
2. Elsukova L.A. Intonacija kak odin iz faktorov vosprijatija zvuchashhej rechi na sintaksicheskom urovne [Intonation as one of the factors of perception of sounding speech at the syntactic level]. *Herald of the Vyatka State University*. 2011, pp. 25-29 (In Russ.).
3. Zhabin D.V. Tempo-ritmическая характеристика спонтанной речи говорjашhих некоторых типов психических акцентуаций личности в состояниях психоемоциональной напряженности [Tempo-rhythmic characteristics of spontaneous speech of speakers of certain types of mental accentuations of personality in states of psychoemotional tension]. *Philology: scientific research*, 2024, no. 3, pp. 105-113 (In Russ.).
4. Zhinkin N.I. Rech' kak provodnik informacii [Speech as a conductor of information]. Moscow: Nauka Publishing House, 1982. 159 p. (In Russ.)
5. Porchescu G.V. Operativnye edinicy vosprijatija rechi na raznyh lingvистических уровнях [Operational units of speech perception at different linguistic levels]. *Materialy I mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Filologičeskie nauki v Rossii i za rubezhom» (g. St. Petersburg, fevral' 2012 g.)* [Proceedings of the First International scientific conference “Philological sciences in Russia and abroad”] St. Petersburg, February 2012. Saint Petersburg: Renome, 2012, pp. 165-168 (In Russ.).
6. Shtern A.S. Perceptivnyj aspekt rechevoj dejatel'nosti: (jeksperimental'noe issledovanie) [Perceptual aspect of speech activity: (experimental study)]. Saint Petersburg: Publ. Saint Petersburg University, 1992. 236 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Величкова Людмила Владимировна, доктор филологических наук, профессор, руководитель НМЦ фонетики, Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО ВГУ), г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3917-4481>, e-mail: velilu28@gmail.com

Янчич Наталья Алексеевна, аспирант кафедры немецкой филологии, Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО ВГУ), г. Воронеж, Российская Федерация, e-mail: nataliya.stryapchih@gmail.com

Information about the authors

Ljudmila V. Velichkova, Doctor in Philology, Professor, Head of the Scientific and Methodological Center of Phonetics, Voronezh State University (VSU), Voronezh, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3917-4481>, e-mail: velilu28@gmail.com

Nataliya A. Yanchich, PhD Student, Department of German Philology, Voronezh State University (VSU), Voronezh, Russia, e-mail: nataliya.stryapchih@gmail.com

Получена 17.10.2024
Принята в печать 25.11.2024

Received 17.10.2024
Accepted 25.11.2024

Терминотворчество М.В. Панова как отражение особенностей мышления ученого

Щепалин М.Д.

Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ), г. Москва,
Российская Федерация
e-mail: Maksim.Dmitrievich.Sch@yandex.ru

Актуальность обусловлена интересом исследователей к проблематике работы творческого мышления, а также способам ее изучения по вербализованным результатам деятельности конкретных авторов. В статье на примере научного творчества М.В. Панова рассматривается пригодность терминов и их дефиниций для извлечения информации о когнитивных стилях и типах мышления. В ходе исследования были использованы методы контент-анализа и сопоставительного анализа. Материалом исследования послужили научные работы М.В. Панова. Были сделаны выводы о проявлении у исследованного автора когнитивных стилей: гибкий познавательный контроль, когнитивная сложность, узкий диапазон эквивалентности, заострение и полнезависимость мышления. Помимо этого, мышление М.В. Панова сочетало свойства научного и художественного, а при терминотворчестве применялась речемыслительная операция «детализация».

Ключевые слова: когниция, когнитивные стили, терминотворчество, речемыслительные операции, креативность, типы мышления.

Для цитаты: *Щепалин М.Д.* Терминотворчество М.В. Панова как отражение особенностей мышления ученого [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 4. С. 23–31. DOI:10.17759/langt.2024110403

Terms by M.V. Panov as a Mirror of the Scientist's Mind

Maksim D. Schepalin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
e-mail: Maksim.Dmitrievich.Sch@yandex.ru

The relevance is conditioned by the interest of researchers to the problems of creative thinking work, as well as the ways of its study by verbalized results of specific authors' activity. The article considers the relevance of terms and their definitions for extracting information about cognitive styles and types of thinking on the example of scientific creativity of M.V. Panov. The methods of content analysis and comparative analysis were used in the course of the research. The materials of the study were

scientific works by M.V. Panov. Conclusions were made about the manifestation of such cognitive styles as flexible cognitive control, cognitive complexity, narrow range of equivalence, sharpening, and gender-independent thinking in the researched author. In addition, M.V. Panov's thinking combined the properties of scientific and artistic, and such a speech and thinking operation as 'detailing' was used in term creation.

Keywords: cognition, cognitive style, term creation, intellect operations, creativity, types of thinking.

For citation: Schepalin M.D. Terms by M.V. Panov as a Mirror of the Scientist's Mind. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 4, pp. 23–31. DOI:10.17759/langt.2024110403 (In Russ.).

Введение

В процессе научного познания действительности ученый создает тексты, фиксирующие результаты научного поиска. При этом он не воспроизводит каждый раз концепцию, на которую опирается, а отсылает к ней с помощью информационно емких единиц, в числе которых главными являются термины. Такой отсылочный аппарат позволяет не включать в текст саму концепцию в виде прямого цитирования [7, с. 382]. Если ученый развивает и обогащает уже существующую концепцию или создает новую, он должен отразить это приращение знания в термине.

Анализ текстов, отражающих процесс и результаты терминотворчества со стороны конкретных ученых, позволит нам определить индивидуальные особенности мышления, которые выражаются в тех или иных когнитивных стилях учёного. Под когнитивными стилями мы, вслед за М.А. Холодной, понимаем «индивидуально-своеобразные способы переработки информации, которые характеризуют специфику склада ума конкретного человека и отличительные особенности его интеллектуального поведения» [18, с. 16]. При анализе материала в статье учитывалась классификация когнитивных стилей на основе биполярного подхода, которая была разработана М.А. Холодной, в частности такие параметры, как «узкий / широкий диапазон эквивалентности», «ригидный / гибкий познавательный контроль», «сглаживание / заострение», «когнитивная простота / сложность» [Там же]. Кроме этого, мы опирались на классификацию речемыслительных операций, выявленных Ба Юйсинь и О.В. Евтушенко [5] в процессе изучения словотворчества. Под речемыслительными операциями мы будем понимать особые способы обработки, сохранения и использования результатов отражения объективного мира языковыми средствами.

В основе нашего исследования лежит **гипотеза** о том, что создание термина – это проявление лингвокреативности. В том, насколько стандартны или окказиональны приемы порождения термина, отражается когнитивный стиль ученого.

Целью проведенного исследования было рассмотрение терминов как языковых единиц, способных выполнять роль маркеров особенностей мышления конкретного исследователя.

В качестве **методов** исследования мы использовали контент-анализ и сопоставительный анализ.

Материалами исследования послужили труды Михаила Викторовича Панова. Данный

выбор был обусловлен широтой рассматриваемых автором тем, а также большим влиянием поэзии на его жизнь и деятельность. Михаил Викторович сам писал стихи и был способен «выявлять поэзию в науке» [2, с. 91]. Такая тесная связь науки и поэзии, их «неразрывность в творчестве учёного и поэта» [Там же] нашли своё отражение и в предлагаемых терминах.

Изучение терминоворотчества в науке

Терминологию принято называть специфическим лексиконом языка науки. Термин — это «слово (словосочетание) метаязыка науки и приложений научных дисциплин, а также слово, обозначающее специфические реалии областей конкретной практической деятельности человека» [1, с. 89]. К этому обычно добавляют, что «термин требует специальной дефиниции (точного научного определения)» [16, с. 14].

Для нашего исследования важно, какие способы порождения термина есть в распоряжении ученого. Существуют два основных способа создания однословного термина: 1) путем заимствования, внутреннего или внешнего; 2) путем деривации. Внутреннее заимствование — это перенос слова в терминосистему из того же языка, а именно из его «старых фондов» (архаизмы), из актуальных запасов общеупотребительного языка или из языков для специальных целей, т. е. из других терминосистем. Первые два вида переноса называются терминологизацией, последний — транстерминологизацией [16, с. 194]. Перенос может сопровождаться расширением / сужением значения, метафоризацией [8] или метонимизацией [3]. Семантические изменения, происходящие при терминологизации и транстерминологизации, являются продуктом речемыслительных операций. Внешнее заимствование — это перенос в терминосистему слов чужого языка. Терминообразование (создание дериватов) накладывает на ученого определенные ограничения: он должен отдавать предпочтение определенным морфемам и композиционным моделям, чтобы вписать термин в терминосистему. Для деривации могут использоваться интернациональные терминологические элементы, т. е. взятые из чужого языка, морфемы собственного языка или сочетание тех и других. У А.В. Суперанской, Н.В. Подольской и Н.В. Васильева касательно терминоворотчества мы можем найти следующее: «...использование для терминологических нужд общеупотребительного слова и изобретение новых словесных знаков являет собой две главных тенденции в терминоворотчестве <...> определяют “лицо” терминосистемы и научного метаязыка в целом» [16, с. 199]. Следование общему принципу создания метаязыка своей области или применение своего подхода тоже характеризует когнитивный стиль ученого.

Неонимы (новые термины) могут создаваться также синтагматическим путем — путем создания словосочетаний, нередко доходящих до 8–11 слов, причем не поддающихся сокращению. Такие образования А.В. Исаченко называл «терминами-описаниями» и критиковал их как «свернутые дефиниции» (цит. по [16, с. 97]). Для нас деление А.В. Исаченко на «термины-названия» и «термины-описания» важно как отражение процедур селекции и комбинации, характеризующих когнитивный стиль. А.В. Суперанская, Н.В. Подольская и Н.В. Васильева предложили для обозначения однословных терминов, заимствованных и сконструированных, использовать слово «метки» [16, с. 98], и мы будем придерживаться его в своей работе.

Отдельно выделяются нестандартные способы терминоворотчества, в частности «квазиомонимические». Они заключаются в отталкивании от уже существующих терминов и создании неонима путем их трансформации. Примечательно, что для иллюстрации такого

подхода А.В. Суперанская, Н.В. Подольская и Н.В. Васильева используют термин М.В. Панова [Там же, с. 223].

Все сказанное заставляет нас обратиться к анализу терминоворотчества М.В. Панова как источнику сведений об их когнитивных стилях. При анализе материала нами учитывались разработки Н.А. Мишанкиной и Е.А. Панасенко, в частности мы обращали внимание на контексты употребления термина [8].

Терминоворотчество М.В. Панова

В терминоворотчестве М.В. Панова демонстрируется разнообразие подходов. Мы допускаем, что ему были известны взгляды А.В. Исаченко на «термины-описания» [6], и потому он сознательно подбирал термины-метки. Кроме того, считая дихотомию в языке важнейшей методологической предпосылкой, он и в терминоворотчестве опирался на принцип минимальных пар. Наконец, он хорошо ориентировался в технике создания новых слов, в том числе поэтической.

Первые два авторских термина М.В. Панова — минимальная пара *синтагмо-фонема* и *парадигмо-фонема* — были введены в книге 1967 г. «Русская фонетика». По результатам их обсуждения позже, в 1981 г., в учебнике «Современный русский язык» был добавлен термин *дифференциатор*.

К необходимости выделения двух типов фонем М.В. Панов пришел в результате осознания того, что «парадигматические и синтагматические описания», применяемые Пражской и Московской фонологическими школами, «не тавтологичны. Они представляют объективно различные типы закономерностей в языке» [12, с. 324]. Ученый доказывает, что термин *фонема* омонимичен, и это многих сбивает с толку, заставляя искать способы совмещения двух подходов. М.В. Панов разделяет омонимы, добавляя к основе *фонем-* еще один корень, указывающий на основной исследовательский подход. Так появляются термины *синтагмо-фонема* — фонема, выделенная с учетом звуко сочетаний, т.е. позиции (это подход пражской школы), и *парадигмо-фонема* — ряд позиционно чередующихся звуков (подход МФШ) (подробный анализ см. [15]). Эти авторские термины образованы путем РМО детализации, а их появление может указывать на когнитивный стиль заострения. Стремление к поддающейся обоснованию детализации — это характерная черта научного мышления.

Интересно, что М.В. Панов не останавливается на снятии омонимии термина *фонема*, а переходит к высокому уровню обобщения: он выявляет синтагматический и парадигматический принцип как движущую силу диахронических изменений в языке, причем эти принципы оказываются в дополнительной дистрибуции. Кроме того, ученый устанавливает доминирование одного из них в одном языке и другого — в другом на синхронном срезе. Иными словами, наблюдается движение его мысли к дезантропоморфизму (уход от устанавливаемого человеком научного метода к общим закономерностям), что характерно для научного мышления. Значительное усложнение соответствующего фрагмента фонологических и шире — лингвистических — знаний позволяет говорить о когнитивной сложности, характеризующей стиль мышления М.В. Панова.

Показательно, что ученый последующие 15 лет продолжает думать над неудобством использования обозначения *фонема*, пусть и с уточняющим вторым корнем, для

принципиально разных описаний (вернее было бы сказать «срезов») языка. М.В. Панов отказывается от им же введенных терминов и предлагает назвать синтагмо-фонемы *дифференциаторами* — по их функции различать языковые единицы. Оставаясь верным принципу минимальных пар, ученый в примечаниях допускает переименование парадигмо-фонем в *идентификаторы*. Следует отметить, что функциональный метод в это время начинает доминировать в русистике, и такое смещение внимания отразилось в терминоворотчестве М.В. Панова. Кроме того, уход от наименования *фонема* означал разрыв связи с учителями. Способность пойти на такой шаг характеризует стиль мышления ученого как полнезависимый.

Другую сторону терминоворотческого таланта М.В. Панова открывает термин *нофема*, который появился в работе 1973 г. «Об одном из возможных описаний фонетической системы русского языка». Его корень — палиндром к корню термина *фонема*, и такая комбинаторика указывает на оппозитивные отношения. К корню добавлен эмический аффикс, уравнивающий *нофему* с *фонемой* в системе языка. М.В. Панов называет свой термин «минимально отличным от термина *фонема*» [13, с. 387] и добавляет, что и по своей природе он антипод фонеме¹. Под *нофемой* М.В. Панов понимает позицию, которая предопределяет «перцептивные отпечатки одного звука на другом» [Там же, с. 390]. Так, взрывные согласные укорачивают предшествующий гласный. Такую позицию можно считать *нофемой* X. Все слова языка могут быть описаны через совокупность *нофем*. Целесообразность введения *нофемы* М.В. Панов объяснял потребностями описания поэтической речи: в ней важными могут оказываться признаки, нерелевантные для фонологии (например, дизность гласного), но существенные для *нофологии*.

Концепция перцептивно значимых позиций значительно трансформирует устоявшиеся к моменту написания статьи представления о фонематической системе. Это свидетельствует о полнезависимом когнитивном стиле и гибком познавательном контроле. Сосредоточение внимания на трудноразличимых акустических признаках, таких как дизность или лабиализация, говорит об узком диапазоне эквивалентности и заострении. Способ создания термина сочетает в себе селекцию (парономазия) и комбинацию (перестановка звуков). Такая проекция с «оси селекции» на «ось комбинации» служит, по Р.О. Якобсону, реализацией поэтической функции языка [19, с. 204]. Иными словами, тип мышления М.В. Панова можно идентифицировать и как художественный, и как научный одновременно.

Другой термин — *кнотр* — был придуман примерно в то же время — в середине 1970-х гг. Необходимость в нем М.В. Панов объясняет так: «...нужно особое слово для такого ритма, при котором каждая единица избирается свободно» [14, с. 15]. Примечательно, что ученый описывает и процесс создания этого термина: «Термин должен быть бессмысленный, но по своему фонетическому строению мне важно, чтобы он немножко напоминал слова метр и ритм» [Там же]. Сходство фонетической оболочки слов должно показывать, что речь во всех случаях идет о повторе, причем повторе отношений, а отличие отражает тот факт, что, в противоположность ритму и метру, характер отношений и вид повтора избираются автором свободно. Сходство имен М.В. Панов обеспечивает как знаток фонологии и поэтической техники одновременно.

¹ Как отмечает В.В. Фещенко, «как правило, научный термин, сколь неологичным он бы ни был, вводится в виде антиномии, т.е. в паре с оппозитивным понятием» [17, с. 250].

Набор звуков в слове *кноп* отнюдь не бессмыслен. Он выбран по тем же основаниям, по которым В. Хлебников выстраивал «скорнения» — паронимическую аттракцию, вскрывающую смысловую близость двух понятий [4]. Не случайно В.И. Новиков называет М.В. Панова «оригинальным поэтом» [9, с. 125] и указывает, что для него, как и для работавшего с ним В.П. Григорьева, В. Хлебников был любимым поэтом. Для паронимической аттракции нужно совпадение хотя бы трех звуков в любой комбинации. В словах *метр*, *ритм* и *кноп* явно совпадают графемы *t* и *p*, и к этому можно добавить, что «в русском языке объединены фонемы <а – о – э – и>» [11, с. 474], и это служит достаточным основанием для паронимической аттракции. Как отмечает В.И. Новиков, «В Панове <...> человек, ученый и литератор были прочно слиты» [10, с. 48]. Можно предположить, что такая языковая игра была еще и окрашена когнитивной эмоцией радости, поскольку ученый мог ощутить себя творцом метаязыка науки, построенного на новых — инодискурсивных — основаниях.

Таким образом, *нофема* и *кноп* имеют ряд сходств и различий. В обоих случаях принцип создания термина заимствован из другой сферы речевой деятельности, слова появляются в результате применения поэтических приемов. Однако М.В. Панов использует принципиально разные приемы — палиндром и паронимическую аттракцию, — основанные один на комбинации, другой на селекции. В первом случае фокус внимания был направлен на противоположность научных подходов, а во втором — на сходство явлений. Первый термин мотивирован, хотя его внутреннюю форму нельзя назвать прозрачной, второй должен был восприниматься как немотивированный, хотя и это не совсем верно — мотивация у него есть, но она лежит в плоскости абстрактных построений. Термины относятся к разным разделам лингвистики – к принципиально объективированной фонетике и фонологии и к допускающей проявление личностного начала при интерпретации лингвопоэтике.

Помимо этого, М.В. Панов знал, что слова, созданные по нестандартным моделям, редко выходят из разряда окказионализмов². Видимо, по этой причине он не придает значения последующей узуализации своих терминов из поздних работ. Это можно объяснить, во-первых, тем, что они маркируют авторскую концепцию, требующую специальных знаний, а значит, не рассчитаны на широкую публику, а во-вторых, еще и тем, что в научном труде М.В. Панов высоко ценил когнитивную эмоцию, и термины должны были стать иконическим знаком научного открытия, т.е. представлять собой такое же структурированное ученым гармоничное целое, как и означиваемая ими концепция.

Заключение

Из сказанного следует, что мышление М.В. Панова сочетало свойства научного и художественного. Использовалась речемыслительная операция «детализация», а также нашли свое проявление такие когнитивные стили, как гибкий познавательный контроль, когнитивная сложность, узкий диапазон эквивалентности, заострение, а также полнезависимый когнитивный стиль.

Литература

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 347 с.

² М.В. Панов приводит ответ В. Маяковского на вопрос, войдут ли его неологизмы в речь: «Ну, может и найдется один-другой такой дохлый...» [14, с. 341].

2. Волошина О.А. Поэзия науки и наука поэзии (о научном и поэтическом наследии М.В. Панова) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 2. С. 90-99.
3. Голованова Е.И. Метонимия в сфере профессиональной номинации // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 10 (432). С. 50–58. DOI 10.24411/1994-2796-2019-11007.
4. Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М.: Наука, 1986. 253 с.
5. Евтушенко О.В., Ба Ю. Типология речемыслительных операций, лежащих в основе словотворчества // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 17(756). С. 26-38.
6. Исаченко А.В. Термин-описание или термин-название? // Славянска лингвистична терминология. София, 1962. №. 1. С. 19–25.
7. Мишанкина Н.А. Роль метафорической концептуализации в структурировании научной информации // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 томах, Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года / Гранада, Испания: фонд "Русский мир". Гранада, Испания: Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы "МАПРЯЛ", 2015. С. 382-387.
8. Мишанкина Н.А., Панасенко Е.А. База данных метафорической терминологии: концептуальное проектирование // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6(34). С. 86-99. DOI 10.15293/2226-3365.1606.07.
9. Новиков В.И. Поэтография Михаила Панова // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. № 7. С. 121–131.
10. Новиков В.И. Роман с литературой. М.: Intrada, 2007. 280 с.
11. Панов М.В. «К думанью»: Фонологическая кулибрыга // Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова. М.: Языки славянских культур: Знак, 2007. С. 469–474.
12. Панов М.В. О двух типах фонетических систем // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 320–329.
13. Панов М.В. Об одном из возможных описаний фонетической системы русского языка // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 384–392.
14. Панов М.В. Язык русской поэзии XVIII–XX веков: Курс лекций. М.: ИД ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 584 с.
15. Соколянский А.А. О разграничении понятий дифференциатор и синтагмо-фонема // Вестник ЧитГУ. 2010. № 2 (59). С. 111–116.
16. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. стер. М.: ЛЕНАНД, 2023. 248 с.
17. Феценко В.В. Лингвокреативность в художественном и научном дискурсах // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 190–257.
18. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. 384 с.
19. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193-230.

References

1. Baranov A.N. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku [Introduction to applied linguistics]. Moscow: Editorial URSS, 2001. 347 p. (In Russ.)
2. Voloshina O.A. Poeziya nauki i nauka poezii (o nauchnom i poeticheskom nasledii M.V. Panova) [Poetry of science and science of poetry (on the scientific and poetic heritage of M.V. Panov)]. *Russkii yazyk v shkole*=*Russian language at school*. 2021. Vol. 82, no. 2, pp. 90-99. (In Russ.)
3. Golovanova E.I. Metonimiya v sfere professional'noi nominatsii [Metonymy in the sphere of professional nomination]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*=*Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019, no. 10 (432), pp. 50–58. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-11007 (In Russ.)
4. Grigor'ev V.P. Slovtvorchestvo i smezhnye problemy yazyka poeta [Word creation and related problems of the poet's language]. Moscow: Nauka, 1986. 253 p. (In Russ.)
5. Evtushenko O.V., Ba Yu. Tipologiya rechemyslitel'nykh operatsii, lezhashchikh v osnove slovtvorchestva [Typology of intellect operations underlying word creation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*=*Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social sciences*. 2016, no. 17 (756), pp. 26-38 (In Russ.)
6. Isachenko A.V. Termin-opisanie ili termin-nazvanie? [Is it a descriptive term or a naming term?]. *Slavyanska lingvistichna terminologiya*=*Slavic linguistic terminology*. Sofiya, 1962, no. 1, pp. 19–25 (In Russ.)
7. Mishankina N. A. Rol' metaforicheskoi kontseptualizatsii v strukturirovanii nauchnoi informatsii [The role of metaphorical conceptualisation in structuring scientific information]. *Russkii yazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury : materialy XIII Kongressa MAPRYaL: v 15 tomakh, Granada, Ispaniya, 13–20 sentyabrya 2015 goda / Granadskii universitet; fond "Russkii mir". Granada, Ispaniya: Mezhdunarodnoe nekommercheskoe partnerstvo prepodavatelei russkogo yazyka i literatury "MAPRYaL"*, 2015, pp. 382-387 (In Russ.)
8. Mishankina N.A., Panasenko E.A. Baza dannykh metaforicheskoi terminologii: kontseptual'noe proektirovanie [Metaphorical terminology database: conceptual design]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*=*Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University*. 2016, no. 6 (34), pp. 86-99. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.07 (In Russ.)
9. Novikov V.I. Poetografiya Mikhaila Panova [Poetography by Mikhail Panov]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*=*Works of the Institute of Russian Language named after V.V. Vinogradov*. 2016, no. 7, pp. 121–131 (In Russ.)
10. Novikov V.I. Roman s literaturoi [A romance with literature]. Moscow: Intrada, 2007. 280 p. (In Russ.)
11. Panov M.V. «K duman'yu»: Fonologicheskaya kulibryaga [To Thinking: Phonological mishmash]. *Zhizn' yazyka: Pamyati Mikhaila Viktorovicha Panova*. In M.L. Kalenchuk, E.A. Zemskaya (eds.). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur: Znak, 2007, pp. 469–474 (In Russ.)
12. Panov M.V. O dvukh tipakh foneticheskikh sistem [On two types of phonetic systems]. *Panov M.V. Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku*. Vol. 1. In E.A. Zemskaya, S.M. Kuz'mina (eds.). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004, pp. 320–329 (In Russ.)
13. Panov M.V. Ob odnom iz vozmozhnykh opisaniy foneticheskoi sistemy russkogo yazyka [On one of the possible descriptions of the phonetic system of the Russian language]. *Panov M.V. Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku*. Vol. 1. In E.A. Zemskaya, S.M. Kuz'mina (eds.). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004, pp. 384–392 (In Russ.)
14. Panov M.V. Yazyk russkoi poezii XVIII–XX vekov: Kurs lektsii [Language of Russian poetry

of XVIII-XX centuries: Course of lectures]. Moscow: ID YaSK: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2017. 584 p. (In Russ.).

15. Sokolyanskii A.A. O razgranichenii ponyatii differentsiator i sintagmo-fonema [On the distinction between the notions of differentiator and syntagmo-phoneme]. *Vestnik ChitGU=Bulletin of Chita State University*. 2010, no. 2 (59), pp. 111–116 (In Russ.).

16. Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V. Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii [General Terminology: Issues in Theory]. In T.L. Kandelaki (ed.). *Izd. ster.* Moscow: LENAND, 2023. 248 p. (In Russ.).

17. Feshchenko V.V. Lingvokreativnost' v khudozhestvennom i nauchnom diskursakh. *Lingvokreativnost' v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti: kollektivnaya monografiya [Linguocreativity in artistic and scientific discourse]*. In I.V. Zykova (ed.). Moscow: R.Valent, 2021, pp. 190–257 (In Russ.).

18. Kholodnaya M.A. Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma [Cognitive styles. On the nature of the individual mind]. 2-e izd. Saint Petersburg: Piter, 2004. 384 p. (In Russ.).

19. Yakobson R.O. Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics]. *Strukturalizm: «za» i «protiv»=Structuralism: pros and cons*. Moscow: Progress, 1975, pp. 193-230 (In Russ.).

Информация об авторе

Щепалин Максим Дмитриевич, аспирант кафедры русского языка и словесности переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: Maksim.Dmitrievich.Sch@yandex.ru

Information about the author

Maksim D. Schepalin, PhD student, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, e-mail: Maksim.Dmitrievich.Sch@yandex.ru

Получена 30.07.2024
Принята в печать 25.11.2024

Received 30.07.2024
Accepted 25.11.2024

Усвоение тюркских заимствований в табасаранском языке

Загиров В.М.

Дагестанский государственный педагогический университет им. Расула Гамзатова (ФГБОУ ВО ДГПУ), г. Махачкала, Российская Федерация
e-mail: zagirov38@mail.ru

Сафаралиев Н.Э.

Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А.А. Тахо-Годи, г. Махачкала, Российская Федерация
e-mail: n.safaraliev@yandex.ru

Исследование освещает языковые контакты табасаранского и тюркского (азербайджанского) языков, приведшие к многочисленным лексическим заимствованиям, следы влияния которых четко обнаруживаются на фонетическом, лексическом и морфологическом уровнях структуры табасаранского языка.

Ключевые слова: табасаранский язык, контакты, заимствование, тюркизмы, азербайджанский, фонетические, гласные, слова.

Для цитаты: Загиров В.М., Сафаралиев Н.Э. Усвоение тюркских заимствований в табасаранском языке [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 4. С. 32–40. DOI:10.17759/langt.2024110404

Assimilation of Turkic Loanwords in Tabasaran Language

Velibek M. Zagirov

Dagestan State Pedagogical University named after Rasul Gamzatov, Makhachkala, Russia,
e-mail: zagirov38@mail.ru

Nizami E. Safaraliev

Dagestan Research Institute of Pedagogy named after A.A. Takho-Godi, Makhachkala, Russia,
e-mail: n.safaraliev@yandex.ru

The study highlights the linguistic contacts between Tabasaran and Turkic (Azerbaijani) languages, which led to numerous lexical borrowings, traces of whose influence are clearly detected at the phonetic, lexical and morphological levels of the structure of the Tabasaran language.

Keywords: Tabasaran language, contacts, borrowing, Turkisms, Azerbaijani, phonetic, vowels, words.

For citation: Zagirov V.M., Safaraliev N.E. Assimilation of Turkic Loanwords in Tabasaran Language. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 4, pp. 32–40. DOI:10.17759/langt.2024110404 (In Russ.).

В словарном составе табасаранского языка обнаруживается значительный пласт заимствованной лексики, свидетельствующий об интенсивных контактах в прошлом табасаранского языка с языками различных семей.

В научной литературе не уделено достаточного внимания контактированию табасаранского языка с различными иносистемными языками. Вопросы контактирования практически не исследовались: единственным исключением являются работы В.М. Загирова «Лексика табасаранского языка» [3], «Сравнительная лексикология языков лезгинской группы» [4], в которых очерчен круг всех языков, с которыми табасаранский язык имел лингвистические контакты, ставятся теоретические вопросы выявления заимствованной лексики, обсуждаются проблемы поисков древнейших заимствований в табасаранском языке и т.п.

Проблема восстановления полной картины этих контактов связана с определенными трудностями, поскольку недостаточно полно изучено историческое прошлое табасаранцев, пока не предприняты историко-этимологические исследования по табасаранскому языку, как и по некоторым другим дагестанским языкам.

Между тем влияние на лексику табасаранского языка таких источников, как арабский, персидский и тюркский языки, получило отражение на всех уровнях табасаранского языка — в лексике, фразеологии, антропонимике, фонетике и грамматике, это сыграло определенную роль и в развитии словарного состава. При этом слова восточного происхождения настолько органически вписались в лексическую систему, что определение их чужеродной принадлежности представляет трудности как для учащихся школ, студентов вузов, так и для учителей школ и даже специалистов языка. В силу этого, актуально рассмотреть в первую очередь заимствованную лексику, уделив особое внимание таким вопросам, как семантическое, фонетическое и морфологическое усвоение заимствований. Данная статья посвящена усвоению тюркизмов в табасаранском языке.

В лексическом фонде табасаранского языка значительное место занимают тюркские заимствования. Предки современных табасаранцев еще в глубокой древности контактировали с тюрками, вступая с ними в военные и торгово-экономические связи. Исследователи тюркско-табасаранских исторических контактов возводят их начало еще к XI веку. Языковые контакты и заимствование табасаранским языком тюркизмов больше всего связаны в основном с одним из тюркских языков — с соседним азербайджанским, который представлен и в самом Дагестане (г. Дербент, Дербентский район, Табасаранский район).

Объективные условия, ареальные контакты в непосредственном соседстве табасаранцев с азербайджанцами и существование между ними социально-экономических и культурно-исторических связей привели не только к заимствованию тюркизмов, но и к распространению азербайджанского (тюркского) языка среди табасаранцев. Владению азербайджанским языком способствовали также традиционное отходничество и сезонное пребывание большого числа табасаранцев на территории распространения азербайджанского языка (в Дербенте, Баку и т.д.).

Следует подчеркнуть, что между Табасараном и Дербентом существовали тесные экономические и торговые связи. В Табасаране развивалось животноводство, земледелие и ковроткачество. В Дербенте табасаранцы реализовывали продукты сельского хозяйства, ковры, а покупали продовольственные и промышленные товары.

Нельзя не отметить, что азербайджанский язык в первые годы установления Советской власти в Дагестане выполнял роль средства межнационального общения для народов Южного Дагестана. В табасаранских аулах преподавание учебных дисциплин в первых советских школах велось на азербайджанском языке, на нем издавались книги, велось делопроизводство, общались с представителями других народов.

Все вышеперечисленные обстоятельства создавали благоприятные условия для распространения азербайджанского языка, увеличивали число табасаранцев, владеющих азербайджанским языком, способствовали проникновению в табасаранский язык азербайджанских слов. К этому следует добавить, что азербайджанский язык, который табасаранцы называют *татар чӀал* или *тюрк чӀал*, широко распространен в населенных пунктах Табасаранского района, где большое число табасаранцев, прежде всего мужское население, владеет азербайджанским языком.

Таким образом, азербайджанский язык находит широкое распространение в аулах Табасаранского района. В северной его части расположено восемь крупных азербайджаноязычных аулов (*Марага, Хилипенджик, Дарваг, Зиль, Арак, Ерси*). Поголовное свободное владение и пользование азербайджанским и табасаранским, т. е. двуязычие, отмечается в аулах *Хучни, Бурганкент, Тинит, Рушуль, Ружник, Аркит, Татиль, Хапиль, Ягдиг, Лиже* Табасаранского района. Однако для жителей табасаранских аулов Хивского района вторым языком служит соседствующий лезгинский.

Хотя с середины 30-х годов XX века положение азербайджанского языка в Дагестане изменилось, влияние его на табасаранский ослабло и процесс проникновения тюркизмов утратил свою былую интенсивность, всё же тюркоязычная традиция среди табасаранцев, особенно проживающих в Табасаранском районе, отличается устойчивостью и в настоящее время.

В научной литературе отмечается, что через тюркский язык проникло в табасаранский язык и большое число лексем арабского и персидского происхождения. В отличие от арабизмов, которые проникли в табасаранский язык из письменной литературы, заимствование тюркизмов осуществлялось устным путем, через общение табасаранцев с азербайджанцами. Число тюркизмов в исследуемом языке достигает до 1000 слов.

Анализ тематических групп тюркизмов показывает, что наибольшее количество слов проникло из области сельскохозяйственного производства, животноводства, это также слова, обозначающие предметы домашнего хозяйства, одежду, животный мир, в том числе и слова, связанные с характеристикой человека, обозначением его качеств, свойств, действий и состояний.

Особо следует отметить заимствование из тюркского (азербайджанского) языка служебных слов и оборотов, которые играют большую роль в синтаксических конструкциях табасаранского предложения: а) послелогои: *баикъа* «кроме», *саваи* «кроме», *сифте* «сперва, первым долгом», *гъайри* «кроме», *ерина* «вместо», *артухъ* «сверх», *ки* «ведь», «же» и другие; б) модальные слова: *белки* «может быть», *якъин* «наверно, вероятно», *яраб* «интересно» и др. в) союзы: *гъелбетда* «конечно»; *гагъ* «то», *гъам* «и»; *неинки* «не только»; *яна* «то есть» и др.;

г) частицы: *кзуй* «пусть»; *мегер* «разве»; *аьхир* «ведь»; *агьан* «если»; *бес* «ведь, тягьяр «подобно»; *яна* «то есть», «значит» », *лап* «совсем», *гьеле* «пока» и др.;

По модели азербайджанского языка образуются или же просто заимствованы из этого языка некоторые местоимения: *бютюн* «весь, все» *гьарсаб* «каждый, всякий» и др.

Из азербайджанского языка заимствованы полные и неполные повторы: *тек-бир* «изредка, мало», *дюпте-дюз* «совершенно ровный», *хатла-матла* «опасность», *гьат-гьат* «послойно, слой за слоем» *гьилле-милле* «хитрость», *яваи-яваи (аста-аста)* «потихоньку» и др.

Кроме того, из азербайджанского языка проникли в табасаранский слово- и формообразующие морфемы **-лар, -лер, -чи, -огъли, -суз** и др.

Особую группу составляют тюркские словосочетания, пословицы и поговорки, фразеологические единства, которые сохранили исконное звуковое оформление и не освоены табасаранским языком: *сабахайир (сабаус хайир)* «с добрым утром»; *геже хайир (геживиз хайир)* «до свидания, спокойной ночи»; *хуи гелди (хои келдин)* «с приездом»; *ере гирмиши (иширива)* «провалились сквозь землю», *юлчи юлда герек* «путник в пути должен находиться»; *баиуьсте* «с удовольствием» и др.

Из азербайджанского языка в табасаранский язык проникла также большая группа личных (мужских и женских) имен, прилагательных, порядковые числительные, сложные глаголы, производные наречия, некоторые местоимения, полные и неполные повторы.

Особо следует отметить заимствование служебных слов и оборотов, которые играют большую роль в различных синтаксических конструкциях:

а) послелоги: *баишгъа* «кроме», *ерина* «вместо», *ки* «ведь», *артухъ* «сверх», *саваи* «кроме», «же» и др.;

б) союзы: *гьелбетда* «конечно», *неинки* «не только», *яна* «то есть»;

в) частицы: *лап* «совсем», *гьеле* «пока», *агьан* «если», *бес* «ведь, а»; *кзуй* «пусть»; *яна* «то есть», «значит» и др. [3, с. 57].

Некоторые тюркизмы как самостоятельные единицы не употребляются, но они входят в состав сложных слов и устойчивых сочетаний, составляющих особую группу неосвоенных тюркизмов: *хуи гелди* (азерб. *хуи келдин*) «с приездом»; *сабах хейир (хейир)*, (азерб. *сабаус хайир*) «доброе утро», «с добрым утром», *геже хайир* (азерб. *геживиз хайир*) «спокойной ночи» и др.

Табасаранцы-билингвы в различных языковых ситуациях, общаясь на родном языке, часто употребляют фразеологические единицы пословично-поговорочного характера: *Юлчи юлда герек* «путник в пути должен находиться»; *ере гирмиши* «провалились сквозь землю», *Чакъалсыз меше улмаз* «лес без шакала не бывает»; *Яида улмар баида улар* «Не возрастом определяется ум, а головой».

Тюркизмы, представленные в табасаранском языке, свидетельствуют о следующих особенностях этой группы заимствований:

1. Большой количественный состав (более 1000 слов).
2. Преобладание слов, обозначающих конкретные предметы, и слов, обозначающих признаки предметов;
3. Наличие большого числа основ глагольной семантики;
4. Отсутствие стилистической обособленности;

5. Сохранение производными тюркизмами внутренней формы, которой они обладали в языке-источнике (-лу, -чи);

6. Сравнительно большая степень фонетической и лексико-грамматической усвоенности;

7. Большое семантическое разнообразие — одежда, предметы быта, домашняя утварь, посуда, растительный и животный мир, продукты питания и др.

Степень влияния азербайджанского языка на табасаранский, распространение его в аулах проживания табасаранцев была настолько сильной и разносторонней, что коснулась всех областей языка, начиная с лексики, кончая грамматикой. К результатам тюркского влияния можно отнести следующие явления:

в области лексики

1. появление или же развитие новых лексико-семантических и лексико-грамматических разрядов слов;

2. развитие и обогащение лексики табасаранского языка появлением в нем слов, противоположных по звучанию и близких по семантике, т.е. таких разрядов, как омонимы, синонимы и антонимы: *гуж* (азерб.) — *тлакьат* (араб.) «сила», *уьмур* (араб.) — *яшайиш* (азерб.) — *дуланажагь* (тюрк.) «жизнь»; *тлалаб* (анлуб) — *истемишун* (тюрк.) «требовать» и др.;

в области словообразования

Заимствование и усвоение наиболее употребительных суффиксов *-чи* (азерб. *-чы*), *-лугь* (азерб. *-лыг*), *-суз* (азерб. *-сыз*), (азерб. *-лу*), глагольных суффиксов *-миш*, *-ламиш* [6, с. 180-184];

в области грамматики

заимствование грамматических флексий (*-лар*, *-лер*) для образования форм множественного числа; функционирование в языке многочисленных союзов, частиц, послелогов тюркского происхождения;

в области фонетики

в языках лезгинской группы действует закон сингармонизма, характерный и для тюркских языков. Исследователи лезгинских языков П.К. Услар [1896; 1979], А.М. Дирр [1905]; Л.И. Жирков [1941], А.А. Магометов [1965] и др. характеризуют данное явление как вторичное, т.е. вызванное влиянием азербайджанского языка. Убедительным подтверждением тому служит следующее утверждение А.Г. Гюльмагомедова и Б.Б. Талибова: «*Материал куткашенских говоров показывает, что гармония гласных проявляется с большей силой там, где лезгинский язык имел контакты с азербайджанским*» [2, с. 160]. Данное определение, относящееся к лезгинскому языку, применимо и к табасаранскому языку.

Появление гласных *аь*, *оь*, *уь*, *о* в табасаранском и других языках лезгинской группы исследователи объясняют как внешний фактор — тесный контакт с тюркским языком, точнее сильное влияние последнего [см.: 2, с. 160; 1, с. 155 и др.].

Возникновение новых звуко сочетаний (в словах и слогах), новых типов фонемных и слоговых структур.

Тюркизмы, попадая в табасаранский лексикон, начинают функционировать согласно внутренним законам этого языка, т.е. подчиняются законам словоизменения табасаранского

языка, оформляются словообразовательными суффиксами и т.п. В основном тюркизмы, проникшие в табасаранский язык, по сравнению с их соответствиями в языке-источнике, существенных семантических расхождений не обнаруживают, подвергаются лишь фонетическим изменениям, при которых звуки, не характерные для табасаранского языка, заменяются близкими им по артикуляции.

Фонетические системы азербайджанского и табасаранского языка в качественном и количественном отношении не совпадают. Существенные различия между гласными и согласными азербайджанского и табасаранского языков, наличие в табасаранском гортанных увулярных и аффрикат, не характерных для азербайджанского языка, способствовали изменению фонетической структуры заимствованного слова [см. 3, с. 57-60]. В результате этого в табасаранском языке отмечаются звуковые изменения. Так, например:

1. В табасаранском языке отсутствует фонема «о». В заимствованиях из азербайджанского языка «о» переходит в «у» или «ю»: *ожаг* > *ужагъ* «жилище, очаг», *долг* > *дулакъ* «обертки для сапог», *долма* > *дулма* «голубцы», *чол* > *чюл* «поступь», *могъкем* > *мюгъкам* «нерушимый», *нокар* > *нуькер* «слуга, лакей», *комак* > *кюмек* «помощь», *бош* > *буш* «пустой» и др.;

«о» > «а»: азерб. *човуш* > таб. *чавуш* «исполнитель», *говорма* > *къавурма* «жаркое»;

«у» > «уь»: азерб. *кул* > таб. *гуьл* «цветок», азерб. *тутун* > таб. *туьтуьм* «табак», *буркулу* > *бюркюьлу* «совсем», *дуйу* > *дюю* «рис», *луле* > *луьле* «ствол» и др.

«у» > «и»: азерб. *огру* > таб. *угъри* «вор»; азерб. *гуту* (из араб.) > *кьути* «коробка», *овчу* > *авчи* «охотник», *гочу* > *гьучи* «грабитель»

«аь» > «а», «уь» > «у»: азерб. *каьлаьм* (через, перс.) > таб. *келем* «капуста»;

«ы» > «у»: *балыг* > *балугъ* «рыба»; *агылсыз* > *аькьюьлсуз* «неразумный, глупый», *азарлы* > *аьзарлу* «больной», *аясыз* > *гьяясуз* «бессовестный», *йайлыг* > *йагьлухъ* «платок», *гапы* > *гьапу* «ворота» и др.

«ы» > «и»: азерб. *гатыр* > таб. *гьаьтир* «мул», *йапынжи* > *йапунжи* «бурка», *гылынж* > *гьылынж* «меч»; *гызыл* > *гьизил* «золото»; *тахыл* > *тахил* «зерно»; *касыб* > *касиб* «неимущий», *гыф* > *гьиф* «лейка» и др.;

«оь» > «уь» / «у»: *оьлке* > *уьлке* «страна»; *ноьгтэ* > *нукьтла* «точка», *оьруш* > таб. *йуруш* «угодьё, пастбище», *чоьл* > *чуьл* «пустошь»;

«э» > «а» («аь»), реже «е», «ю»: азерб. *нокэр* > таб. *нуькер* «слуга», *топа* > *тепе* «бугор, холм», *товле* > *тевле* «конюшня», *ейван* > *айван* «крыльцо», *пинэ* > *пина* «заплата», *кэмер* > *камар* «пояс (женский)» и др.;

«э» > «е», «и», «а»: *эньжир* > «инжир», *хэшил* > *хешил*, *хаьшил* «мучная каша», *челег* > *чэлек* «бочка», *теkelти* > *такалту* «матрац (войлочный)», и др.;

у заменяется гласной фонемой уь (ю): *дуз* > *дуьз* «правда»; *куж* > *гуьж* «усилие»; *буркулу* > *бюркюьлу* «совсем»; *дуйу* > *дюю* «рис»; *шуше* > *шюше* «бутылка» и др.;

смычный г > кь: *гайда* > *кьайда* «чинно»; *ганунсуз* > *кьанунсуз* «незаконный»; *гулаг* > *кьулагъ* «ухо»; *горху* > *кьурху* «боязнь» и др.;

смычный г > кь: *гисас* > *кьисас* «мечь»; *гэфес* > *кьэфес* «решетка»; *гуту* > *кьути* «коробка»; *гедер* > *кьадар* «количество»; *бошмаг* > *башмакь* «башмак» и др.;

смычный г иногда переходит в фарингальный придыхательный хь: *йайлыг* > *ягьлухъ* и др.;

смычный «г» иногда переходит в звонкий спирант «гъ»: *бошгаб* > *бушгъаб* «блюдце», *уюг* > *уюгъ* «чучело», *гапычы* > *гъапучи* «швейцар», *гызыл* > *гъизил* «золото», *гала* > *гъала* «крепость», *гырма* > *гъирма* «дробь»; *гапагъ* > *гъапагъ* «крышка» и др.;

смычный «г» в конце слова переходит в глухой спирант «х» или фарингальный придыхательный «хъ»: *чанаг* > *чаънаъх* «чаша (деревянная)», *гармаг* > *гъармах* «крючок», *дузлаг* > *дузлах* «соляной промысел», *сачаг* > *сачах* «бахрома»;

ч > **дж**: *чиб* — *джиб* «карман», *жаваб* > *джуваб* «ответ» и т.д.

Можно привести и ряд других специфических звукопереходов, характерных лишь для небольшого числа слов: **а** > **у**: *саваб* — таб. *суваб* «благое дело», «к» > «г»: азерб. *ордэж* > таб. *урдег* «утка»; **а** > **аь**: азерб. *чахир* > *чаъхир* «вино»; **ы** > **уь**: *сызма* — *суьзме* «молоко (процеженное)»; **к** > **г**, **гъ**: *суркун* > *суьргуьн* «ссылка», *узумлук* > *уьзуьмлугъ* «виноградник», *кулле* > *гулле* «пуля» и др.

Специфическими можно считать также звукопереходы «ф» > «в»: азерб. *туфэнк* (из перс. яз.) > таб. (чув.) *туванг* «ружьё». Процессы «ф» > «хъв», «ф» > «в»; «ф» > «п» имеют широкое распространение в дагестанских языках.

Заимствования из восточных языков (арабского, персидского азербайджанского) не всегда удается четко разграничить. Особенно сложно отличить заимствования непосредственно из арабского и персидского языков от заимствований, проникших в табасаранский язык через азербайджанский язык.

Анализ усвоенной лексики обнаруживает некоторые специфические приметы тюркизмов, не свойственные арабскому и персидскому языкам.

Большинство слов тюркского происхождения можно опознавать по следующим признакам:

1. Яркой приметой фонетической структуры тюркских заимствований в табасаранском языке является гармония гласных;

2. С точки зрения словообразовательной структуры в качестве внешней приметы тюркизмов выступают суффиксы:

-суз (азер. сыз): *бахтсуз* «несчастный», *дадсуз* «безвкусный», *зиянсуз* «безобидный», *гъяясуз* «наглец» и др.;

-чи (суф. деятеля): *чекмечи* «сапожник», *гъушчи* «птицевод», *гъуллугъчи* «служащий, работник», *дерзечи* «портной», *гъюзчи* «наблюдатель» и др.;

-ча: *дайча* «жеребенок», *калча* «молодой буйвол», *ягълуча* «сковорода с ручкой», *бухча* «одежда умершего» и др.;

-лу (азерб.-лы): *бюркюллю* «совсем, совершенно», *акъюллю* «благоразумный», *атлу* «всадник», *асиллу* «зависимый» и др.;

-лугъ (азерб. лыг): *гъунагълугъ* «угощение», *гъумлугъ* «песчаный», *шадлугъ* «веселье», *бушлугъ* «пустота», *яманлугъ* «пакость, гадость» и др.;

-миш, -ламиш: *ахмиш* «течь, литься», *гъурмиш* «заводить, устроить», *гъазанмиш* «зарабатывать», *гюллеламиш* «расстреливать», *дуланмиш* «жить», *ягълалмиш* «ошибаться», *гъатламиш* «терпеть, переносить» и др.;

-жи: *бажи* «мать, мама (в устах ее детей); обращение к пожилой женщине»; *буржи* «обязанность, порученное дело», *япунжи* «бурка» и др.;

-кеш: *зегьметкеш* «трудящийся, трудовой» и др.

О тюркском (азербайджанском) происхождении слова говорит также наличие в нем звукосочетаний:

-ухь в конце слова: *ягьлухь* «платок», *ачухь* «ясный», *язухь* «жалкий, несчастный», *артухь* «больше» и др.;

-агь: *гьунагь* «гость», *булагь* «благоустроенный родник», *ятагь* «кутан», *агь* «бязь», *гьучагь* «смелый, удалой» и др.

Следует отметить, что подавляющее большинство тюркских заимствований носит общенародный характер и, следовательно, относятся к усвоенным и освоеным заимствованным словам. На почве табасаранского языка они подверглись фонетической и морфологической адаптации. Тюркизмы прочно закрепились в лексическом составе табасаранского языка.

Литература

1. Гайдаров Р.И. Лингвистические контакты лезгин и азербайджанцев и их роль в развитии и обогащении лезгинского языка // Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками. 1972. Баку. С. 152-157.
2. Гюльмагомедов А.Г., Талибов Б.Б. К вопросу о типах интерференции (на материале лезгинского и азербайджанского языков) // Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками. 1972. Баку. С. 157-164.
3. Загиров В.М. Лексика табасаранского языка. 1981. Махачкала: Дагучпедгиз. 108 с.
4. Загиров В.М. Сравнительная лексикология языков лезгинской группы. 1996. Махачкала: Дагучпедгиз. 127 с.
5. Загиров В.М., Алексеев М.Е. Школьный этимологический словарь табасаранского языка. 1992. Махачкала: Дагучпедгиз. 95 с.
6. Эфендиев Т.Н. Взаимоотношения азербайджанского и табасаранского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 1973. Баку. 27 с.

References

1. Gaidarov R.I. Lingvisticheskie kontakty lezgin i azerbaidzhantsev i ikh rol' v razvitii i obogashchenii lezginского yazyka. *Voprosy tyurkskikh yazykov i vzaimootnosheniya ikh s drugimi yazykami=Issues of Turkic languages and their relations with other languages*. 1972. Baku, pp. 152-157 (In Russ.).
2. Gyul'magomedov A.G., Talibov B.B. K voprosu o tipakh interferentsii (na materiale lezginского i azerbaidzhanskogo yazykov). *Voprosy tyurkskikh yazykov i vzaimootnosheniya ikh s drugimi yazykami=Issues of Turkic languages and their relations with other languages*. 1972. Baku, pp. 157-164 (In Russ.).
3. Zagirov V.M. Leksika tabasaranskogo yazyka. 1981. Makhachkala: Daguchpedgiz. 108 p. (In Russ.)
4. Zagirov V.M. Sravnitel'naya leksikologiya yazykov lezginской группы. 1996. Makhachkala: Daguchpedgiz. 127 p. (In Russ.)
5. Zagirov V.M., Alekseev M.E. Shkol'nyi etimologicheskii slovar' tabasaranskogo yazyka. 1992. Makhachkala: Daguchpedgiz. 95 p. (In Russ.)
6. Efendiev T.N. Vzaimootnosheniya azerbaidzhanskogo i tabasaranskogo yazyka: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Ph. D. (Philology) Thesis]. 1973. Baku. 27 p. (In Russ.)

Загиров В.М., Сафаралиев Н.Э.
Усвоение тюркских заимствований в табасаранском
языке
Язык и текст. 2024. Том 11. № 4. С. 32–40.

Zagirov V.M., Safaraliev N.E.
Assimilation of Turkic Loanwords in Tabasaran Language
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 4, pp. 32–40.

Информация об авторах

Загиров Велибек Мирзабекович, доктор филологических наук, профессор кафедры начального филологического образования, Дагестанский государственный педагогический университет» имени Расула Гамзатова, г. Махачкала, Российская Федерация, e-mail: zagirov38@mail.ru

Сафаралиев Низами Эседуллаевич, кандидат филологических наук, заместитель директора по научно-методической работе, ведущий научный сотрудник, Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики имени А.А. Тахо-Годи, г. Махачкала, Российская Федерация, e-mail: n.safaraliev@yandex.ru

Information about the authors

Velibek M. Zagirov, Doctor in Philology, Professor, Department of Primary Philological Education, Dagestan State Pedagogical University named after Rasul Gamzatov, Makhachkala, Russia, e-mail: zagirov38@mail.ru

Nizami E. Safaraliev, PhD in Philology, Deputy Director for Research and Methodology, Leading Research Associate, Dagestan Research Institute of Pedagogy named after A.A. Takho-Godi, Makhachkala, Russia, e-mail: n.safaraliev@yandex.ru

Получена 01.11.2024
Принята в печать 25.11.2024

Received 01.11.2024
Accepted 25.11.2024

Эвфемистические дисфемизмы и их связь с обценной лексикой в молодежной английской устной речи XXI века

Варфоломеев Ф.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4808-7921>, e-mail: fvarfolomeev756@gmail.com

Данная статья посвящена исследованию эвфемистических дисфемизмов и их связи с обценной лексикой в молодежной английской устной речи XXI века. Изучаются понятия «дисфемизм» и «эвфемистический дисфемизм», особенности их употребления в устной речи, связь с ненормативной лексикой. На основании собственного опыта и исследований приводятся и контекстуально анализируются некоторые слова и выражения английского языка, относящиеся к эвфемистическим дисфемизмам.

Ключевые слова: дисфемизм, дисфемизация, эвфемистические дисфемизмы, обценная лексика, окказиональность.

Для цитаты: Варфоломеев Ф.В. Эвфемистические дисфемизмы и их связь с обценной лексикой в молодежной английской устной речи XXI века [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 4. С. 41–47. DOI:10.17759/langt.2024110405

Euphemistic Dysphemisms and Their Connection with Obscene Vocabulary in the Youth English Oral Speech of the XXI Century

Fedor V. Varfolomeev

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4808-7921>, e-mail: fvarfolomeev756@gmail.com

The following article is devoted to the study of euphemistic dysphemisms and their connection with obscene vocabulary in the youth English oral speech of the XXI century. The concepts of "dysphemism" and "euphemistic dysphemism", the peculiarities of their use in oral speech, the connection with profanity are studied. Based on the personal experience and research, some words and expressions of the English language related to euphemistic dysphemisms are presented and contextually analyzed.

Keywords: dysphemism, dysphemization, euphemistic dysphemisms, obscene vocabulary, occasionality.

For citation: Varfolomeev F.V. Euphemistic Dysphemisms and Their Connection with Obscene Vocabulary in the Youth English Oral Speech of the XXI Century. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 4, pp. 41–47. DOI:10.17759/langt.2024110405 (In Russ.).

Слово «дисфемизм» бельгийский лингвист Альберт Карнуа определил как «насмешливое, грубое издевательство, являющееся также реакцией на педантизм, претенциозность и схолицизм в языке» [4, с. 24]. Дисфемизм — *«намеренное использование вульгарного, грубого и стилистически сниженного языка, иногда нецензурных слов и выражений с целью проявления резко отрицательной оценки или создания экспрессии в тех случаях, где возможно стилистическое и эмоциональное употребление»* [1, с. 22-24]. Главная функция дисфемизма заключается в замене слова или выражения вульгарным, грубым, неприемлемым в данной ситуации, часто с целью выразить отрицательное отношение либо дискредитировать собеседника [2, с. 561].

Дисфемизмы, как и сам процесс дисфемизации, неразрывно связаны с понятием эвфемизмов — *«эмоционально нейтральных слов или выражений, употребляемых вместо синонимичных им слов или выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными»* [8, с. 590], эвфемизмы же имеют противоположную семантику. Однако общепринятая теория формирования и употребления дисфемизмов в речи в настоящее время отсутствует. Это связано с неэтичностью данного явления, несмотря на большую распространенность в разговорной речи, и постоянной корректировкой теоретических положений о них.

Теория о неэтичности явления дисфемизации и трудностях ее детального изучения тесно связана и с обценной лексикой. Обценная лексика (от лат. “obscenus” — непристойный, распутный, безнравственный), или мат — лексика, включающая грубейшие, непристойные бранные выражения. Основной функцией данной лексики является намеренное использование брани и инвектив, являющихся родовым понятием по отношению к жаргону, сленгу, бранной лексике и т.п., которые «выражают спонтанную речевую реакцию на неприятную ситуацию» [3, с. 49, 51; 5, с. 352]. Кроме того, Б.А. Успенский пишет об «антихристианском характере» функции проклятия и языческом происхождении бранной речи. Все это привело к ее культурному запрету (табуированию) [10, с. 164].

Появление термина «дисфемизм» вызвало необходимость провести различие между эвфемизмами, дисфемизмами и нейтральными выражениями. К. Аллан и К. Барридж ввели термин «ортофемизм» как наименование нейтрального способа вербализации неприятного, отрицательного признака денотата [11, с. 29–34]. Тем самым они определяют эвфемизмы как благозвучные и вежливые выражения, дисфемизмы — как *«выражения грубые и оскорбительные»*, ортофемизмы — как нейтральные обозначения [11, с. 29–34]. Кроме того, обоснование проблемы определения границы между эвфемизмом и дисфемизмом отсылают и в диахроническую плоскость. Например, в английском языке слово “gay” в XIV веке означало «веселый», «задорный» (“light-hearted”, “merry” и т.п.), в XIX же веке происходит расширение семантики, теперь это также «ведущая аморальный образ жизни,

занимающаяся проституцией» (“leading an immoral life”, “living by prostitution”), связанное, в основном, с женщинами. Несмотря на цензуру и табуированность темы секса, с которой было связано это слово, после 70-х годов слово “gay” перестало считаться дисфемизмом и вошло в повседневную английскую речь [13, с. 12]. Однако в настоящее время данное слово часто расценивается как оскорбительное для представителей ЛГБТ и становится жаргоном.

Помимо этого, К. Аллан и К. Барридж ввели в лингвистику понятия эвфемистического дисфемизма и дисфемистического эвфемизма. Они определили их как «выражения, расходящиеся с намерениями, которые за ними скрываются» [11, с. 39]. Они находятся в зависимости от участников и самой коммуникативной ситуации, то есть окказиональны. Например, в английском языке слово “died” («умер») имеет эвфемизм-синоним “gone” («ушел») и дисфемизм-синоним “kick the bucket” («загнуться»). Однако последний синоним не считается дисфемизмом при употреблении его в дружеской, молодежной компании и т.д. Таким образом, четкого распределения функций эвфемизмов и дисфемизмов в речи фактически не существует. Необходимо понимание их контекста, цели, заложенного смысла и даже особенностей интонации произнесения.

Окказиональность дисфемизмов также заключается в способах их употребления. Л.В. Кваскова выделяет разную степень дисфемизации — от сарказма до обсценной ненормативной лексики [6, с. 354], что зависит от самих участников коммуникации и особенностей их характеров, речевой ситуации и ее тематики. Очень часто дисфемизмы в устной речи ведут к нарушению содержания дискурсивной ситуации, а потому их применение в языке корректируется, происходит замена их эвфемизмами и другими стилистическими приемами и словами. В языковой речи, согласно Л.В. Квасковой, существуют следующие дисфемистические конструкции:

1. выражение несогласия в форме эмоционально-саркастического вопроса (“why the hell not??”);
2. замена стилистически нейтральной единицы на стилистически эмоциональный эквивалент (“fibs” и др.);
3. употребление уничижительных кличек (“old bidy” и др.);
4. замена прямого ответа на вопрос на уничижительную оценку поведения говорящего (“flirpansy ill”);
5. отрицательно-заряженные эпитеты в сочетании с широкозначной лексикой (“bloody thing” и др.);
6. употребление стереотипных уничижительных инвективных конструкций (“mistah”, “dawg” и др.);
7. риторические конструкции для выражения сарказма (“churning things over and over again in your mind for the umpteenth time?” — «переливать из пустого в порожнее бесконечно») [6, с. 355].

Частое употребление дисфемистических эвфемизмов может быть связано с исторически сложившимся характером англичан. Распространение политкорректности, умеренное снижение агрессивности, введение стереотипов “reserve”, “politeness”, “weather-talk”, “hooliganism”, “hypocrisy”, “privacy”, следование неписанным правилам “Englishness”

(«Английскость») [13, с. 22] повлияли на формирование современного английского общества.

С учетом постоянных изменений в словарных запасах языков, опираясь на теорию К. Аллана и К. Барридж, мы выделяем следующие эвфемистические дисфемизмы в английской устной и письменной речи XXI века:

- 1) Синонимичные — схожие по значению и контексту (“bastard” — «ублюдок», или «внебрачный» и т.п.).
- 2) Уничижительные (“idiot”, “dummy” и т.п.).
- 3) «Паразиты» (дискурсивные) — часто используемые, однако не несущие смысловую нагрузку (“f***ing”, “sh*t” и др.).
- 4) Смещения слов (“unf***kingbelievable”, “unf***kingreal”).
- 5) Наименования, включающие в себя уничижительные дисфемизмы (“gay”, “punk”, “whore”).
- 6) Физиологические (“boobs”, “jacking” и т.п.).
- 7) Инвективы (чаще в литературе).

Согласно Е.А. Ставицкой, упрощения, реформы, а также распространение лексики арго, обценной лексики и дисфемизмов привели к языковой и духовной деградации [9, с. 18]. В настоящее время чаще всего молодое поколение формирует и употребляет новые дисфемизмы (в том числе и дисфемистические эвфемизмы) и слова из табуированной лексики для упрощения речи в процессе коммуникации и при письме (особенно в Интернет-сети), тем самым все больше нарушая уже сформированные языковые правила. Так, например, в XXI веке в английской разговорной речи часто присутствуют дисфемизмы, которые в определенном контексте играют эвфемистическую функцию и имеют связь с обценной лексикой: “N-word” (слово, употребляемое представителями афроамериканской расы как самоопределение; вместо “Negro” — «негр», “pal” — «приятель»); “beat off” (вместо “to masturbate” — «мастурбировать») [7, с. 28], “a**hole” (“заднепроходное отверстие”, “тупица”, в ироничном значении — “близкий друг”), “goober” («поцелуй», «деревенщина», «глупый» и т.п.) [7, с. 107], “to cringe” («стыдиться», «коробить»; вместо “to be ashamed”), “to stick it (in)” («засунуть куда-то»; вместо “to leave” — «оставить»), “bum” (вместо “idiot” — «идиот», “butt” — «задница», “hobo” — «бродяга») [7, с. 44] и т.д. Большая часть подобных слов содержится в словаре-справочнике табуированной лексики А.Ю. Кудрявцева и Г.Д. Куропаткина, которые пишут о неготовности общества «к полноценному восприятию современного, далеко не всегда литературного, разговорного языка, настойчиво проникающего в английскую и особенно американскую литературу и видеокультуру». Неформальное общение с носителями языков, не стесняющихся в выражениях, согласно им, становится все более обыденным [7, с. 5]. Так, например, глагол “to cringe” и существительное “cringe” и производное “cringy” очень сильно распространены среди молодежи, играющей в компьютерные игры и находящейся больше времени в Интернете и социальных сетях. Они описывают чаще неприятную, странную, глупую или необоснованную ситуацию (заменяют слова и выражения “shame”, “stupidity”, “awful”, “to speak nonsense”, “to be awkward” и т.п.) и выступают в качестве сленга:

“You’ve just posted cringe!!!” («Ты выложил [в Интернет] кринж (сленг)!!!»);

“This is so cringy!!!” («Это так отвратительно / кринжово (сленг.)!!!»)

При этом слово “cringe” этимологически не связано с Интернетом и происходит от старого английского “crenċan”, “crenċgan”, “crenġan” («повернуть», «упасть») и среднеанглийского (Middle English) “crogen” («надменно сгибаться», «снизойти») [12].

Особое внимание в современной английской речи следует обратить на дискурсивные эвфемистические эвфемизмы, не имеющие смысловую нагрузку и используемые только для передачи эмоциональной реакции на ту или иную ситуацию. К таким словам относятся слова “f**k” (дисфемизм-жаргонизм выражения “to have sex” — ‘заниматься интимом’); “d**k” (дисфемизм-жаргонизм слова “pe**s” — ‘мужской половой орган’) и “s**t” (‘дерьмо’) — дисфемизм слов “excrement”, “feces” — ‘навоз’, ‘отложения’). Эти слова также используются в современном английском языке в качестве основы для новых слов (“unf**kingbelievable” вместо “unbelievable” — ‘невероятный’; “unf**kingreal” вместо “unreal” — ‘нереальный’; “d**king around” в значении “doing nothing” — ‘ничего не делать’, “s**tty”, “bulls**t” и др.) Кроме того, слово “f**k” является эвфемистическим дисфемизмом-синонимом выражения “to go to Hell” — ‘идти в ад’ и используется как проклятье; “sh*t” — обобщающий эвфемистический дисфемизм слов “bad”, “awful”, “disgusting” — ‘плохой’, ‘ужасный’, ‘отвратительный’.

Таким образом, современная молодежная английская речь содержит достаточное количество дисфемистических эвфемизмов и постоянно пополняется все более новыми. Большая часть этих эвфемизмов связана с табуированной обценной лексикой, становится частым явлением в процессе коммуникации, нарушая при этом существующие языковые правила и упрощает речь.

Литература

1. Баринаева А.В. Виды и способы эвфемизации в современном русском литературном языке (на материале газет 1990-2006 гг.) [Электронный ресурс] // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 2006. № 6. С. 230-232. URL: <https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=PRSV-B982227/2006/Гуманитарные%20науки/6-712315205> (дата обращения: 01.10.2024).
2. Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. Т. 29: Чаган - Экс-ле-Бен. / ред. А.М. Прохоров, Н.К. Байбаков, А.А. Благодоров и др. 1978. М.: Советская Энциклопедия. 640 с.
3. Воронцова Т.А. Культура речи: учеб. пособие. 2011. Ижевск: Удмурт. ун-т. 141, [1] с.
4. Дружинин А.С., Фомина Т.А., Поляков О.Г. Эвфемизмы, дисфемизмы, ортофемизмы и экспериенциальный контекст: холистический взгляд на лингвистическую проблему // Язык и культура. 2020. № 50. С. 23-40.
5. Засыпкин С. Инвектива [Электронный ресурс] // Дискурс-Пи. 2010. № 1-2. С. 352-353. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/invektiva> (дата обращения: 02.10.2024).
6. Кваскова Л.В. Дисфемизация речи как коммуникативная тактика в дискурсе // Преподаватель XXI век. 2016. Т. 3. № 2. С. 352-357. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/disfemizatsiya-rechi-kak-kommunikativnaya-taktika-v-diskurse> (дата обращения: 03.10.2024).
7. Кудрявцев А.Ю., Куропаткин Г.Д. Англо-русский словарь-справочник табуированной лексики и эвфемизмов: Ок. 10000 слов и выраж. 1993. М.: «КОМТ», 1993. 304 с.

8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 1990. М.: Советская энциклопедия. 683 с.
9. Ставицкая Е.А. Упрощение языковой системы как следствие духовной деградации общества (на примере русского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. С. 15-21.
10. Успенский Б.А. Исследования по русской литературе, фольклору и мифологии. 2018. М.: Common place. 288 с.
11. Allan K., Burridge K. Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language. 2006. Cambridge: Cambridge University Press. 303 p.
12. Cringe. The word “cringe” according to the dictionary [Электронный ресурс] // Diction. URL: <https://diction.com/en/cringe> (дата обращения: 01.11.2024).
13. Fox K. Watching the English: the hidden rules of English behaviour. 2004. London: Hodder & Stoughton. 424 p.

References

1. Barinova A.V. Vidy i sposoby evfemizatsii v sovremennom russkom literaturnom yazyke (na materiale gazet 1990-2006 gg.) [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki=Bulletin of Krasnoyarsk State University. Humanities.* 2006, no. 6, pp. 230-232. Available at: <https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=PRSV-V982227/2006/Gumanitarnye%20nauki/6-712315205> (Accessed: 01.10.2024) (In Russ.).
2. Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya: v 30 t. T. 29: Chagan - Eks-le-Ben. In A.M. Prokhorov, N.K. Baibakov, A.A. Blagonravov et al. (eds.). 1978. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. 640 p. (In Russ.)
3. Vorontsova T.A. Kul'tura rechi: ucheb. posobie. 2011. Izhevsk: Udmurt. un-t. 141, [1] p. (In Russ.)
4. Druzhinin A.S., Fomina T.A., Polyakov O.G. Evfemizmy, disfemizmy, ortofemizmy i eksperiment'sial'nyi kontekst: kholisticheskii vzglyad na lingvisticheskuyu problemu. *Yazyk i kul'tura=Language and Culture.* 2020, no. 50, pp. 23-40 (In Russ.).
5. Zasyplin S. Invektiva [Elektronnyi resurs]. *Diskurs-Pi=Discourse-Pi.* 2010, no. 1-2, pp. 352-353. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/invektiva> (Accessed: 02.10.2024) (In Russ.).
6. Kvaskova L.V. Disfemizatsiya rechi kak kommunikativnaya taktika v diskurse. *Prepodavatel' XXI vek=Teacher XXI century.* 2016. Vol. 3, no. 2, pp. 352-357. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/disfemizatsiya-rechi-kak-kommunikativnaya-taktika-v-diskurse> (Accessed: 03.10.2024) (In Russ.).
7. Kudryavtsev A.Yu., Kuropatkin G.D. Anglo-russkii slovar'-spravochnik tabuirovannoi leksiki i evfemizmov: Ok. 10000 slov i vyrazh. 1993. Moscow: «КОМТ», 1993. 304 p. (In Russ.)
8. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. In V.N. Yartseva (ed.). 1990. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 683 p. (In Russ.)
9. Stavitskaya E.A. Uproshchenie yazykovoi sistemy kak sledstvie dukhovnoi degradatsii obshchestva (na primere russkogo yazyka). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta=Bulletin of Moscow State Linguistic University.* 2010, pp. 15-21 (In Russ.).
10. Uspenskii B.A. Issledovaniya po russkoi literature, fol'kloru i mifologii. 2018. Moscow: Common place. 288 p. (In Russ.)

Варфоломеев Ф.В.

Эвфемистические дисфемизмы и их связь с обценной лексикой в молодежной английской устной речи XXI века

Язык и текст. 2024. Том 11. № 4. С. 41–47.

Varfolomeev F.V.

Euphemistic Dysphemisms and Their Connection with Obscene Vocabulary in the Youth English Oral Speech of the XXI Century

Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 4, pp. 41–47.

11. Allan K., Burrige K. *Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language*. 2006. Cambridge: Cambridge University Press. 303 p.

12. Cringe. The word “cringe” according to the dictionary [Elektronnyi resurs]. Diction. Available at: <https://diction.com/en/cringe> (Accessed: 01.11.2024).

13. Fox K. *Watching the English: the hidden rules of English behaviour*. 2004. London: Hodder & Stoughton. 424 p.

Информация об авторе

Варфоломеев Федор Витальевич, аспирант, преподаватель кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», институт «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4808-7921>, e-mail: fvarfolomeev756@gmail.com

Information about the author

Fedor V. Varfolomeev, PhD student, Lecturer, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Institute “Foreign Languages, Modern Communications and Management”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4808-7921>, e-mail: fvarfolomeev756@gmail.com

Получена 01.11.2024

Принята в печать 25.11.2024

Received 01.11.2024

Accepted 25.11.2024

Эквивалентная и лакунарная диалектная лексика лезгинского языка (на материале ахтынского диалекта)

Рамазанова Л.Д.

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3574-4662>, e-mail: sherifalieva.latifa@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые исконные слова ахтынского диалекта с точки зрения их эквивалентности или лакунарности в отношении лексем лезгинского литературного языка. Приводятся их семантические эквиваленты на литературном языке, как правило, представленные в виде описательных конструкций или заимствованных слов. Сравнительно-сопоставительный анализ лексических единиц диалектной и литературной форм языка (с привлечением в ряде случаев материалов других языков лезгинской группы) указывает на архаичность и исконность диалектных форм, их принадлежность к правосточнолезгинскому (или более древнему) и собственно ахтынскому хронологическим уровням; утрату или изначальную лакунарность рассматриваемых исконных форм в литературном языке.

Ключевые слова: диалектная лексика, лезгинский язык, ахтынский диалект, исконная лексика.

Для цитаты: Рамазанова Л.Д. Эквивалентная и лакунарная диалектная лексика лезгинского языка (на материале ахтынского диалекта) [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 4. С. 48–54. DOI:10.17759/langt.2024110406

Equivalence and Lacunarity of Dialectal Vocabulary of the Lezgin (Based on the Vocabulary of the Akhty Dialect)

Latifa D. Ramazanova

Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3574-4662>, e-mail: sherifalieva.latifa@yandex.ru

The article examines some original words of the Akhty dialect from the point of view of their equivalence or lacunarity in relation to the lexemes of the Lezgin literary language. Their semantic equivalents in the literary language are given, usually presented in the form of descriptive constructions or borrowed words. A comparative-contrastive analysis of lexical units of the dialect and literary language

(in some cases with the involvement of materials from other languages of the Lezgin group) indicate the archaism and originality of the dialectal forms, their belonging to the Right-East Lezgin (or more ancient) and Akhty chronological levels; the loss or initial lacunarity of the original forms under consideration in the literary language.

Keywords: dialect vocabulary, Lezgin language, Akhty dialect, native vocabulary.

For citation: Ramazanova L.D. Equivalence and Lacunarity of Dialectal Vocabulary of the Lezgin (Based on the Vocabulary of the Akhty Dialect). *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 4, pp. 48–54. DOI:10.17759/langt.2024110406 (In Russ.).

Диалектная лексика является неотъемлемой частью общенародного языка. Как хранители реликтовых явлений и лексико-грамматических форм диалектные слова представляют интерес для исследования языка на различных уровнях развития. Таким образом, актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью фиксации и сохранения древних и исконных диалектных единиц как достоверного материала для исследования процессов исторического развития лезгинского языка, его диалектов и родственных языков, источника пополнения лексического фонда. Однако этот уникальный материал в настоящее время практически не исследуется.

В данной статье диалектная лексика рассматривается как ресурс, способный решить практические задачи нормирования и обогащения лезгинского литературного языка.

Материалом для исследования выступают некоторые часто употребляемые диалектные слова (группа имен) исконного происхождения, записанные из устной разговорной речи носителей ахтынского диалекта и его говоров. Проводится их сравнительно-сопоставительный анализ в аспекте языковой атрибуции со словами лезгинского литературного языка, в отдельных случаях — с привлечением данных близкородственных языков, где обнаруживаются общие корневые элементы с диалектными формами. В литературном языке рассматриваемые исконные формы или изначально лакунарны, или утрачены, или же имеют эквиваленты — описательные конструкции, заимствованные слова. Материал сопровождается примерами из разговорной речи, топонимии, фольклора и т.д.

Ниже мы приводим ряд лексем ахтынского диалекта, не имеющих эквивалентов в литературном языке:

- *гуд* «большая бочка из оцинкованного железа или нержавеющей стали (для хранения муки, отстоя воды)», *гудан кIан* «дно бочки»;
- *игъи* «1) не освоившийся с новой обстановкой; 2) *перен.* застенчивый, необщительный, чуждающийся (других людей)», *игъи аял* «не освоившийся с новой обстановкой ребенок»;
- *къырт(ар)* «1) непригодные для пахоты места с наклоном, свалка, межа на поле; 2) тропинки между грядками», *хулун къырт* — «тропинка вдоль канавки»; ср. мигр. *къырт* — «непригодные для пахоты места с наклоном, свалка, межа на поле»;

- *кЫмбыр(ар)* «ком (комки земли, глины)», *накъваз кЫмбырар* «комки земли», *аял кЫмбырзал акъалтна* «стать самостоятельным, самодостаточным (с коннотацией, что ребенок вырос и больше не прислушивается к советам старших)» (букв. «ребенок встал на комок»);
- *луьртI* «жидкая грязь», *рекъе луьртI ава* «дорога в грязи (после дождя, мокрого снега)»;
- *рекIв* «1) лоск; 2) блеск», ср. *кIвалай рекIв акъудун* «убраться в доме до лоска», *кIвачин къапарай (чекмейрай) рекIв акъудун* «чистить обувь до блеска»;
- *тырыч(ар)* «жердь (жерди)», *гъварарал тырычар вегъин* «накладывать жерди на бревна (при строительстве крыши)», слово *тырыч* употребляется в значении строительного материала;
- *цIан (цIынар)* «заусеница (заусеницы)», *цIынар къарагъна* «заусеницы задрались»;
- *цIир(ар)* «пронзительный, душераздирающий крик», *цIирархъен* «человек, который кричит подобным образом», *аялрин цIирар* «детские крики»;
- *кIвацI(ар)* 1) «сопля (сопли)»; 2) «подкожный миаз (плотные бугорки с личинками крылатых насекомых под кожей животных)», *аялдин кIвацI авахъзава* «у ребенка текут сопли»;
- *хъымыцI* «намеренная выгода, польза», *хъымыцI ккъудун* «наперекор чему-то или кому-то извлечь выгоду». Выражение по семантике аналогично фразеологизму *вакIай чIар акъудун* (букв. «из свиньи волос вытащить»).

Следующие ниже лексемы ахтынского диалекта имеют полные или частичные эквиваленты в литературном языке, представленные, как правило, в виде описательных конструкций или заимствованных слов; для сравнения мы даем примеры из родственных лезгинских языков, в которых выявляются общие корни с исконно ахтынскими лексемами:

- ахт. *кам* «пуговица» — лит. *дъугме* (тюрк.), *седеф* (араб.), ср.: рут. *кIычI*, цах. *кIычI*, агул. *кIучI* [5]; *камар тун* «застегивать пуговицы»;
- ахт. *квенгвеч* «череп» — лит. *келле* (перс.) или описательно *къилин кIараб* «головная кость», ср.: рут. *галвагалъый*, таб. *хвахва, хаххай*; *кицIин квенгвеч* «череп собаки»;
- ахт. *кул* «палец ноги» — лит. *кIвачин тIуб*, ср.: таб. *муркул*, агул. *кумул*.

Следует отметить, что слово *кул* многозначное и омонимичное — «а) *кул* 1) *куст, кустарник*; 2) *хворостина*; 3) *палец ноги*; 4) *кисть, гроздь*; 5) *рой*; б) *ливень*; б) *ккул веник, метелка*» [4, с. 165-166]. В третьем значении лексема *кул* как соматизм «палец ноги» служит семантической основой для следующих слов и выражений:

- ахт. *кул акъулдун*
- «начинать вязание носка»;
- в переносном значении «собираться сделать что-либо или идти куда-либо»;
- *кулар акъатей* «дырявый (о носках)» (букв. «пальцы выходящие»);

- *куларал къуьл авун* «танцевать на пальчиках»;
- *кул галкын* «спотыкаться»;
- *кулар ягIен* «натереть пальцы ног (до мозолей)», а также агул. *ккул-ун муртт* «пола» (букв. «носочный угол») и т.д.;
- ахт. *ккIал* «камешек» — лит. *бицIи къван* «маленький камень», ср.: таб. *кикIел*, хин. *кIакIал*, крыз. *кIыкIааьел* (и пуля); *ккIалар кIватIун* — «собирать камешки»;
- ахт. *ктIур* «половник» — лит. *кавча*, *абугерден* (перс.); *са ктIур хуьрак* «один половник супа»;
- ахт. *къвал* «дождь» — лит. *марф* (перс.), *къвал акатна* «начался дождь»;
- ахт. *къых*, фий. *къух* «скала, утес» — лит. *раг* (перс.); *Салманан къых* «Скала Салмана» (с. Зрых);
- ахт. *кIан(ар)* «1) ноздря (ноздри); 2) крылья носа» — лит. *нерин хел (хилер)*; *еке кIанар* «большие ноздри»;
- ахт. *тагъанг* «просвет» — лит. *экуь чка* «светлое место», *экуьнин зул* «светлая полоса». Термин *тагъанг* используется в отношении к природе, ср.: *къвал къвадай береда цаву тагъанг гана* — «во время дождя образовался просвет в небе»;
- ахт. *тирхи* «шероховатый» — лит. *гелер-къацIар авай* — «следы, отверстия имеющий», *цIалицIам тушир* — «негладкий»; *тирхи пад* — «шероховатая сторона»;
- ахт. *тIве* — «пятка» — лит. *дабан* (тюрк.), *кульуьтрин* (лит. *гуьлуьтрин*) *тIве* — «пятка носков»; ср. цин. *тIегь* — «пятка». Слово *тIве* в настоящее время малоупотребительно и встречается в основном в речи старшего поколения;
- ахт. *хуркIуш (харкIуч)* «мокрота» — лит. *балгъан* (араб.); *хуркIушар вегъин* — «сплевывать мокроту».

Следует также отметить, что разные реалии, которые в литературном языке называются одним исконным словом, в диалекте обозначаются другими исконными словами и наоборот, ср.:

- ахт. *тегъв* «затылок (у основания черепа)», ср. рут. *даьхъв*, *даьхъ* «затылок» — лит. *къам* «шея» и «затылок»; *инсандин тегъв* «затылок человека», *якIвадин тегъв* «затылочная сторона топора»;
- ахт. *зран* «край ч-л.», ср. мигр. *зран* «край ч-л.» — лит. *къерех* «край ч-л.» и «берег, окраина»; *къвалан (къвал «овраг»)* *зран* «край оврага»;
- ахт. *кул* «палец ноги» — лит. *тIуб* «палец руки и ноги»; *кIачIал кул* «мизинец (ноги)» и т.д.

Исследование показывает, что в литературном языке наблюдается факт вытеснения исконных слов заимствованными. Поэтому при изучении языков в условиях отсутствия памятников письменности неопределима роль фактического материала диалектов, родственных языков, а также топонимов, наиболее точно характеризующих исконную

лексику языка.

Выше приведена лишь незначительная часть исконных собственно диалектных и общелезгинских слов, которые не сохранились в литературном языке. Они представлены различными лексико-тематическими группами и вызывают интерес в плане не только семантики, но и структуры. Односложность диалектных слов показывает исконность форм и значений, а словообразовательный потенциал создает новые лексические единицы и различные смысловые оттенки, отсутствующие в литературном языке.

Ниже мы приводим лексемы, которые функционируют в литературном языке и в ахтынском диалекте с небольшими фонетическими изменениями, противопоставляя их однокоренным словам рассматриваемого диалекта, имеющим специфические семантические оттенки: лит., ахт. *тIекъуьл* «горький» — ахт. *къетIекъуьл* «горьковатый»; лит. *цур*, ахт. *цыры* «кислый» — ахт. *цирихим* «кисловатый», «кисло-сладкий»; лит. *тIур*, ахт. *тур* «ложка» — ахт. *ктIур* «половник»; лит., ахт. *лам* «сырость» — ахт. *шлам* «мокрица (ракообразное, обитает во влажных теплых местах)»; лит., ахт. *гъед* «звезда» — ахт. *гъедрез* «вечером» — ахт. *гъедрех* «к вечеру» — ахт. *гъедрен* «сумерки» и т.д.

Особый интерес представляет группа слов, которая полностью отсутствует в литературном языке и в кюринском наречии в целом. Многие из них, в частности из ахтынского диалекта, по замечанию У.А. Мейлановой, вошли в литературный язык, ср.: *пара* «много», *фаф* «жена дяди по отцу», *фичIи* «голубой цвет», *мичар* «съедобная трава» [3, с. 375], *хвaжaмжaм* «радуга», *мигъи* «поливной участок земли», *къуьчIуь* «богарный участок земли» и т.д. Проследить пласт диалектизмов, которые уже нашли отражение в литературном языке, можно на основе анализа произведений писателей и поэтов — носителей определенного диалекта. Собственно лексические единицы из разных идиом включены в «Лезгинско-русский словарь» М.Б. Бабаханова [1].

Лезгинский язык, как и любой естественный язык, постоянно эволюционирует: появляются новые слова, в том числе заимствования, другие переходят в разряд историзмов и архаизмов, меняются значения слов и т.д. Все эти изменения в той или иной степени происходят как в литературной, так и диалектной формах языка. Как показывает исследование, нередко наблюдается нецелесообразный процесс полной замены исконных слов эквивалентами, представленными в виде описательных конструкций или заимствований (в диалектах — также замена литературными словами), и бесследная утрата исконных слов. В связи с выпадением из лексического фонда языка исходных этимонов, нарушением системных связей слов и этимологических рядов возникает лексическо-семантическая лакунарность.

Однако диалекты и говоры в наименьшей степени подвержены изменениям и некоторым языковым процессам, они сохраняют исконные лексические единицы. На примере отдельно взятого диалекта мы наблюдаем изначальную лакунарность или утрату рассматриваемых исконных диалектных форм в литературном языке, при этом не исключаем их наличие в некоторых других диалектах и говорах. Устаревшие или утраченные в литературном языке лексические единицы не перестают быть компонентами словарной системы языка. Они продолжают активно использоваться в идиомах разного уровня или «употребляться в различных контекстах, хотя их использование ограничено ситуационно и, как правило, носит особую выразительно-смысловую или какую-либо иную нагрузку» [2, с. 81]. Таким

образом, исконная диалектная лексика способна не только сохранить и обогатить лексический фонд языка, но и пролить свет на многие процессы на различных уровнях его развития.

Список условных сокращений языков и диалектов:

- агул. — агульский язык,
- араб. — арабский язык,
- ахт. — ахтынский диалект лезгинского языка,
- крыз. — крызский язык,
- лит. — литературный язык,
- мигр. — миграхский говор докузпаринского диалекта,
- перс. — персидский язык,
- рут. — рутульский язык,
- таб. — табасаранский язык,
- тюрк. — тюркские языки,
- фий. — фийский смешанный диалект лезгинского языка,
- цах. — цахурский язык,
- цин. — цинитский говор яркинского диалекта.

Литература

1. Бабаханов М.Б. Лезгинско-русский словарь. 2020. Махачкала: Алеф. 623 с.
2. Гайдаров Р.И. Лексика лезгинского языка. 1977. Махачкала: Дагучпедгиз. 86 с.
3. Мейланова У.А. Очерки лезгинской диалектологии; под общ. ред. Ш.И. Микаилова. 1964. М.: Наука. 417 с.
4. Талибов Б.Б., Гаджиев М.М. Лезгинско-русский словарь / под общ. ред. Р.И. Гайдарова. 1966. М.: Советская энциклопедия. 603 с.
5. Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. 1973. М.: Наука. 179 с.

References

1. Babakhanov M.B. Lezginsko-russkii slovar'. 2020. Makhachkala: Alef. 623 p. (In Russ.)
2. Gaidarov R.I. Leksika lezginskogo yazyka. 1977. Makhachkala: Daguchpedgiz. 86 p. (In Russ.)
3. Meilanova U.A. Ocherki lezginskoi dialektologii; pod obshch. red. Sh.I. Mikailova. 1964. Moscow: Nauka. 417 p. (In Russ.)
4. Talibov B.B., Gadzhiev M.M. Lezginsko-russkii slovar'. In R.I. Gaidarov (ed.). 1966. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 603 p. (In Russ.)
5. Khaidakov S.M. Sravnitel'no-sopostavitel'nyi slovar' dagestanskikh yazykov. 1973. Moscow: Nauka. 179 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Рамазанова Латифа Дашдемировна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук,

Рамазанова Л.Д.
Эквивалентная и лакунарная диалектная лексика
лезгинского языка (на материале ахтынского
диалекта)
Язык и текст. 2024. Том 11. № 4. С. 48–54.

Ramazanova L.D.
Equivalence and Lacunarity of Dialectal Vocabulary of
the Lezgin (Based on the Vocabulary of the Akhty
Dialect)
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 4, pp. 48–54.

г. Махачкала, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3574-4662>, e-mail:
sherifalieva.latifa@yandex.ru

Information about the author

Latifa D. Ramazanova, PhD in Philology, Research Associate, Dagestan Federal Research Center of Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3574-4662>, e-mail: sherifalieva.latifa@yandex.ru

Получена 24.10.2024

Принята в печать 25.11.2024

Received 24.10.2024

Accepted 25.11.2024

Языковая репрезентация городских эмоций

Штеба А.А.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (ФГБОУ ВО ВГСПУ), г. Волгоград, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0067-8204>, e-mail: alexchteba@yandex.ru

В статье рассматривается один из аспектов нечеткой эмотивности — дискурсивная эмотивность. Нечеткая эмотивность представляет собой попытку систематизировать те случаи коммуникативной реализации эмотивности, которые не поддаются трехчастной классификации эмотивов на аффективы, коннотативы и потенциативы. Дискурсивность является одной из облигаторных характеристик эмотивности, поскольку оценочный знак и смысловая составляющая слова непосредственно зависят от контекста, коммуникативной ситуации актуализации, горизонтального и вертикального «соседства» с другими семиотическими образованиями. В последнее время активное внимание исследователей привлекают проблемы урбанистического или городского дискурса, при этом аспект городских эмоций или эмоций города предметом отдельных исследований не становился. Выбор материала исследования (мультимодальные тексты рекламных кампаний) позволил выявить ключевые характеристики образа желаемых городских эмоций, что противоречит имеющимся социолингвистическим данным на тему эмоциональной тональности жизни в городе. Также были рассмотрены рекламные тексты загородных коттеджных поселков, в которых объективируется «тайная» сторона жизни в городе, обнаруживаются проблемные точки городской жизни. Показано, что городские эмоции могут быть реальными и симулируемыми, когда объективная действительность подменяется эмотивными симулякрами, которые воздействуют на сферу эмоционального, т.е. оказывают манипулятивное воздействие на реципиента.

Ключевые слова: язык города, городские эмоции, нечеткая эмотивность, эмотивы, симуляция эмоций.

Для цитаты: Штеба А.А. Языковая репрезентация городских эмоций [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 4. С. 55–64. DOI:10.17759/langt.2024110407

Language Representation of Urban Emotions

Alexey A. Shteba

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0067-8204>, e-mail: alexchteba@yandex.ru

The article examines one of the aspects of fuzzy emotivity — discursive emotivity. Fuzzy emotivity is an attempt to systematize those cases of communicative realization of emotivity that do not lend themselves to the three-part classification of emotives into affectives, connotatives and potentiatives. Discursivity is one of the obligatory characteristics of emotivity, since the evaluative sign and the semantic component of a word directly depends on the context, the communicative situation of actualization, horizontal and vertical "neighborhood" with other semiotic formations. Recently, the problems of urban or urban discourse have attracted the active attention of researchers, while the aspect of urban emotions or the emotions of the city has not become the subject of separate research. The choice of the research material (multimodal texts of advertising campaigns) made it possible to identify the key characteristics of the image of desired urban emotions, which contradicts the available sociolinguistic research on the emotional tonality of life in the city. The campaigns of suburban cottage settlements were also considered, in which the "secret" side of life in the city is objectified, problematic points of urban life are revealed. It is shown that urban emotions can be real and simulated when objective reality is replaced by emotive simulacra that affect the emotional sphere, i.e. have a manipulative effect on the recipient.

Keywords: urban language, urban emotions, fuzzy emotivity, emotiveness, emotion simulation.

For citation: Shteba A.A. Language Representation of Urban Emotions. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 4, pp. 55–64. DOI:10.17759/langt.2024110407 (In Russ.).

Введение

Общепризнанным положением является взаимозависимость оценочного знака эмотива, в том числе возможность модуляции оценки слова, в зависимости от дискурса. Акцент ставится на том, что современные дискурсы «воспитывают» и аккумулируют отрицательные, а не положительные эмотивы, происходит преобразование положительных эмотивов в отрицательно заряженные [2, с. 200]. В аспекте проблемы дискурсивности эмоций В.И. Шаховский выделял такие ключевые терминопонятия, как «дискурсивная эмоция» и «дискурсивность эмоций» [13, с. 118]. К данной проблемной сфере относятся дискурсивные стратегии эмоционального поведения, определение специфики эмоциональной маркированности дискурса по сравнению с окрашенностью семантики отдельного слова и пр. Интересным является изучение дискурса отдельных эмоциональных переживаний, к примеру, дискурс страха или отвращения, когда сама эмоция будет концентрировать вокруг себя полимодальные тексты, становящиеся формой ее репрезентации, а эмоции в себе выступят дискурсообразующим фактором.

По причине ситуативности, гибкости, принципиальной незаданности, зависимости от пространства / актуализации дискурсивные эмоции входят в проблемное поле нечеткой эмотивности. Примером подобной частной (специфичной) реализации эмоций является урбанистический дискурс (язык города), накладывающий ограничения на выражение эмоций, подчеркивающий значимость одних эмоций и нивелирующий другие, использующий эмоции как средство манипуляции сознанием реципиента, через эмоции создающий оппозицию тому, что не является городом (поэтому можно говорить о языке эмоций города и языке эмоций пригорода).

Город как знак не предписывает некоторую модель поведения, напротив, городу навязывается образ, который затем транслируется потенциальному адресату. Эти предписания касаются и коммуникативной модели эмоционального реагирования.

Городской дискурс. Язык города изучается в аспекте влияния на литературную норму: подчеркивается, что устная речь города отражает реальные актуальные общественные тенденции, преимущественно направленные на снижение нормативности, ее нарушение [8, с. 77]. Значительный интерес исследователи представляют проблема речи и особенности языка отдельных городов, где рассмотрение города как социального феномена уступает место идиостилевым особенностям некоторого класса горожан [см: 3; 8, 9; 12 и др.]. З.Н. Афинская подчеркивает многомерность и противоречивость городского пространства, указывает, что город объединяет эмоционально-чувственное отношение индивидуума и универсальный опыт человечества, город включает множество личностей, но остается обезличенным, город статичен и динамичен [1, с. 33].

Урбанистический дискурс определяется функционирующими в нем городскими текстами или текстами о городе, под которыми понимается общность семиотических знаков, формирующих и отражающих идентичность города, репрезентирующих и оформляющих ожидания и ассоциации горожан в связи с образом города [10]. О.А. Леонтович объединяет проблемное поле урбанистической коммуникации внутри следующих ключевых направлений: историческая память и ее отражение в городском пространстве, город как географическое пространство, политический дискурс в его преломлении через городскую коммуникацию, город как реальное и воображаемое сообщества, городские пространства как тексты и пр. [16, с. 650]. Цитируемый ученый предлагает понятие медиаурбанистики, которое предоставляет возможность анализировать городской дискурс как социальный конструкт, состоящий из исторической аттрактивности, особых эстетических свойств и частотно функционирующих, преобразованных конвенциональных и специальных коммуникативных практик [5, с. 108]. Отдельное внимание О.А. Леонтович обращает на проблему стрессогенности города и воздействия города на горожанина, что отражается в проблемах тотального наблюдения над человеком и, как следствие, естественном желании защитить личное пространство [6, с. 22], право горожан на частную жизнь в сочетании общественного и частного пространств [7].

Эмоции и город. Городские эмоции не становились предметом отдельного лингвистического исследования. Точечные наблюдения касаются, к примеру, взаимосвязи между организацией городского пространства и эмоциями, а именно создание таких экспозиционных сценариев городского пространства, которые будут вызывать положительные эмоции и способствовать позитивному мышлению [11]. Проводятся попытки определить городские эмоции через анализ платформ онлайн-сбора мнений горожан об открытых городских пространствах, текстовые записи пользователей социальных сетей [4, с. 14]. Город как семиотическое образование и «социальный конструкт» (по О.А. Леонтович) каузирует эмоции, но валентность последних, скорее, отрицательно влияет на привлекательность города. Поэтому создаются искусственные эмоционально маркированные образы города (городские симулякры и, значит, симуляция эмоций) для поднятия «имиджа» города в аспекте эмоциональной составляющей жизни.

Как указывает Б. Фелидель, процесс изменения пространства, в том числе городского, вызывает яркие эмоциональные реакции со стороны жителей, его пользователей, поскольку

подобные преобразования воспринимаются как трансформация жизненных пространств. Переобустройство города часто ведет к отрицательной эмоциональной реакции, в которой недовольство, связанное с изменениями привычной ежедневной среды, совмещается с более широким протестным настроением относительно оппозиции власть-народ, правящей партии, в целом [14, с. 180-184]. Город рассматривается как стимул для отрицательной реакции. К примеру, в работе Кр. Олукуа показано, как предложение жителям погулять в вечернее время суток по кварталам Йоханнесбурга сопровождалось активным эмоциональным откликом респондентов с центром удивления совместно с комплексом невербальных эмоциональных реакций (широко открытые глаза, поднятие бровей, смущенный смех). Главная эмоция ночных прогулок (*la marche urbaine*) — страх, который в некоторых случаях физически сдерживал испытуемых, не способных сделать шаг в слабо освещенное место по пути следования в городе [17]. Проблема освещения в городе интересна в аспекте феномена технологического управления (*gouvernance technologique*), предполагающее использование света как искусственное ограничение жителей города в том, что им следует видеть и при каких обстоятельствах [18].

Репрезентация городских эмоций в рекламе. Анализ мультимодальных рекламных текстов городских жилых комплексов показывает, что частотно ассоциирующаяся жизнь в городе с чем-то новым, тенденциозным, модным приводит к использованию в текстах рекламы стилистически сниженной (разговорной) лексики, т.е. городская среда как стимул нового, популярного, современного индуцирует городской язык как реакцию на новое, популярное и пр., реакцию, отвечающую искусственному образу городского пространства, городской среды, к примеру:

ЭНЕРГОМОНТАЖ - Пингвины орнули! Трехкомнатная квартира по цене двухкомнатной. (ОРНУТЬ (произв. от ОРАТЬ) – громко смеяться).

ЭНЕРГОМОНТАЖ - Совы в шоке. Трехкомнатная квартира по цене двухкомнатной.

Жилой комплекс «МАРС» - игровая площадка просто космос! (КОСМОС – одобрительная оценка чего-либо, недостижимая высота).

«Осовременивание» города выражается в рекуррентных англицизмах (к примеру, *плэйхаб* вместо игровой площадки, *руфтоп* вместо крышного кондиционера), что соответствует обозначенному образу города.

Создатели текстов рекламных роликов спекулируют эмоциональным компонентом, что выражается в

- а) акцентировании положительных эмоций;
- б) использовании качественных положительно оценочных атрибутов;
- в) создании «новых» номинаций эмоций:

БульВаря - (суц.) Варвара, которая счастлива, что живет в ЖК «Зеленый Бульвар».

АМО - дом, в котором живут подлинные чувства

«Неземные эмоции» (текст слогана, использованный ЖК в Тракторном районе г. Волгограда).

Стоит отметить, что, в отличие от выражения *неземные эмоции*, словосочетание *подлинные чувства* встречается в Национальном корпусе русского языка, к примеру:

Красавице очень одиноко — женщины с ней не дружат, шеф относится к ней настороженно, мужчины ей даже ненароком грубят, чтобы скрыть подлинные чувства (В. Горюнова).

Она ценила подлинные чувства и в их честь создавала искренние ароматы, в состав

которых входили натуральные компоненты (М. Перова).

2-я задача: изобразить сам факт, который вызывает эти подлинные чувства (О.И. Даль).

И никого не заинтересовали тогда его подлинные чувства и мысли, его сокровенные взгляды на жизнь (В. Аксенов).

В то же время как приходилось лукавить и скрывать свои подлинные чувства, чтобы достичь цели без кровопролития (А.П. Ладинский).

И она презирает его за то, что он скрывает от нее свои подлинные чувства и унижительно лжет (М. Криницкий).

Словосочетание *подлинные чувства* сообщает семантику сокрытия, тайны, которую не следует раскрывать, либо которая будет отгадана только тем, кто заинтересован в ее раскрытии. *Подлинные чувства* маскируются и подменяются на социально приемлемые заместители. При этом даже порицаемое обществом поведение привлекательнее, чем демонстрация подлинных чувств. В межличностном интимном общении *подлинные чувства* выступают своеобразной Максимой Качества и их сокрытие недопустимо для коммуникативных партнеров.

Выражаемые положительные эмоции имеют не только форму номинации, но и используются в текстах в форме аффективов, междометных реакций, степень активности которых гораздо выше, чем у коннотативов:

Жилой комплекс «Настро-ение» - Отличное настроение для зимних прогулок.

В данном примере использование дефиса, разделяющего две гласные, указывает на визуальную объективацию долготы артикуляции звука, что характерно крику, т.е. эмоциональному возгласу.

Используемые в текстах слоганы рекламных роликов городских ЖК относятся к кластеру положительных эмоций, представляют собой положительно оценочные эмоциональные комплексы, объективирующие любовь, радость:

Самое любимое место в городе (ЖК «Parkwood»).

Я влюбилась с первого взгляда. Красивый, надежный и очень комфортный. Я чувствую себя защищенной. Я выбрала лучший (ЖК «Покровский посад»).

Мы позаботились о будущем Ваших детей: малыши пойдут в детский сад прямо на территории комплекса, а дети постарше - в новую школу, не пересекая ни одной дороги. Вас порадует архитектура комплекса (ЖК «Все свои»).

Каждый рекламный текст пытается поставить акцент на уникальности и использовать простые языковые средства достижения данной цели в форме превосходной степени прилагательных.

О какой жизни вы мечтаете? Вообразите ее. Из чего складывается ваша мечта? Из всех ваших желаний и простых правил. Вы всегда находитесь в центре событий, но цените свой уютный уголок. Никогда не тратите время впустую и всегда находите время только для себя. Сейчас вы в лучшей форме, а ваш вкус всегда безупречен. Вы цените себя и уверены в своем выборе. Вы здесь, и ваша идеальная жизнь подчиняется только вашим правилам (ЖК «Квартал Премьер»).

Такая тактика имплицитно несет правовые риски, поскольку федеральный закон "О рекламе" запрещает использование превосходной степени без документальных подтверждений:

Каждый год в Краснодар переезжают тысячи хороших людей со всей страны. А нам для хороших людей ничего не жалко, даже самого лучшего. «Лучший» - новый жилой комплекс... Спроектированный нашими лучшими специалистами и построенный нашими лучшими

мастерами, жилой комплекс «Лучший» готов принять лучших людей в лучшем городе нашей страны (бегающая строка: Краснодар - лучший город по качеству жизни. Самый благоустроенный город России. Лучший город для ведения бизнеса. Лучший торговый город России) / ЖК «Лучший».

В составленную нами выборку примеров входит текст имиджевого ролика французской строительной компании Faubourg Immobilier:

Certaines émotions ont une signature. Faubourg Immobilier - créateur d'immobilier résidentiel

Особенно привлекательным является использование создателями текста номинации нечетких эмоций, которая активизирует поисковую функцию у реципиента, пытающегося декодировать эмоционально-смысловые границы данного имени. Также исследуемый текст конкретизирует нечеткие эмоции через наименование компании, что приводит к идее о возможности существования именных эмоций. В аспекте профессиональной деятельности речь может идти об имиджевых эмоциях, когда у компании есть стратегия на объективизацию определенного образа через демонстрацию эмоционального состояния, т.е. эмоциональное поведение компании; частные индивидуально-специфичные эмоции изучаются преимущественно в аспекте идиостилевых особенностей автора художественного произведения или публичного деятеля.

Полученное в ходе анализа практического материала наблюдение о низкой представленности эмоций в городских текстах рекламных роликов может быть обусловлено общей тенденцией ускорения жизни и сокращения времени на восприятие внешних сообщений потенциальным реципиентом. Поэтому тексты концентрируются вокруг ключевых слов-смыслов, значимых для конструирования желаемого образа города. Более высокая представленность аффективов по сравнению с номинациями эмоций подтверждает данное предположение, свидетельствует о примате скорости, быстроты, формы.

Также были рассмотрены рекламные ролики загородных и коттеджных поселков для сопоставления особенностей репрезентации городских и пригородных эмоций. Примечательно, что отрицательная оценка города используется как аргумент для увеличения притягательности пригорода. При этом образ города ассоциируется с шумом, трафиком, спешкой, стрессом, дискомфортом:

Место, где можно укрыться от городской суеты и серости (Коттеджный поселок «Elite Laguna»).

(Громкий крик). Дорогой, что случилось? Мне приснилось, что мы снова в городе живем в многоэтажке. Забудьте о городе. "Васильки" - это уникальный поселок в Вологодской области в заповедных местах возле озера. ... (Коттеджный поселок «Васильки»).

Жить счастливо - значит жить комфортно. В уютном доме на берегу реки. Дышать лесным воздухом вдали от городского шума (Коттеджный поселок «Зеленые берега»).

Здесь вас не потревожит оживленный трафик на дорогах и шум города (Коттеджный поселок «Легенда»).

На уровне актуализируемого кластера эмоций в рекламе коттеджных поселков также частотны эмотивные комплексы, состоящие из радости, любви:

Что нужно, чтобы воплотить мечту в реальность? Радость. Удовольствие. Счастье. Любовь (Коттеджный поселок «Резиденция Ахитырь»).

Жить вдали от суеты большого города или быть в центре событий? Наслаждаться тишиной и свежестью горного воздуха или общением в кругу близких друзей? Вы достойны варианта, который не нужно выбирать. ... Домом, которому Вы сможете доверить самое ценное и ощутить себя в безопасности. Домом, который по-настоящему полюбят ваши

дети (Коттеджный поселок «Графский»).

В жизни каждого мужчины есть место, где его любят и ждут. Уставшего, раненого, проигравшего или победителя. Слегка веселого или хмурого. Место, где можно укрыться от городской суеты и серости (Коттеджный поселок «Elite Laguna»).

Среди упоминаемых ценностей следует выделить заботу, защищенность, укрытие, счастье, к примеру:

Лесное окружение заботливо продумает благоустройство. Ваше спокойствие обеспечит закрытая территория и пропускной режим (Коттеджный поселок «Парус»).

Это принципиально новый уровень заботы о людях (Коттеджный поселок «Lestoi»).

Что нужно для счастья? Проживать яркие моменты вместе (Загородный поселок «Альпийская долина»).

Жизнь за городом синонимизируется с мечтой, что рекуррентно упоминается в текстах рекламных роликов:

Я покажу тебе нашу мечту. Пройди по цветущим просторам до самого краешка леса. Вот здесь мы построим наш уютный дом, а возле реки будем встречать рассветы, провожая уходящие вдаль облака. Ведь здесь горизонт так огромен, что хочется дышать полной грудью. Загородный поселок «Искра» - до мечты лишь шаг (Загородный поселок «Искра»).

Такое счастье, что у нас появился свой дом. Как же хорошо за городом. Здесь так легко устроить застолье на свежем воздухе. И побаловать родных отменным шашлыком. Здесь можно всей семьей отправиться на велосипедную прогулку. Бесстрашно пронестись на скутере по глади озера. А потом и порыбачить. Какие тихие и душевные здесь вечера. Как хорошо иметь свой дом за городом в поселке «Щепкин». «Щепкин» - моя мечта (Загородный поселок «Щепкин»).

Выводы

Актуальной внутри рассматриваемой проблематики является аспект столкновения и наложения с последующим вытеснением дискурсивных пространств, когда реальные эмоции города (городские эмоции) подменяются их симулякрами, создаваемыми рекламным дискурсом, т.е. рекламные тексты накладывают ложную сетку эмоциональных векторов на город, модифицируют его сущностные особенности, преобразуют восприятие действительности.

Отличия между формируемыми с помощью рекламных роликов представлениями о городе и пригороде (загородной жизни) не обнаруживают значимых расхождений на уровне кластера актуализируемых эмоций, т.е. положительные эмоции, включающие любовь, радость. Городские эмоции чаще характеризуются языковым новаторством в аспекте используемой стилистически сниженной (разговорной) лексики, использования необычных, неконкретных, нечетких эмоций для описания городского эмоционального пространства. Ценностная составляющая обнаруживает как общие (стремление к защищенности, поиск счастья), так и отличные особенности (размеренность, отсутствие спешки, активный отдых и пр. в пригороде).

Литература

1. Афинская З.Н. К вопросу об урбанистическом дискурсе // Paradigmata poznani. № 1. 2015. С. 32-36.
2. Ионова С.В. Дискурсивные эмоции: кооперация и диссонанс // Вестник Российского

- университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 197-201.
3. *Исмагилова Н.В., Майорова О.А.* Язык города как социолингвистическая проблема: перспективы изучения // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. № 4. С. 900-909.
 4. *Кашина П.В., Конюхов А.М.* Анализ эмоциональной оценки городской среды на основании данных, генерируемых пользователями в социальных сетях // Альманах научных работ молодых ученых университета ИТМО XLVII научная и учебно-методическая конференции Университета ИТМО. Том 5. 2018. С. 14-16.
 5. *Леонтович О.А.* Проблема социальной видимости с позиций медиаурбанистики // Вестник Московского Государственного Лингвистического Университета. Гуманитарные науки. № 12. 2020 (а). С. 99-111.
 6. *Леонтович О.А.* Язык большого города: ключевые проблемы медиаурбанистики // Этнопсихоллингвистика. № 3. 2020 (б). С. 19-34.
 7. *Леонтович О.А.* Языковая безопасность и безопасность языка в медиаурбанистическом дискурсе: взаимопроникновение понятий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 1. 2021. С. 137-149
 8. *Петрова Е.А.* Лондонский текст как отражение языка города в художественном произведении // Успехи гуманитарных наук. № 11. 2022. С. 134-138.
 9. *Пономарева А.В.* Язык города как одна из форм коммуникации (на материале речи жителей области Северный Рейн-Вестфалия, ФРГ) // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация. Материалы VII международной междисциплинарной научной конференции. Том 2. Под общей редакцией А.Д. Петренко. Симферополь, 2022. С. 87-93
 10. *Прямухина В.С.* Феноменология "городского текста" в урбанистическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 9: Исследования молодых ученых. № 19. 2021. С. 62-65.
 11. *Рябов О.Р., Николаева И.В.* Город как экспозиция эмоций // Дизайн-ревью. № 1-4. 2018. С. 85-93.
 12. *Синица Д.А.* "Язык города" и региолекты: к постановке проблемы // Межкультурная коммуникация: теория и практика: сборник научных трудов XVI Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические традиции и инновации» / под ред. Ю.В. Кобенко; Томский политехнический университет. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2016. С. 236-239.
 13. *Шаховский В.И.* Дискурсивность эмоций в человеческой коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 8 (62). С. 115-120.
 14. *Feildel B.* Émotions et critique urbaine: les affects en jeu dans la production des espaces. Anne Clerval; Camille Gardesse; Jean Rivière. Inégalités et rapports de pouvoir en ville. Actualité de la critique urbaine, Editions de l'oeil d'or, pp.179-202, 2023,
 15. *Kenny N.* Lueur urbaine: réverbères, émotions et vie nocturne, années 1880 à 1910 // Écrire la ville. Pouvoirs, urbanités et modernités dans l'espace québécois (XIXe-XXe siècles). 2023. URL: <https://ecampusontario.pressbooks.pub/ecrirelaville/chapter/lueur-urbaine-reverberes-emotions-et-vie-nocturne-annees-1880-a-1910/#footnote-42-7>
 16. *Leontovich O.A.* New forms of urban discourse as a reflection of social change // Communication studies. № 3. 2019. P. 645-654.
 17. *Oloukoi Ch.* «La marche urbaine: un outil pour appréhender les émotions a Johannesburg?», Carnets de géographes [En ligne], 9 | 2016, mis en ligne le 30 novembre 2016, consulté le 24 juillet 2024. URL : <http://journals.openedition.org/cdg/576> ; DOI: <https://doi.org/10.4000/cdg.576>

18. Otter Ch. *The Victorian Eye: a political light and vision in Britain*. Chicago: The University of Chicago Press, 2008.

References

1. Afinskaja Z.N. K voprosu ob urbanisticheskom diskurse [On the issue of urban discourse] *Paradigmata poznani*, no. 1. 2015, pp. 32-36 (In Russ.).
2. Ionova S.V. Diskursivnye jemocii: kooperacija i dissonans [Discursive emotions: cooperation and dissonance] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Lingvistika=Bulletin of Russian University of Peoples' Friendship. Series: Linguistics*. 2016. Vol. 20, no. 4, pp. 197-201 (In Russ.).
3. Ismagilova N.V., Majorova O.A. Jazyk goroda kak sociolingvisticheskaja problema: perspektivy izuchenija [The language of the city as a sociolinguistic problem: prospects for studying]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta=Bulletin of Bashkir University*. 2019. Vol. 24, no. 4, pp. 900-909 (In Russ.).
4. Kashina P.V., Konjuhov A.M. Analiz jemocional'noj ocenki gorodskoj sredy na osnovanii dannyh, generiruemyh pol'zovateljami v social'nyh setjah [Analysis of the emotional assessment of the urban environment based on data generated by users on social networks]. *Al'manah nauchnyh rabot molodyh uchenyh universiteta ITMO XLVII nauchnaja i uchebno-metodicheskaja konferencii Universiteta ITMO*. Vol. 5. 2018, pp. 14-16 (In Russ.).
5. Leontovich O.A. Problema social'noj vidimosti s pozicij mediaurbanistiki [The problem of social visibility from the perspective of media urbanism]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta. Gumanitarnye nauki=Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, no. 12. 2020 (a), pp. 99-111 (In Russ.).
6. Leontovich O.A. Jazyk bol'shogo goroda: ključevye problemy mediaurbanistiki [The Language of the Big City: key problems of media urbanism]. *Jetnopsiholingvistika=Ethnopsycholinguistics*, no. 3. 2020 (b), pp. 19-34 (In Russ.).
7. Leontovich O.A. Jazykovaja bezopasnost' i bezopasnost' jazyka v mediaurbanisticheskom diskurse: vzaimoproniknovenie ponjatij [Language Safety and Language Safety in Media Urban Discourse: the interpenetration of concepts]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogičeskoj lingvistiki=Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics*, no. 1. 2021, pp. 137-149 (In Russ.).
8. Petrova E.A. Londonskij tekst kak otrazhenie jazyka goroda v hudozhestvennom proizvedenii [The London Text as a reflection of the City's language in a work of art]. *Uspehi gumanitarnyh nauk=Successes of Humanities*, no. 11. 2022, pp. 134-138 (In Russ.).
9. Ponomareva A.V. Jazyk goroda kak odna iz form kommunikacii (na materiale rechi zhitelej oblasti Severnyj Rejn-Vestfalija, FRG) [The language of the city as one of the forms of communication (based on the speech of residents of the North Rhine-Westphalia region, Germany)]. *Konvergentnye tehnologii XXI: variativnost', kombinatorika, komunikacija. Materialy VII mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii*. Vol. 2. In A.D. Petrenko (ed.). Simferopol', 2022, pp. 87-93 (In Russ.).
10. Prjamuhina V.S. Fenomenologija "gorodskogo teksta" v urbanisticheskom diskurse [The Phenomenology of the "Urban Text" in Urban Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9: Issledovanija molodyh uchenyh=Bulletin of Volgograd State University. Series 9: Young scientists' researches*, no. 19. 2021, pp. 62-65 (In Russ.).
11. Rjabov O.R., Nikolaeva I.V. Gorod kak jekspozicija jemocij [The city as an exposition of emotions]. *Dizajn-revju=Design-Review*, no. 1-4. 2018, pp. 85-93 (In Russ.).

12. Sinica D.A. "Jazyk goroda" i regiolekty: k postanovke problemy ["The language of the city" and regional languages: towards the formulation of the problem]. *Mezhkul'turnaja kommunikacija: teorija i praktika: sbornik nauchnyh trudov XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Lingvisticheskie i kul'turologicheskie tradicii i innovacii»*. In Ju.V. Kobenko (ed.); Tomskij politehnicheskij universitet. Tomsk: Publ. Tomskogo politehnicheskogo universiteta, 2016, pp. 236-239 (In Russ.).
13. Shahovskij V.I. Diskursivnost' jemocij v chelovecheskoj kommunikacii [The discursivity of emotions in human communication]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*=*Bulletin of Volgograd State Pedagogical University*. 2011, no. 8 (62), pp. 115-120 (In Russ.).
14. Feildel B. Émotions et critique urbaine: les affects en jeu dans la production des espaces [Emotions and urban criticism: the affects at play in the production of spaces]. *Anne Clerval; Camille Gardesse; Jean Rivière. Inégalités et rapports de pouvoir en ville. Actualité de la critique urbaine. Editions de l'oeil d'or*, 2023, pp.179-202.
15. Kenny N. Lueur urbaine : réverbères, émotions et vie nocturne, années 1880 à 1910 [Urban glow: street lights, emotions and nightlife, 1880s to 1910s]. *Écrire la ville. Pouvoirs, urbanités et modernités dans l'espace québécois (XIXe-XXe siècles)*. 2023. Available at: <https://ecampusontario.pressbooks.pub/ecrirelaville/chapter/lueur-urbaine-reverberes-emotions-et-vie-nocturne-annees-1880-a-1910/#footnote-42-7>
16. Leontovich O.A. New forms of urban discourse as a reflection of social change // *Communication studies*. № 3. 2019, pp. 645-654.
17. Oloukoi Ch. La marche urbaine: un outil pour appréhender les émotions a Johannesburg? [Urban walking: a tool to learn emotions in Johannesburg?]. *Carnets de géographes* [En ligne]. 2016. URL: <http://journals.openedition.org/cdg/576>; DOI: <https://doi.org/10.4000/cdg.576>
18. Otter Ch. *The Victorian Eye: a political light and vision in Britain*. Chicago: The University of Chicago Press, 2008.

Информация об авторе

Штеба Алексей Андреевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (ФГБОУ ВО ВГСПУ), г. Волгоград, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0067-8204>, e-mail: alexchteba@yandex.ru

Information about the author

Alexey A. Shtebe, PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Roman Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0067-8204>, e-mail: alexchteba@yandex.ru

Получена 06.08.2024
Принята в печать 25.11.2024

Received 06.08.2024
Accepted 25.11.2024

Библиотека русских художников в Риме

Воропаев В.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7133-425X>, e-mail: voropaevvl@bk.ru

В статье освещается история библиотеки русских художников в Риме, в создании которой принимал участие Н.В. Гоголь. Судьба римской библиотеки писателя донныне остается неизвестной. Книги Гоголя (ему принадлежавшие или те, которые он мог держать в руках во время своего пребывания в Италии), по всей видимости, могут находиться в частной библиотеке А.А. Иванова в Риме, принадлежащей ныне родственникам художника; либо в фондах Центральной научной библиотеки в Риме, куда поступила бывшая библиотека русских художников — римских пансионеров.

Ключевые слова: Реестр книг, отправленным из Москвы в Рим летом 1841 г., библиотека русских художников в Риме, Н.В. Гоголь, А.А. Иванов, Ф.И. Иордан, М.П. Погодин.

Для цитаты: Воропаев В.А. Библиотека русских художников в Риме [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 4. С. 65–73. DOI:10.17759/langt.2024110408

Library of Russian Artists in Rome

Vladimir A. Voropaev

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7133-425X>, e-mail: voropaevvl@bk.ru

The article highlights the history of the library of Russian artists in Rome, which N.V. Gogol took part in the creation. The fate of the Roman library of the writer remains unknown to this day. Gogol's books (which belonged to him or those that he could hold in his hands during his stay in Italy), apparently, may be in the private library of A.A. Ivanov in Rome, now owned by relatives of the artist; or in the collections of the Central Scientific Library in Rome, which received the former library of Russian artists — Roman boarders.

Keywords: Register of books sent from Moscow to Rome in the summer of 1841, library of Russian artists in Rome, N.V. Gogol, A.A. Ivanov, F.I. Jordan, M.P. Pogodin.

For citation: Voropaev V.A. Library of Russian Artists in Rome. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 4, pp. 65–73. DOI:10.17759/langt.2024110408 (In Russ.).

В Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве хранится документ, представляющий в новом свете вопрос о круге чтения Гоголя и русских художников в Италии. В описи архива он внесен под названием «Список книг и журналов, отправляемых в Рим для Н. В. Гоголя»¹. В подлиннике документ имеет следующее название:

«Реестр книгам, отправленным из Москвы в Рим.
1841 года Июля 11 дня».

На первом титульном листе документа после слов «из Москвы в Рим» карандашом приписано «Гоголю». В оригинале список представляет собой девять сшитых листов рукописного текста, исписанных с обеих сторон четким, убористым почерком середины XIX столетия. В нем более четырехсот названий книг, составляющих в общей сложности около тысячи томов. На листах имеются многочисленные чернильные и карандашные пометы, приписки и исправления, сделанные другой рукой. Весь список разбит на IX тематических разрядов. Составитель «реестра», судя по пометкам на листах, пытался систематизировать его и переносил книги из одного разряда в другой. Можно предположить, что «реестр» был переписан с учетом этих пометок и в таком упорядоченном виде отправлен вместе с книгами в Рим. Оставшийся у автора черновик, вероятно, и является тем документом, который хранится ныне в РГАЛИ.

Отдельный, десятый лист документа, озаглавленный «Разные дела по части Гоголя» и относящийся к более позднему времени (1844 г.), непосредственного отношения к «реестру» не имеет. Записка эта, как выяснилось, написана рукой самого Гоголя. Полный текст ее гласит:

- «1. У Жуковского во Франкфурте узнать, послал ли письмо Смирновой в Баден.
2. В Петербурге купить Христианское Чтение за 1840 год.
3. Чрез Веневитинова попросить у Краевского за нынешний 1844-й год Отечественные Записки.

Если не случится Христианского Чтения за 1840 год, то сочинения Димитрия Ростовского в 3 частях» [Гоголь, 2009–2010, т. IX, с. 488; далее везде цит. по этому изд., указывая после цитаты: том — римской цифрой, страницу — арабской].

Содержание записки становится более понятным при сопоставлении ее с перепиской Гоголя 1844 г. В письме из Баден-Бадена от 19 июня (н. ст.) он писал В.А. Жуковскому: «Пришлите мне, сделайте милость, письмо Смирновой, которое отправила к вам графиня Вьельгорская, но только как можно скорее, потому что оно мне очень нужно. <...> Графиня Вьельгорская будет дня через два у вас во Франкфурте, проезжая в Петербург на месяц, для свидания с дочерью» (XII, 419).

В свою очередь графиня Луиза Карловна Виельгорская извещала Гоголя в том же июне 1844 г.: «Посылаю вам, почтеннейший Николай Васильевич, письмо Александры Осиповны (Смирновой. — В. В.) и уведомляю вас, что я еду в Петербург совершенно одна» (XII, 424). Таким образом, гоголевская записка предназначалась, по всей видимости, для графини Л.К. Виельгорской, намеревавшейся быть во Франкфурте по дороге в Санкт-Петербург, и ее следует датировать июнем 1844 г. Гоголь, как известно, был дружен с Виельгорскими и нередко пользовался услугами с их стороны, в том числе и по части пересылки книг.

¹ РГАЛИ. Ф. 2591. Оп. 1. Ед. хр. 385. К-во листов 10. Впервые полностью документ опубликован: Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 9. С. 721–737.

Графиня исполнила поручение Гоголя. 1 августа (н. ст.) того же 1844 г. В.А. Жуковский сообщал Гоголю: *«Гр<афиня> Вьельгорская привезла для вас несколько книг „Христианского Чтения“ и несколько № бесовского, то есть „Отечественных Записок“. И то, и другое будет храниться у меня до вашего возвращения»* (ХП, 434).

Речь в записке, как видим, идет главным образом о книжных делах писателя. И, видимо, именно поэтому автограф Гоголя был приложен к «Реестру книгам, отправленным из Москвы в Рим» в июле 1841 г.

Были ли книги действительно отправлены в Рим? Кто мог летом 1841 г. послать Гоголю целую библиотеку? Поиски целесообразно было начать среди ближайшего московского окружения писателя. Приезжая в Москву, Гоголь обычно останавливался и жил у историка М.П. Погодина в его доме на Девичьем поле. Как удалось установить, приписки карандашом и чернилами на листах «Реестра» сделаны рукой М.П. Погодина. Список книгам составлял, как видно, один из писцов Погодина. Сам же он, просматривая «Реестр», вносил свои изменения в заглавия разделов, делал пометы, добавления к написанному.

Что за книги мог отправлять Погодин Гоголю из Москвы в Рим в июле 1841 г.? Собрать такую библиотеку в короткий срок нелегко, да и стоила бы она немалых денег. Летом 1841 г. в Риме вместе с Гоголем жил критик и мемуарист П.В. Анненков, переписывавший под диктовку автора главы первого тома «Мертвых душ». В своих воспоминаниях Анненков так писал об умонастроении писателя в этот период: *«...взлеянный уединением Рима, он весь предался творчеству и перестал читать и заботиться о том, что делается в остальной Европе. Он сам говорил, что в известные эпохи одна хорошая книга достаточна для наполнения всей жизни человека. В Риме он только перечитывал любимые места из Данте, Илиады Гнедича и стихотворений Пушкина»* (Гоголь в воспоминаниях и письмах П.В. Анненкова) [Гоголь в воспоминаниях... Т. 3, с. 443].

Анненков выехал из Рима в июле 1841 г. Вне всякого сомнения, большой библиотеки у Гоголя в это время не было. Иначе это не укрылось бы от Анненкова, жившего в соседней с ним комнате. Возможно, что в определенную эпоху Гоголю и была достаточна «одна хорошая книга». Но, как видно, наступал такой период в его жизни, когда ему была необходима целая библиотека. По свидетельству того же Анненкова, *«в эту эпоху он (Гоголь. – В. В.) был занят внутренней работой, которая началась для него со второго тома Мертвых Душ, тогда же им предпринятого, как я могу утверждать положительно»* [Там же, с. 444].

Из Рима Гоголь выехал почти сразу же после П.В. Анненкова, в середине августа (н. ст.) 1841 г. Проездом в Россию он заехал в Гану к поэту Н.М. Языкову и уже оттуда отправился в Москву хлопотать об издании первого тома «Мертвых душ». Покончив дела с печатанием поэмы, писатель летом 1842 г. снова выехал за границу и пробыл там на этот раз вплоть до 1848 г. В Рим Гоголь вернулся вместе с Н.М. Языковым осенью 1842 г. и поселился на своей старой квартире.

В 1840-х гг. в Риме жил русский художник-гравер Ф.И. Иордан, состоявший в приятельских отношениях с Гоголем. В его «Записках» есть упоминание об «огромном сундуке с книгами», который привезли из таможни Гоголю. Вот контекст, в котором упомянут этот сундук: *«В это время приехал в Рим наш писатель (П.В.) Анненков, с которым я познакомился. Он остановился у Гоголя, с которым был дружен <...>. Спустя несколько времени я увидел приехавшего к Гоголю известного поэта (Н.М.) Языкова. <...> Он собирался, должно быть, долго пробыть в Риме, ибо я видел огромный сундук с книгами,*

который привезли из таможи к Гоголю, но болезнь заставила его поспешить обратно в Россию» (Гоголь в воспоминаниях и письмах Ф.И. Иордана) [Там же, с. 378].

Из слов Иордана следует, что книги привез с собой приехавший к Гоголю Н.М. Языков. Гоголь вместе с Языковым проводил в Риме зиму 1842/43 г. В Рим, однако, они приехали вдвоем, путешествуя перед этим по Италии (с 1838 по 1843 г. Языков по совету врачей жил за границей). Иордан начал писать свои «Записки» на склоне лет, в 1875 г., и мог перепутать, кому принадлежали привезенные к Гоголю из таможи книги. Наконец, он мог просто не знать этого. Но сам факт получения Гоголем в начале 1840-х гг. «огромного сундука с книгами» весьма примечателен.

О библиотеке Гоголя в Риме не сохранилось почти никаких сведений. В письме из Гану от 20 сентября (н. ст.) 1841 г. он просил А.А. Иванова: «*Напишите мне, дал ли я вам ключ от сундука с моими книгами и заперт ли он или нет². Я совершенно позабыл*» (XI, 352). В черновом письме к Гоголю (октябрь 1841 года) Иванов сообщал: «*Ключ от Вашего сундука я нашел*» (XI, 362).

В свой последний отъезд из Рима Гоголь оставил у А.А. Иванова два сундука с книгами и пакет с бумагами. В черновом письме Иванова к брату (свои письма А.А. Иванов, как правило, писал сначала начерно), датированном началом апреля (н. ст.) 1858 г., в числе вещей, остающихся в римской студии художника, упомянуты и «два сундука с книгами [Гоголя]» (в оригинале слово «Гоголя» зачеркнуто) (Свидетельства о Гоголе А.А. Иванова и его родных) [Там же, с. 357].

В записной тетради Иванова сохранился черновик письма, адресованного, по-видимому, С.П. Шевыреву и написанного не ранее 1855 г.: «*Зная Вас лично как близкого приятеля Николая Вас<ильевича> Гоголя, я должен Вам сказать, что покойник пред последним отъездом оставил у меня два сундука и пакет с бумагами. Что в них находится, я не знаю да и не считаю себя вправе знать. Теперь прибегаю к вашему совету, что мне делать с этими вещами, может быть, весьма драгоценными для многих?*» (в оригинале запись перечеркнута) [Там же, с. 356].

Архив А.А. Иванова, состоящий из его рисунков и рукописного наследия, согласно завещанию С.А. Иванова, брата выдающегося живописца, поступил в 1877–1879 гг. в Румянцевский музей³. Среди большого количества писем и бумаг художника в музей были переданы и сохранившиеся у него рукописи Гоголя. Судьба гоголевских книг, оставшихся, по всей видимости, в Риме, до сих пор не выяснена. Можно, однако, с достаточной долей уверенности предполагать, что книги эти находятся в личной библиотеке А.А. Иванова в Риме, принадлежащей ныне родственникам художника⁴.

Новые сведения, проясняющие загадку книг, отправленных из Москвы в Рим летом

² По свидетельствам современников, Гоголь тщательно оберегал свои книги и бумаги от постороннего глаза. «Даже книг у него иа виду было мало, свои рукописи и книги он берег под замком...» – вспоминал, например, Д. М. Погодин, сын М. П. Погодина, хорошо знавший привычки Гоголя, подолгу жившего у них в доме (Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 531).

³ См.: Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1879–1882 гг. М., 1884. С. 43–49. См. также Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 356–357.

⁴ См.: Коваль Л. М. Русские библиотеки в Италии в начале XX в. // Книга. Исследования и материалы. Сб. XXXVII. М., 1978. С. 194.

1841 г., удалось обнаружить в архиве М.П. Погодина, хранящемся в Российской государственной библиотеке в Москве. Среди переписки Погодина сохранились три письма к нему П.И. Кривцова (секретаря русского посольства в Риме, назначенного в 1840 г. попечителем над русскими художниками-пансионерами в Италии)⁵. Речь в них шла о библиотеке для русских художников в Риме.

Суть дела заключалась в следующем. Кривцов, используя свои связи при дворе, ходатайствовал о представлении к ордену московского купца-миллионера А.И. Лобкова, взамен чего последний обязался пожертвовать деньги на библиотеку для русских художников в Риме. Посредником между ними и выступил Погодин. С Лобковым, известным своим собранием старопечатных книг и редких рукописей (платившим до семисот рублей ассигнациями за книжную редкость), он сблизился на почве общего увлечения русскими древностями⁶. Из писем Кривцова и записей в дневнике Погодина следует, что Лобкову был пожалован орден Станислава 3-й степени, книги отправлены в Рим и получены там в начале января 1842 г.⁷. Вторая половина книг была доставлена зимой 1842/43 г. 9 января (н. ст.) 1843 г. Н.М. Языков сообщал брату из Рима: «Русским художникам, находящимся в Риме, какой-то купец московский пожертвовал очень хорошо составленную библиотеку русских книг — недавно прибыла сюда последняя половина оных. Новые журналы — „Москвитянин“ и „Отечественные Записки“ — тоже есть...»⁸.

О роли Гоголя в этой истории на основании имеющихся данных можно высказать следующие предположения. Известно, что в 1840 г. он усиленно хлопотал через своих влиятельных друзей о должности секретаря при Кривцове (см., например, его письма к В.А. Жуковскому от 3 мая и к П.А. Плетневу от 25 июня (н. ст.); XI, 288–290, 300). Можно предположить, что мысль о библиотеке для русских художников в Риме возникла во время пребывания Гоголя в Москве у Погодина (осенью 1839 г. Гоголь вместе с Погодиным приехал из-за границы в Москву и остановился в его доме). Возможно, что сама идея библиотеки исходила от Гоголя. В 1840 г. он вчерне закончил первый том «Мертвых душ» и приступил к работе над вторым. И тут ему нужны были книги, много книг. В случае если бы Гоголь занял место секретаря при Кривцове, библиотека была бы в полном его распоряжении. Хлопоты писателя, однако, успехом не увенчались. Вместо должности секретаря Кривцов предложил ему... «место библиотекаря еще покамест не существующей библиотеки» (из письма Гоголя к А. А. Иванову от 20 сентября (н. ст.) 1841 г.; XI, 352). «Место библиотекаря», разумеется, не могло обеспечить пребывание Гоголя в Риме, и он отказался. Но, видимо, не случайно именно ему предложил Кривцов заведовать «еще

⁵ О П. И. Кривцове и его взаимоотношениях с Гоголем см.: Гершензон М. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914.

⁶ Гоголь при посредстве М. П. Погодина познакомился с А. И. Лобковым после возвращения из-за границы в 1848 г. См. запись в дневнике М. П. Погодина от 21 октября 1848 г. (Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 495). См. также запись в дневнике И. М. Снегирева от того же числа (Там же. С. 172).

⁷ Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. с. 473–474.

⁸ Языков Н. М. Свободомыслящая лира: Стихотворения; поэмы; жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям / Сост., вступ. статья и примеч. В. В. Афанасьева. М.: Московский рабочий, 1988. С. 272. См. также Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 159.

покамест не существующей библиотекой».

Обращает на себя внимание особый, гоголевский подбор книг в «реестре». Вполне возможно, что книги подбирались Погодиным с учетом рекомендаций самого Гоголя. Список как нельзя лучше отражает вкусы и интересы писателя. Наиболее значительно в нем представлены три раздела: книги исторические, книги духовного содержания, книги русских и иностранных писателей. Тематика остальных — путешествия, география, статистика, фольклор, этнография, теория и история словесности, биографии известных мужей, словари. С одной стороны, многотомные «Записки герцогини Абрантес» и «Записки Буриенна», знаменитое «Добротолюбие», содержащее аскетические писания святых отцов, с другой, «Начальные правила русской грамматики», «Практические уроки» Н. И. Греча, его же «Ключ к практическим урокам». «Книги законодателей, душеведцев и наблюдателей за природой человека <...> от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустытника» соседствуют в списке с книгами школьными, учебными (не этих ли книг «стыдился» Гоголь, «скрывая все свои занятия?»).

Первый раздел «реестра» включает в себя разнообразную богословскую литературу: справочные издания книг Священного Писания, творения святых отцов и учителей Церкви, жития святых, описания памятников церковной старины и древнерусского зодчества, а также труды общеисторического характера, как, например, трехтомные «Древности Иудейские» Иосифа Флавия. Из последующей переписки Гоголя видно, что многие из перечисленных в этом разделе книг вошли в его активный читательский обиход.

В подборе исторической литературы чувствуется рука М.П. Погодина. Эта часть библиотеки имеет вполне определенную направленность. Сюда входят, главным образом, книги и материалы по русской истории: летописи по различным спискам, деяния знаменитых полководцев и исторических деятелей, такие фундаментальные труды, как «История государства Российского» Н.М. Карамзина и «История русского народа» Н.А. Полевого.

И все-таки наиболее полно и разнообразно представлена в «реестре» русская словесность. Наряду с сочинениями классиков русской литературы – Ломоносова, Кантемира, Державина, Фонвизина, Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Боратынского, Языкова, Крылова, Пушкина — этот раздел включает и книги популярных романистов 1830–1840 гг: Вельтмана, Загоскина, Лажечникова, а также произведения ныне почти забытых литераторов: Иванчина-Писарева, Булгарина, Греча, Погодина, Ушакова, Свиньина, Масальского и многих других.

Гораздо скромнее выглядит перечень книг иностранных писателей. За исключением нескольких произведений Шекспира и Гете, он почти сплошь состоит из сочинений Вальтера Скотта. Здесь будет уместным привести свидетельство П.В. Анненкова, близко знавшего Гоголя и особенно часто встречавшегося с ним в эпоху создания первого тома «Мертвых душ». По словам мемуариста, более других, пожалуй, осведомленного в области того, что читал Гоголь в эту пору, «...он решительно ничего не читал из французской изящной литературы и принялся за Мольера только после строгого выговора, данного Пушкиным за небрежение к этому писателю. Так же мало знал он и Шекспира (Гете и вообще немецкая литература почти не существовали для него), и из всех имен иностранных поэтов и романистов было знакомо ему не по догадке и не по слухам одно имя — Вальтера Скотта. Зато и окружил он его необычайным уважением, глубокой почтительной любовью» [Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3, с. 435].

При всей неосновательности суждения Анненкова о степени начитанности Гоголя во французской и немецкой изящной литературе несомненным является тот факт, что Вальтер

Скотт был любимейшим автором Гоголя. Ни о ком из западноевропейских писателей он не упоминал так часто в своих статьях и переписке, как о «знаменитом шотландце», считая его «полнейшим, обширнейшим гением XIX века» (VII, 476). В письме из Женевы от 22 сентября (н. ст.) 1836 г. Гоголь сообщал М.П. Погодину: *«Принимаюсь перечитывать вновь всего Вальтера Скотта, а там, может быть, за перо»* (XI, 70).

Многие из книг, перечисленных в «реестре», упоминаются в письмах Гоголя как до, так и после 1841 г. На некоторые из них им написаны краткие рецензии для пушкинского «Современника» в 1836 г. Дошедшие до нас списки книг, выписанных Гоголем в 1834–1836 гг. из «Росписи» Смирдина, равно как и «Реестр книг, остающихся в Москве», составленный им, по-видимому, в 1849 г. (см.: IX, 489–492), также включает в себя книги из числа тех, которые М. П. Погодин отправил из Москвы в Рим летом 1841 г.

Конечно, было бы неправильно сводить роль Гоголя в истории с библиотекой для русских художников лишь к его личным интересам. Долго живший в Риме среди художников, он, как известно, всячески старался поднять их авторитет на родине, нередко оказывал им свое покровительство и денежную помощь. А.А. Иванов, один из немногих близких Гоголю людей, часто жаловался в своих письмах на скудость знаний, полученных им в Академии художеств. Недостаточность своего образования Иванов, как и Гоголь, восполнял чтением книг. Примечательно, что в одном из писем 1847 г., излагая Гоголю несбыточный проект его участия в делах русских художников в Риме, Иванов ведет речь о книгах и библиотеке (см.: XIV, 53).

Обнаруженный список книг, отправленных М.П. Погодиным в Рим летом 1841 г., обогащает наши представления о круге чтения Иванова и других русских художников в Италии. Впервые также мы имеем возможность с такой полнотой ознакомиться с книгами, которые читал или мог читать Гоголь во время своего пребывания в Риме в 1840-х гг.

Небезынтересна и дальнейшая судьба библиотеки, сохранившейся до наших дней. В 1902 г. в Риме была создана русская читальня — первая русская общественная библиотека в Италии, получившая в 1909 г. название «Русская читальня имени Н.В. Гоголя»⁹. Основу ее книжного фонда составили книги, поступившие в 1903 г. из библиотеки бывшего Общества русских художников (хранившейся до сей поры в русском посольстве в Риме). Как сообщал римский корреспондент газеты «Московские Ведомости», библиотека эта в 1903 г. насчитывала до тысячи томов. *«Все это старые книги до 50-х годов, среди которых в особенности много старинных исторических изданий от XVIII в., представляющих известный библиографический интерес для любителей старых книг. Много книг религиозных, целая коллекция словарей и менее всего книг для искусства»*¹⁰.

Последующая судьба Русской читальни имени Н. В. Гоголя, позднее — Библиотеки имени Н.В. Гоголя в Риме освещена в трудах отечественных и итальянских исследователей¹¹.

⁹ См.: Русская читальня имени Н. В. Гоголя в Риме. 1902–1912. СПб., 1913; Коваль Л. М. Русские библиотеки в Италии в начале XX века.

¹⁰ Московские Ведомости. 1903. 14 января. № 14. С. 4.

¹¹ См.: Библиотека имени Гоголя в Риме // Новый журнал. Нью-Йорк, 1978. № 131. С. 279–283; Мусатова Т. Гоголь в Риме: «Почему не сделаться мне секретарем?» К 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя // Международная жизнь. М., 2009. № 7. С. 70–83; она же. Гоголь в Риме: «По поводу разных духовно-дипломатических дел...» // В мире Гоголя Nel mondo di Gogol'. Roma: Lithos Editrice, 2012. С. 349–398; она же.

Однако книги Гоголя (ему принадлежавшие или те, которые он мог держать в руках во время своего пребывания в Италии) донныне не обнаружены. По всей видимости, они могут находиться в частной библиотеке А.А. Иванова в Риме, принадлежащей ныне родственникам художника; либо в фондах Центральной научной библиотеки в Риме, куда поступила бывшая библиотека русских художников (Библиотека имени Н. В. Гоголя)¹².

Каждому, кто захочет понять Гоголя, глубоко постигнуть его характер, не избежать серьезных раздумий о роли книг в его жизни. В «Авторской исповеди», рассказывая о работе над «Мертвыми душами», Гоголь так писал о характере своего чтения: «...я обратил внимание на узнавье тех вечных законов, которыми движется человек и человечество вообще. Книги законодателей, душеведцев и наблюдателей за природой человека стали моим чтением. Все, где только выражалось познание людей и души человека, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустычника, меня занимало <...>. Надобно сказать, что я получил в школе воспитание довольно плохое, а потому и не мудрено, что мысль об учении пришла ко мне в зрелом возрасте. Я начал с таких первоначальных книг, что стыдился даже показывать и скрывал все свои занятия» (6, 225–226).

Какие книги читал Гоголь? Вопрос этот, имеющий не только биографическое, но и важное историко-литературное значение, до сих пор не привлекал серьезного внимания исследователей. Дело в том, что библиотека Гоголя не сохранилась и состав ее неизвестен. А всякая попытка реконструкции круга чтения писателя по его литературному и эпистолярному наследию необычайно трудоемка и сложна из-за библиографической нечеткости упоминаний названий, авторов, отдельных изданий. К тому же, пытаясь представить круг чтения Гоголя, определить книги, к которым он мог неоднократно возвращаться, следует иметь в виду не только его личную библиотеку, но и те библиотеки, которыми он пользовался в различные периоды своей жизни¹³.

«По поводу разных духовно-дипломатических дел...» (Гоголь в Италии) // Творчество Гоголя и русская общественная мысль. Тринадцатые Гоголевские чтения: сб. научных статей по материалам международной научной конференции. М.; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2013. С. 302–312; Маццителли Габриэле. Русская библиотека им. Н. В. Гоголя в Риме // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции: международная научная конференция / Ред.-сост. М. Г. Талалай. М.: Русский путь, 2006. С. 351–369; Гардзонио Стефано, Сульпассо Бьянка. Осколки русской Италии: Исследования и материалы. Кн. 1 / [Науч. ред. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой] М.: Изд-во Викмо-М / Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына / Русский путь, 2011. 456 с.

¹² См.: Библиотека имени Гоголя в Риме // Новый журнал. Нью-Йорк, 1978. № 131. С. 279–283; Мусатова Т. Гоголь в Риме: «Почему не сделаться мне секретарем?» К 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Международная жизнь. М., 2009. № 7. С. 70–83; она же. Гоголь в Риме: «По поводу разных духовно-дипломатических дел...» // В мире Гоголя Nel mondo di Gogol?. Roma: Lithos Editrice, 2012. С. 349–398; она же. «По поводу разных духовно-дипломатических дел...» (Гоголь в Италии) // Творчество Гоголя и русская общественная мысль. Тринадцатые Гоголевские чтения: сб. научных статей по материалам международной научной конференции. М.; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2013. С. 302–312; Маццителли Габриэле. Русская библиотека им. Н.В. Гоголя в Риме // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции: международная научная конференция / Ред.-сост. М.Г. Талалай. М.: Русский путь, 2006. С. 351–369; Гардзонио Стефано, Сульпассо Бьянка. Осколки русской Италии: Исследования и материалы. Кн. 1 / [Науч. ред. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой] М.: Изд-во Викмо-М / Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына / Русский путь, 2011. 456 с.

¹³ См. об этом: Воропаев В. А. Книги для Гоголя // Прометей: историко-биографический альманах сер. «Жизнь замечательных людей». Т. 13 / Сост. В. И. Калугин. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 128–142; он же. Книги для Гоголя. О величайшей приятности чтения // Библиотечное Дело. СПб, 2013. № 4 (190). С. 18–26.

О том, что читал Гоголь, о круге его интересов мы отчасти знаем из его собственных писем, отчасти из свидетельств знавших его людей. Но каждый новый факт, расширяющий наши представления о круге чтения писателя, имеет несомненное значение для исследователя.

Литература

1. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. 2009-2010. Москва; Киев: Изд-во Московской Патриархии. 933 с.
2. <Гоголь в воспоминаниях...> Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое изд.: В 3 т. / Издание подгот. И.А. Виноградов. 2011-2013. М.: ИМЛИ РАН. 1166 с.

References

1. Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 17 t. Sost., podgot. tekstov i komment. I.A. Vinogradova, V.A. Voropaeva. 2009-2010. Moscow; Kiev: Publ. Moskovskoi Patriarkhii. 933 p. (In Russ.).
2. <Gogol' v vospominaniyakh...> Gogol' v vospominaniyakh, dnevnikakh, pereziske sovremennikov. Polnyi sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskoe izd.: V 3 t. In I.A. Vinogradov (ed.). 2011-2013. Moscow: IMLI RAN. 1166 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Воропаев Владимир Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, председатель Гоголевской комиссии Научного совета «История мировой культуры» РАН; член Союза писателей России, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7133-425X>, e-mail: voropaevvl@bk.ru

Information about the author

Vladimir A. Voropaev, Doctor in Philology, Professor, Department of History of Russian Literature, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Chairman of the Gogol Commission of the Scientific Council 'History of World Culture' of the Russian Academy of Sciences; Member of the Russian Writers' Union, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7133-425X>, e-mail: voropaevvl@bk.ru

Получена 01.11.2024
Принята в печать 25.11.2024

Received 01.11.2024
Accepted 25.11.2024

Жанровое своеобразие «Повести преподобной игумении Афанасии»

Шадрина Е.С.

Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО «МПГУ»),
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: maria.solba99@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению жанрового своеобразия «Повести преподобной игумении Афанасии», входившей в состав синодиков-литературных сборников. Текст является фрагментом проложного жития. При включении «Повести...» в синодичные предисловия составителей изначально интересовало, в первую очередь, поучение святой о необходимости поминовения усопших. Впоследствии в иллюстрированных синодиках-литературных сборниках, в том числе в Большом Сольбинском синодике XVIII в., не менее важную роль стали играть обстоятельства посмертного чуда святой, наглядно, образно доказывавшие идею памятника. Синодичная статья относится к символическому жанру видения (явления). Его объединение, срастание с чудом о процветшем жезле, играющем роль «физического» доказательства, соответствует общему процессу жанрового синтеза, характерному для литературы позднесредневекового периода.

Ключевые слова: синодик с литературными предисловиями, проложное житие, «Повесть преподобной игумении Афанасии», Большой Сольбинский синодик, видение, явление, жанр.

Для цитаты: Шадрина Е.С. Жанровое своеобразие «Повести преподобной игумении Афанасии» [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 4. С. 74–87. DOI:10.17759/langt.2024110409

Genre Originality of «The Tale of the Venerable Abbess Athanasia»

Evgeniya S. Shadrina

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,
e-mail: maria.solba99@gmail.com

The article is devoted to the consideration of the genre originality of the "Tale of the Venerable Abbess Athanasia", which was included in the Synodic Literary Collections. This text is a fragment of a prostrate hagiography. When including "The Story of..." in the synodic prefaces, the compilers were initially interested in the saint's teaching on the necessity of remembering the dead. Later, the circumstances

of the saint's posthumous miracle began to play an equally important role in the illustrated synodical literary collections, especially in the Great Synod of Solba from the 18th century, which vividly and figuratively proved the idea of the monument. The synodal article belongs to the symbolic genre of the vision (phenomenon). Its combination with the miracle of the flourishing staff, which plays the role of "physical" proof, corresponds to the general process of genre synthesis characteristic of late medieval literature.

Keywords: synodic with literary prefaces, prostrate hagiography, "The Tale of the Venerable Abbess Athanasia", the Great Synod of Solby, vision, phenomenon, genre.

For citation: Shadrina E.S. Genre Originality of «The Tale of the Venerable Abbess Athanasia». *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 4, pp. 74–87. DOI:10.17759/langt.2024110409 (In Russ.).

Синодик с литературными предисловиями (или синодик-литературный сборник) — один из объединяющих жанров древнерусской литературы. Традиционно памятник книжности состоял из помянника (списка имен лиц живых и умерших, поминаемых на церковных службах), а также так называемых синодичных предисловий, повествующих о судьбе души по разлучении от тела и доказывающих важность поминовения усопших.

«...Къ сему приуказы зрительныя въ писанияхъ суть: яко живии и мертвии премногая благая получаютъ, и въ мученияхъ бывають тѣмь отрады и увеселѣния, аще имена ихъ во изимании частицъ поминаются и приносятся ся Б[о]гу въ жертву», — гласила одна из синодичных церковно-учительных статей [29, л. 3]. Одним из таких «приуказов зрительных», схожих с западноевропейским жанром «exempla» («примеры») [46, с. 35], является «Повесть преподобной игумении Афанасии», входящая в состав Большого Сольбинского синодика XVIII века. Приведем ее полностью: «Явися с[вя]тая игумения Афанасия сестрам и рече: «Почто преступишь заповѣдь мою? Извѣстно буди вам, еже за д[у]шу творимое до 40 дней или м[и]л[о]ст[ы]ня, или алчщныхъ насыщение, или иерейския м[о]л[и]твы в ц[е]ркви творити. Аще и грѣшнии суть усопшихъ души, то отпуст приимут грѣховъ». И се рекши, жезль свой потче и невидима бысть. Утрѣ же воставше, видѣша жезль ея процвѣтшъ. И прославиша Б[о]га, Творца и Содѣтеля всѣхъ» [47, л. 24 об.].

Этот текст, известный в разных редакциях, можно считать одним из самых распространенных в синодиках-литературных сборниках. Он помещен первым в каталоге синодичных «статей повествовательного характера», составленном Е.В. Петуховым [21, с. 137–138]. Исследователь Сольбинских синодиков Л.Б. Сукина причисляет его к традиционным для синодичных предисловий прозаическим притчам и словам [46, с. 78]. Без сомнения, фрагмент заслуживает внимательного детального разбора, между тем отдельного, подробного осмысления в исследовательских работах он до настоящего времени не получил. В частности, остается открытым вопрос о его жанровой принадлежности.

«Известная повесть о том, как процвел жезл игуменьи Афанасии после ее смерти» [2, с. 627], «Легенда о преподобной игумении Афанасии и о процветшем посохе, заимствованная из Пролога» [7, с. 62], «притча об игуменьи Афанасии и ее процветшем посохе» [46, с. 78], «апокрифический житийный рассказ из Пролога» [46, с. 132], «рассказ», «история о процветшем посохе игумении Афанасии» [5], «рассказ о явлении» [3, с. 94] — вот спектр жанровых обозначений, характеристик, предложенных исследователями.

Надо отметить, что и в самих синодиках—литературных сборниках встречаются разные заглавия фрагмента, как то: «Повѣсть преподобныя игумении Афанасии...» [31, л. 17], «Притча преподобныя матери наша Афанасии игумении» [32, л. 31], «Предисловие о игумении Афанасии» [38, л. 8 об.], «Афанасии игумении о умершихъ душахъ» [36, л. 33 об.]. Часто, в т. ч. в Сольбинском синодике, название вовсе опускалось.

Подобные разногласия — нередкий для рукописной книжности случай. Н.И. Прокофьев писал: «...изучение литературных форм древней Руси убеждает в том, что авторские жанровые обозначения нередко вступают в противоречие со сложившейся в то время жанровой системой. Они, по-видимому, чаще всего являлись результатом случайной жизни произведения». Так, при включении текста в сборники, где он был явной жанровой инородностью, чтобы оправдать в глазах читателя такое нарушение, составитель сборника вносил в заглавие «добавочный оттенок к жанровому обозначению и это добавление не может серьезно повлиять на вывод относительно жанровой природы» памятника [23, с. 31]. Материал синодиков-литературных сборников подтверждает наблюдения исследователя. Наиболее часто синодичным статьям-примерам, в том числе о преподобной Афанасии, усваивалось наименование «повести». Так равным образом могли называться выдержка из Молитвы Кирилла Иерусалимского [7, с. 49], текст естественнонаучного характера об исходе души человеческой и о зачатии младенца [7, с. 38], проложные, патериковые повести в составе синодиков. «Притча преподобныя матери наша Афанасии игумении» в одном синодике XVII века также встречается наряду с разножанровыми текстами (чудо, патериковая повесть, покаянный стих), каждый из которых назван для единообразия притчей [32, л. 28, 33 об., 45].

Н.И. Прокофьев писал: «Жанры в древнерусской литературе обуславливались в первую очередь объектом изображения» [23, с. 30]. Им «становится то, что считается наиболее важным и нужным, что нуждается в эстетическом закреплении и поэтизации, а также и осуждении» [23, с. 29]. Объект изображения статьи-примера — явление преподобной Афанасии, свидетельствующее о важности поминовения усопших. Функциональная роль текста — поставить важную проблему своего времени и разрешить ее авторитетом высших сил [22, с. 37]. Таким образом, перед нами характеристика широко распространенной в средневековье типической литературной формы – видения [22, с. 37–38]. По определению Н.И. Прокофьева, это символический жанр древнерусской литературы, отличающийся явной публицистической направленностью, в котором проявляется и выражается общение человека с трансцендентным миром в реально-практических целях [22, с. 38; 23, с. 34].

Стоит отметить, что встречающееся заглавие «Повесть преподобной игумении Афанасии...» не противоречит практике бытования видений. Среди памятников, относящихся к этому жанру встречаются: «Повесть о видении от старчества к пастырем», «Повесть о видении некоему мужу духовну», «Повесть о видении пономаря Тарасия», «Повесть о Феофане иноце, како виде всех еретик в огни мучимых», «Повесть о видении мниху Варлааму в Великом Новгороде» и др. Название «повесть» стало общим условным обозначением произведений древнерусской литературы, различных по своей художественной структуре и объединенных лишь признаком повествовательности — связным описанием неких событий [22, с. 498]. Видение, по словам Н.И. Прокофьева, «эпическое повествовательное произведение» [23, с. 34], однако объектом изображения в нем выступает не историческое бытие, а «реальность высшего порядка» [23, с. 29]. Поэтому

в случае с синодичной статьей о преподобной Афанасии приоритет, на наш взгляд, должен быть отдан не «заземленному» [22, с. 36] жанру повести, а символическому — видению.

Е.К. Ромодановская оспаривала однозначную публицистическую нагрузку жанра, подобно тому, как Н.И. Прокофьев корректировал характеристику, данную В.О. Ключевским, назвавшем видение «резкой обличительной проповедью с таинственной обстановкой» [27, с. 145]. Исследователь считала публицистические памятники «частным случаем» в массе типичнейших древнерусских видений [27, с. 144]. Возможно, не все видения являются обличительными и публицистическими, но видение преподобной игумении Афанасии подпадает под оба определения. Е.В. Петухов прямо отмечал, что синодичный рассказ выводит святую поучающей [21, с. 138]. Святая «сопрещение глаголаше», как гласит одна из редакций, т. е. обличила непослушание сестер: «Почто не сохранисте (в Большом Сольбинском и некоторых других синодиках даже резче — «преступистѣ») [29, л. 3; 31, л. 22; 36, л. 34 об.] заповѣдь мою?» [33, л. 95 об.]. Все это лишь дополнительно подтверждает выбор жанрового обозначения.

Если использовать терминологию Е.К. Ромодановской, то синодичный текст о преподобной игумении Афанасии можно отнести к разновидности жанра видения — явлению. Различие синонимичных терминов определяется различием в позиции действующих лиц. В видении в центре повествования находится тайнозритель, тогда как в явлении — представитель Горнего мира. По сфере бытования явление несколько уже видения. В самом понятии «явление», как пишет исследователь, «заключается исконно высокая положительная оценка: «нечистая» сила «являться» не может» [27, с. 145]. Под видениями обыкновенно понимается чудесное посещение того света. В явлениях «душа визионера не восхищается в иной мир — этот мир как бы сам врывается в земную реальность». При этом, без всякого сомнения, и явления, и видения являются порождением единой традиции [44, с. 162–163].

Справедливость выбора жанрового определения по отношению к рассматриваемому фрагменту Сольбинского синодика очевидна из самого текста: «Явися с[вя]тая игумения Афанасия сестрам». Акцент делается на первом (заглавие отсутствует!) слове «явися», функциональная роль тайнозрителей, т. е. сестер (в другой редакции – только «старейшей» из них [33, л. 95 об.]), сведена к минимуму. В памятнике нет традиционного для видения повествователя, при этом тип тайнозрителей вполне соответствует принятому: устаиваются общения с почившей праведницей инокини.

Б.И. Ярхо в книге «Средневековые латинские видения» описал ход эволюции жанра: сначала видения играли лишь служебную роль в составе других сочинений, в том числе житий, но постепенно эмансипировались и завоевывали себе право на самостоятельную обработку [55, с. 31]. «Именно «житийные видения» становятся тем материалом, из которого формируются самостоятельные сборники», — отмечала В.В. Смирнова [43, с. 187]. Видения, явления часто входили и в синодики с литературными предисловиями. Поэтому включение в Сольбинский синодик посмертного явления преподобной Афанасии из проложного жития [21, с. 138] вполне соответствует общим средневековым литературным тенденциям. Личность святой как нельзя лучше вписывалась в синодичную концепцию. Ее имя переводится с греческого как «бессмертие»: «По имени твоему тако и житие твое» [17, с. 198].

Примечательно, что в печатном прологе XIX века явление преподобной Афанасии

выделялось особой заметкой на полях: «Поминование об усопших полезно» [24, л. 99 об.]. В этом можно увидеть пример взаимовлияния пролога и синодика.

В Сольбинском синодике явление святой ничем не мотивировано, однако другие редакции сохранили житийные сведения, что наставления от почившей были обусловлены проступком сестер. Иногда предыстория имела вид рассказа: «Преподобная Афанасия игумения по отшествии своемъ ко Господу повелѣ о памяти души своея...» [38, л. 8 об.; 35, л. 12]. Иногда – передавалась в заглавии, разделенном с текстом иллюстрацией. Название могло различаться. В одних редакциях акцент делался просто на поминовании усопших: «Повѣсть Афанасии Игумении, како заповѣда сестрамъ своимъ по преставлении своем по умершихъ памяти творити до 40 дней, они же точно до девяти сотвориша, по девятинах же не творяще» [7, с. 378]. В других (как и в прологе [25, л. 108; 26, л. 123 об.]) вид поминования конкретизировался: «до четыредесяти дней трапезу нищимъ поставляти...» [31, л. 22]. В некоторых синодиках опускался даже сам факт явления сестрам святой, текст начинался сразу с общего наставления: «Рече преподобная Афанасия игумения о усопшихъ душахъ...» [32, л. 31]. При этом топоним «и невидима бысть» все же выдавал, что текст является не просто святоотеческим поучением, но явлением.

Важнейшей жанровой характеристикой видения, как и других символических жанров, является его знаковость. Оно содержит сообщение, побуждающее к определенным поступкам, имеет установку на диалог [43, с. 58, 60]. Как в житии, так и в синодике повесть о явлении святой игумении обладала перлокутивной функцией доказательства [43, с. 113]. Но если в проложном житии она служила знаком святости преподобной, то в синодике это был один из тех особых знаков, благодаря которым человек может узнать о вечной жизни души.

Превращение видения-вставного мотива произведения в пример В.В. Смирнова называет «экземпляризацией» и выделяет два ее типа: объединение рассказа с сентенцией и помещение его в сборник, который сам выполняет дидактические функции [43, с. 141]. Явление преподобной Афанасии в Большом Сольбинском синодике относится ко второму типу. Интересной задачей представляется проследить процесс «экземпляризации» этого видения.

Фрагменты проложного жития преподобной Афанасии стали включаться в синодики с литературными предисловиями со второй, Ивовской редакции. Однако первоначально составителей сборника интересовало только само наставление святой о поминовании умерших душ. Так, во вкладном синодике боярского сына П.С. Бабина в Никольскую Сретенскую церковь первой четверти XVII века поучение преподобной Афанасии (без ссылки на нее) сплеталось с явлением Богородицы преподобному Павлу Препростому [21, с. 138] в составе обширной синодичной статьи «От правил святых отец». Она помещалась сразу после трехсловного предисловия Иосифа Волоцкого и перед статьей «Таже от слова святаго Леонтия, прозвитера Царя града, о поминании умерших» [30, л. 48].

Почтение «От правил святых отец» со словами преподобной Афанасии встречается и в лицевых синодиках. Особо примечателен в этом отношении один сборник XVII века. В этом памятнике после трехсловного предисловия шло поучение игумении Афанасии и далее следовал более полный проложный фрагмент, в котором наставление дублировалось, но уже с указанием на преподобную: «Рече преподобная Афанасия игумения о усопшихъ душахъ...» [39, л. 78–79]. В другом синодике-литературном сборнике XVII века пометка «От правил святых отец» отсутствовало, поучение примыкало прямо к трехсловному предисловию и

только в конце имелась приписка о чуде с процветшим посохом, причем игумения Афанасия была названа святой Синклитикией [3, л. 16].

В поздних синодиках непостоянного состава фрагмент не имел уже постоянно закрепленного места. Так, в Большом Сольбинском синодике он размещался после повести о неправо распорядившихся своим именем перед смертью и перед чудом о разбойнике Домицеле. Сольбинская редакция изрядно сокращена: отсутствует заглавие и предыстория видения, в наставлении преподобной говорится о значении поминания грешников («аще и грѣшнии суть усопшихъ души, то отпуст приимут грѣховъ» [29, л. 24 об.]), но умалчивается о пользе молитвы за праведных («аще ли суть праведныхъ, то исполнениемъ всякаго добра творящимъ обогатятся» [31, л. 22], «аще ли праведни, обогатятся въ будущемъ вѣцѣ» [35, л. 12; 34, л. 25 об.], «аще ли праведни, то исполнени суть всякаго блага» [33, л. 95 об.]). При этом в Сольбинской редакции видения полно представлены виды поминания усопших, которые долженствует творить до 40 дня: «...или милостыня, или алчщныхъ насыщение, или иерейския молитвы». В других редакциях обыкновенно что-то из перечисленного опускается [33, л. 95 об.; 34, л. 25 об.; 35, л. 12].

Примечательно, что иногда явление дополнялось выводом, который отсутствовал в прологе, но был важен в синодике: «...сего ради достоить и лѣтняя памяти по умершихъ творити» [34, л. 25 об.; 37, л. 27 об.]. Таким образом, тема поучения о пользе сорокоуста расширялась до необходимости регулярного поминовения усопших.

Заслуживает отдельного внимательного рассмотрения чудо о процветшем жезле, входящее в состав явления святой. Нельзя согласиться с мнением А.Б. Соболевой об ущербности малых видений, образная система и система мотивов которых, по словам исследователя, небогаты [44, с. 163]. Пример синодичной статьи о преподобной Афанасии доказывает обратное. По замечанию Ю.М. Лотмана, «память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения». Именно символ позволял «сохранять в свернутом виде исключительно обширные и значительные тексты» [16, с. 192]. Такую роль в явлении преподобной Афанасии играет процветший жезл.

Чудо, примыкающее к видению, традиционно служит подтверждением его истинности [43, с. 218]. Это может быть воскресение, исцеление людей, а также «физические доказательства» пребывания в загробном мире [43, с. 213] или общения со святыми. В этом качестве могли выступать разные предметы: хлеб, яблоки, цветы из рая [44, с. 164; 54]. В «Сказании о чудотворном образе Богоматери, именуемой Толгскою» доказательством подлинности явления стал потерянный и обретенный на месте видения архиерейский посох [41, с. 20–23].

Эпизод с процветшим жезлом перешел в синодичную статью из пролога, где, помимо подтверждения истинности видения, доказывал святость преподобной Афанасии [43, с. 218–219], т.е. выполнял функцию посмертного чуда. Процветший жезл был тем знаком, тем символом, который безошибочно распознавался средневековым читателем, поскольку обладал «транстекстуальным статусом» [43, с. 121]: отсылал к другим известным текстам, в первую очередь, к Священному Писанию.

Символ процветшего посоха восходит к ветхозаветному жезлу Аарона. После восстания Корея, Дафана и Авирона Моисей по повелению Божию взял жезлы у начальников колен Израилевых, в том числе жезл Аарона, и положил их в скинии перед Ковчегом Завета [42, с. 317–318]. «И бысть на утрие, и вниде Моисей и Ааронъ въ скинию свидѣнія: и се, прозябе

жезль Ааронъ въ дому Левиинѣ, и израсти вѣтвь, и процвѣтоша цвѣти, и израсти орѣхи» (Чис. 17:8).

Чудо преподобной Афанасии напоминает этот библейский текст. Явление святой было обусловлено непослушанием сестер и необходимостью их вразумления. Аналогичны мотивы ветхозаветного чуда: «И рече Господь къ Моисею: отложи жезль Ааронъ предъ свидѣниемъ въ сохранение, въ знамение сыновъ ослушливыхъ» (Чис. 17:10).

Прозябший жезл хранился во Святая Святых как знак богоизбранности священноначалия: «Жезл во образ тайны приемлется, прозябением бо предразсуждает священника» [19, с. 419]. Посох игумении Афанасии, подтверждая святость почившей и подлинность видения, вместе с тем неоспоримо доказывал правоту, богодухновенность наставлений преподобной. Святитель Амвросий Медиоланский о символике процветшего посоха писал: «...суждение священника или пророка должно быть правым и возвещать не столько приятное, сколько полезное», поскольку плод, принесенный жезлом — миндали с горьким покровом [51].

Тот факт, что жезл, будучи воткнутом в землю, расцвел, свидетельствует не о карающем, а о человеколюбивом характере вразумления. «Ибо целью расцветающего жезла служит исцеление и исправление», — писал блаженный Иероним Стридонский [48].

Без учета глубокого святоотеческого толкования библейского образа процветшего жезла невозможно целостное восприятие синодичного предисловия о святой Афанасии, как и любых других текстов, в которых фигурирует символ. Например, в легенде о святом великомученике Георгии зазеленела сухая балка, в католических житиях процветают жезлы святых Христофора, Франциска, Бонифация, Поликарпа, Бернарда и др. [47, с. 41–42], в английском предании на Рождество Христово процвел жезл праведного Иосифа Аримафейского [15].

Возможно, эпизод с процветшим сухим посохом во многих из этих источников являлся общим местом. Мы не вправе также утверждать о влиянии всех этих текстов на восприятие средневековыми книжниками чуда преподобной Афанасии. Однако небезынтересной представляется общность функций, выполняемых символом в разных памятниках. Во-первых, это знамение праведности (жезл оклеветанного старца после его смерти ожил, пустил листья и принес плод, будучи воткнутом в могилу, что послужило знаком чистоты совести почившего [12, с. 458]; процветший посох преподобной Афанасии свидетельствовал о ее святости). Во-вторых, знамение воли Божьей (процвел посох святого Христофора, знаменуя благословение Божие на мученичество [33], принялся и пустил корни жезл преподобного Дия, указывая на Промысел о месте его подвига [11, с. 418]; произрастил цветы посох игумении Афанасии в качестве подтверждения, что данное ею наставление внушено свыше). В-третьих, знамение силы послушания (добродетельный послушник, поливавший сухую палку по слову своего старца, на третий год дождался плодов [12, с. 292, 548]; сестрам преподобной Афанасии, пренебрегшим наставлением игумении, был оставлен процветший жезл как напоминание о долженствующем послушании).

С последней патериковой историей можно связать интерполяцию в некоторых редакциях явления святой Афанасии: «...и цвѣти раздробиша по себѣ, славя Бога» [34, л. 25 об.], [37, л. 27 об.]. В проложном житии сведений об этом нет, зато в упомянутом тексте о послушнике старец взял плод, произращенный жезлом, принес в церковь к братии и предложил вкусить [12, с. 292]. Не исключено также, что синодичная вставка происходит из жития преподобной Ирины Каппадокийской, которая разделила сестрам одно из посланных ей райских яблок

[54].

Интересно сюжетное сходство явления преподобной Афанасии с одним посмертным чудом преподобного Варлаама Хутынского. В основанной им обители настоятельствовал некий игумен Сергей, который «повелѣ затворити м[о]н[а]стырь, некормити (sic!) странных, приходящих спуты (sic!), и не повелѣ м[и]л[о]стины давати нищим». Разгневанный преподобный восстал из гроба, взял жезл, обличил игумена «спрещением» (sic!) и начал бить, так что тот сделался парализован и вскоре умер [10, с. 54–57]. Явления преподобных Варлаама и Афанасии можно отнести к «монастырским видениям», (классификация Е.А. Рыжовой) [28, с. 163], а также к тематической группе «воспитание игуменом монахов» (классификация Н. И. Прокофьева) [22, с. 39]. При этом, безусловно, слова преподобной Афанасии являлись общеобязательным поучением, что для синодика, «народной книги», было особенно важно. В этом смысле явление святой принадлежит к видениям, регламентирующим духовную жизнь христианина, которые призваны помочь людям исполнять Божественную Волю (классификация Т.И. Ковалевой) [14].

Процветший жезл является также символом Пресвятой Богородицы. Это толкование нашло широкое отражение в гимнографии: «Жезл Ааронов процветший именована Тя древле Моисей, Цвет бо живоносный — Христа — прозябла еси» [18, с. 188]. Примечательно, что, согласно апокрифу, жезл праведного Иосифа процвел в скинии, подобно жезлу Аарона, благодаря чему святой старец был избран обручником Пречистой Девы [49].

Образно предвозвещающая чудо Боговоплощения, процветший жезл символизировал также Воскресение Христа. «Жезл Ааронов, который один из всех жезлов прозяб, служит образом достопокланяемой (sic!) плоти Еммануиловой, ибо Еммануил, став сыном естества тленных, один пребыл во гробе нетленным, и понесши неповинное страдание, в Себе Самом явил тайну нетления, бесстрастия и бессмертия», — писал преподобный Ефрем Сирий [9, с. 415]. Эта святоотеческая трактовка особенно актуальна для понимания синодичной статьи. Процветший жезл — это пророчество не только о Пасхе Христовой, но и о избавлении от греха, проклятия и смерти каждого человека. «Радуйся, жезле Ааронов, нетление всему миру прозябший», — так восхваляет Пресвятую Богородицу Святая Церковь [1].

«“Жезл” иногда означает наказание, иногда благоденствие, иногда утешение», — писал святитель Иоанн Златоуст [50]. Без всякого сомнения, жезл являлся в синодике также знаменем Божественного утешения, благой вестью о бессмертии человеческой души: «...тля отвержена бысть и нетление процвете: жизньию бо мертвенное пожерто бысть» [52, л. 285].

Н. Василиадис в книге «Таинство смерти» приводил множественные ассоциации с чудесным цветением посоха из творений святителя Кирилла Иерусалимского: «Мертвый жезл Аарона пророс без воды и некоторым образом воскрес — а сам Аарон не воскреснет? Сухой посох Моисея преобразился в змия — а тела святых не могут воскреснуть и ожить?» (Цит. по: [4, с. 467]). Святитель указывал не только на ветхозаветные, но и на природные аналогии с воскресением, заимствуя, например, образ у деревьев: «...если обрубленное Дерево потом “процветет” (“зацветет”), то почему “не процветет срубленный человек”?» (Цит. по: [4, с. 463–464]).

Сухой деревянный жезл, воткнутый в землю и наутро процветший, олицетворяет всю эсхатологическую доктрину синодика. Это удивительно емкий, многогранный символ, вобравший в себя все смыслы и подтексты статьи-примера о преподобной Афанасии. Однако нельзя не отметить, что чудо с процветшим жезлом играет все же подчиненную роль в

синодичной статье. В целом по всем жанровым признакам перед нами видение.

Некоторые исследователи склонны были считать этот жанр разновидностью чуда. «Жанр чудес родствен жанру видений: по существу, видение есть то же чудо», — отмечал М.Л. Гаспаров [5]. Е.А. Рыжова понимала «описание видения как частный случай описания чудес вообще» [28, с. 163]. «Видения обычно входят в состав чуда, как составная часть его композиции, как отдельный компонент в структуре рассказа, выполняя в нем сюжетообразующую роль», — писал И.В. Стародумов [45, с. 12]. Без сомнения, видения, как и чудеса, относятся к одной группе жанров — символических, чудесных [8, с. 16]. И все-таки их жанровые характеристики разнятся, и видение представляет собой самостоятельное явление, отличное от чудес и знамений. Н.В. Трофимова на примере видений в воинских повестях это убедительно доказала [53, с. 191–198].

Соединение и взаимопроникновение жанров видения и чуда в рамках рассматриваемой синодичной статьи укладывается в общий процесс жанрового синтеза. «Он способствовал развитию образности в литературе и в то же время усложнению и более последовательной мотивации сюжетов произведений, в которые входили символические жанры» [53, с. 208].

Объединение с другими разножанровыми текстами и подчинение общей синодичной концепции превратило явление преподобной Афанасии в один из примеров, «приказов зрительных» о пользе поминовения усопших. Сюжетные особенности отодвигались на второй план, отдавая приоритет эсхатологической дидактике памятника. Однако, приобретя новый жанровый статус, текст сохранил типичные жанровые характеристики видения.

Литература

1. Акафист Благовещению Пресвятой Богородицы // Полный православный акафистник и молитвослов. URL: <https://www.akafistnik.ru/god/akafist-blagovescheniyu-presvyatoj-bogogoditsy/> (дата обращения: 15.11.2021).
2. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. В 2-х т. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1861. Т. I. 643 с.
3. Бычков И.А. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих Публичной библиотеке. СПб.: Синод. тип., 1897. 359 с.
4. Василядис Н. Таинство смерти. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998. 589 с.
5. Гаспаров М.Л. Клерикальные жанры // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983–1994. Т. 2. 1984. С. 503—507.
6. Давидова М.Г. Старообрядческий Синодик из Причудского собрания Пушкинского дома. URL: <https://www.portal-slovo.ru/authors/365.php> (дата обращения: 27.03.2021).
7. Дергачева И.В. Древнерусский Синодик: исследования и тексты. М.: «Кругъ», 2011. 398 с.
8. Древнерусская притча / Сост. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехина. М.: Советская Россия, 1991. 524 с.
9. Ефрем Сириянин, прп. Творения. Ч. 6. М.: Отчий дом, 1995. 481 с.
10. Житие Варлаама Хутынского. В двух списках. СПб., 1881 (ОЛДП, вып 41). 110 с.
11. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского: Месяц декабрь. Боровск, Рождества Богородицы Свято-Пафнутьев Боров. монастырь, 1997. 866 с.
12. Игнатий (Брянчанинов), свт. Собрание творений: в 7 т. Т. 6. М.: Ковчег, 2010. 576 с.

13. *Кирпичников А.И.* Св. Георгий и Егорий Храбрый: Исследование литературной истории христианской легенды. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1879. 193 с.
14. *Ковалева Т.И.* Видения в агиографических памятниках древнерусской литературы XIII–XVII вв.: жанровая эволюция и сюжетосложение: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Томск, 2017. 193 с.
15. *Лапа Д.* Святые и святыни Гластонбери // Портал «Православие.Ru». URL: <https://pravoslavie.ru/32093.html> (дата обращения: 21.03.2021).
16. *Лотман Ю.М.* Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 191–199.
17. *Минея декабрь.* В 2 ч. Ч. 1. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. 600 с.
18. *Минея март.* В 2 ч. Ч. 1. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. 424 с.
19. *Минея сентябрь.* М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. 924 с.
20. *Мученичество Святого Христофора.* Перевод с английского Сергея Наконечного // Сайт «Слово Богослова». URL: <https://teolog.info/translations/muchenichestvo-svyatogo-khristofora/> (дата обращения: 08.11.2024).
21. *Петухов Е.В.* Очерки из литературной истории синодика. СПб.: ОЛДП, 1895. 406 с.
22. *Прокофьев Н.И.* Видения как жанр в древнерусской литературе // Вопросы стиля художественной литературы. Под ред. проф. А. И. Ревякина. Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина, М., 1964. С. 35–56.
23. *Прокофьев Н.И.* О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI-вв. // Литература Древней Руси. М., 1975. Вып. 1. С. 5–39.
24. *Пролог.* В 2-х кн. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003. Кн. 2-я: Март–август. 792 с.
25. *Пролог.* РГБ. Ф. 98 № 180.
26. *Пролог.* РГБ Ф. 304/1 № 724.
27. *Ромодановская Е.К.* Рассказы сибирских крестьян о видениях (К вопросу о специфике жанра видений) // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 141–156.
28. *Рыжова Е.А.* Жанр видений в севернорусской агиографии // Русская агиография: Исследования. Публикации. Poleмика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 160–194.
29. Синодик. ПЗГИАХМЗ. Инв. 4310.
30. Синодик. РГБ Ф. 98 № 155.
31. Синодик. РГБ Ф. 173/II № 85.
32. Синодик. РГБ Ф. 272 № 458.
33. Синодик. РГБ Ф. 310 № 154.
34. Синодик. РГБ Ф. 310 № 159.
35. Синодик. РГБ Ф. 310 № 160.
36. Синодик. РНБ ОЛДП О. 141.
37. Синодик. РНБ ОЛДП F. 391.
38. Синодик. РНБ ОР F.I.734.
39. Синодик. РНБ ОР F.I.879.
40. Синодик. РНБ ОР Q.I.407.
41. *Сказание о чудотворной иконе Богоматери, именуемой Толгскою.* М., 1896. 32 с.
42. *Словарь библейских образов / Райкен Л., Уилхойт Д., Лонгман Т. (ред.).* СПб., 2005.

1423 с.

43. Смирнова В.В. Чудо как жанрообразующий элемент средневековых религиозных жанров. (Житие, пример, видение): Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 Москва, 2006. 254 с.

44. Соболева А.Б. Жанр видений в древнерусской литературе (на материале Азбучного патерика) // Проблемы исторической поэтики. Вып. 4: Поэтика фантастического. Петрозаводск, 2016. – С. 153–169.

45. Стародумов И.В. Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах святых подвижников в составе древнерусской агиографии: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Омск, 2009. 20 с.

46. Сукина Л.Б., Капков К.Г. Лицевые Синодики Николо-Сольбинской пустыни. XVIII век (Труды Научного отдела Николо-Сольбинского женского монастыря Переславской епархии. Историческая серия. История Николо-Сольбинского монастыря. Кн. 2). Местечко Сольба; Переславль-Залесский; М.: Николо-Сольбинский женский монастырь, 2021. 352 с.

47. Сукина Л.Б. О хронологических рамках «перехода» русской культуры из Средневековья в Новое время // Русский мир в пространственно-временном контексте: Сб. материалов всероссийской научной конференции с международным участием. Ч. 1: Культура русского мира: переходный период / Научные редакторы и составители С. К. Севастьянова, Г. М. Зеленская. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. технического ун-та, 2015. С. 28–40.

48. Толкования на Иез. 7:10 Толкования Священного Писания. URL: <http://bible.optina.ru/old:iez:07:10> (дата обращения: 27.03.2021).

49. Толкования на Мф. 1:18 // Толкования Священного Писания. URL: <http://bible.optina.ru/new:mf:01:18> (дата обращения: 27.03.2021).

50. Толкования на Пс. 109:2 // Толкования Священного Писания. URL: <http://bible.optina.ru/old:ps:109:02> (дата обращения: 27.03.2021).

51. Толкования на Чис. 17:8 // Толкования Священного Писания. URL: <http://bible.optina.ru/old:chis:17:08> (дата обращения: 27.03.2021).

52. Триодь цветная. М.: Изд. совет Рус. Православ. Церкви, 2002. 670 с.

53. Трофимова Н.В. Поэтика древнерусского воинского повествования: Монография. М.: МПГУ, 2017. 276 с.

54. Яблоки из рая / сост. В. Ульянова // Сайт «Вера Православная». URL: https://verapravoslavnaa.ru/?Yabloki_iz_aya (дата обращения: 27.03.2021).

55. Ярхо Б.И. Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. В. 4. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989. С. 21–51.

References

1. Akafist Blagoveščeniju Presvjatoj Bogorodicy // Polnyj pravoslavnyj akafistnik i molitvoslov. Available at: <https://www.akafistnik.ru/god/akafist-blagovescheniyu-presvyatoj-bogoroditsy/> (Accessed 15.11.2021). (In Russ.).

2. Buslaev F.I. Istoričeskie očerki ruskoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. Saint Petersburg: D.E. Kožančikov, 1861. Vol. I. 643 p. (In Russ.).

3. Byčkov I.A. Katalog sobraniya rukopisej F. I. Buslaeva, nyne prinadležaščix Publichnoj biblioteke. Saint Petersburg: Sinod. tip., 1897. 359 p. (In Russ.).

4. Vasiliadis N. Tainstvo smerti. Sergiev Posad: Svjato-Troickaja Sergieva Lavra, 1998. 589 p. (In Russ.).

5. Gasparov M. L. Klerikal'nye žanry // Istorija vseмирnoj literatury / AN SSSR; In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. Moscow: Nauka, 1983–1994. Vol. 2. 1984. S. 503—507. (In Russ.).
6. Davidova M.G. Staroobradčeskij Sinodik iz Pričudskogo sobranija Puškinskogo doma. Available at: <https://www.portal-slovo.ru/authors/365.php> (Accessed 27.03.2021). (In Russ.).
7. Dergačeva I.V. Drevnerusskij Sinodik: issledovanija i teksty. Moscow: “Krug”, 2011. 398 p. (In Russ.).
8. Drevnerusskaja pritča / Sost. N. I. Prokof'eva, L. I. Alexina. Moscow: Sovetskaja Rossija, 1991. 524 p. (In Russ.).
9. Efrem Sirin, prp. Tvorenija. Vol. 6. Moscow: Otčij dom, 1995. 481 p. (In Russ.).
10. Žitie Varlaama Xutynskogo. Saint Petersburg, 1881 (OLDP, vol. 41). 110 p. (In Russ.).
11. Žitija svjatyx na russkom jazyke, izložennye po rukovodstvu Čet'ix-Minej svt. Dimitrija Rostovskogo: Mesjac dekabr'. Borovsk, Roždestva Bogorodicy Svjato-Pafnut'ev Borov. monastyr', 1997. 866 p. (In Russ.).
12. Ignatij (Brjančaninov), svt. Sobranie tvorenij: v 7 t. T. 6. Moscow: Kovčeg, 2010. 576 s.
13. Kirpičnikov A.I. Sv. Georgij i Egorij Xrabryj: Issledovanie literaturnoj istorii xristianskoj legendy. Saint Petersburg: Tip. V.S. Balaševa, 1879. 193 p. (In Russ.).
14. Kovaleva T. I. Videnija v agiografičeskix pamjatnikax drevnerusskoj literatury XIII–XVII vv.: žanrovaja evoljucija i sjužetosloženie: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. Tomsk, 2017. 193 p. (In Russ.).
15. Lapa D. Svjatyni i svjatye Glastonberi // Portal «Pravoslavie.Ru». Available at: <https://pravoslavie.ru/32093.html> (Accessed 21.03.2021). (In Russ.).
16. Lotman Ju.M. Simvol v sisteme kul'tury // Lotman JU. M. Izbrannye stat'i v trex tomax. T. I. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury. Tallin: Aleksandra, 1992. pp. 191–199. (In Russ.).
17. Mineja dekabr'. Vol. 1. Moscow: Izdatel'skij Sovet Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2002. 600 p. (In Russ.).
18. Mineja mart. Vol. 1. Moscow: Izdatel'skij Sovet Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2002. 424 p. (In Russ.).
19. Mineja sentjabr'. Moscow: Izdatel'skij Sovet Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2003. 924 p. (In Russ.).
20. Mučeničestvo Svjatogo Xristofora. Perevod s anglijskogo Sergeja Nakonečnogo // Sajt «Slovo Bogoslova». Available at: <https://teolog.info/translations/muchenichestvo-svyatogo-khristofora/> (Accessed 08.11.2024). (In Russ.).
21. Petuxov E.V. Očerki iz literaturnoj istorii sinodika. Saint Petersburg: OLDP, 1895. 406 p. (In Russ.).
22. Prokof'ev N.I. Videnija kak žanr v drevnerusskoj literature // Voprosy stilja xudožestvennoj literatury. Učenyje zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo instituta imeni V. I. Lenina, M., 1964. pp. 35–56. (In Russ.).
23. Prokof'ev N.I. O mirovozzrenii russkogo srednevekov'ja i sisteme žanrov russkoj literatury XI–XVI-vv. // Literatura Drevnej Rusi. M., 1975. Vol. 1. pp. 5–39. (In Russ.).
24. Prolog. Moscow: Publ. Sretenskogo monastyrja, 2003. Vol. 2: Mart–avgust. 792 p. (In Russ.).
25. Prolog. RGB. F. 98 № 180. (In Russ.).
26. Prolog. RGB F. 304/I № 724. (In Russ.).
27. Romodanovskaja E.K. Rasskazy sibirskix krest'jan o videnijax (K voprosu o specifikе žanra videnij) // TODRL. Saint Petersburg, 1996. Vol. 49. pp. 141–156. (In Russ.).
28. Ryžova E.A. Žanr videnij v severnorusskoj agiografii // Russkaja agiografija: Issledovanija.

- Publikacii. Polemika. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2005. pp. 160–194. (In Russ.).
29. Sinodik. PZGIAXMZ. Inv. 4310. (In Russ.).
 30. Sinodik. RGB F. 98 № 155. (In Russ.).
 31. Sinodik. RGB F. 173/II № 85. (In Russ.).
 32. Sinodik. RGB F. 272 № 458. (In Russ.).
 33. Sinodik. RGB F. 310 № 154. (In Russ.).
 34. Sinodik. RGB F. 310 № 159. (In Russ.).
 35. Sinodik. RGB F. 310 № 160. (In Russ.).
 36. Sinodik. RNB OLDP O. 141. (In Russ.).
 37. Sinodik. RNB OLDP F. 391. (In Russ.).
 38. Sinodik. RNB OR F.I.734. (In Russ.).
 39. Sinodik. RNB OR F.I.879. (In Russ.).
 40. Sinodik. RNB OR Q.I.407. (In Russ.).
 41. Skazanie o čudotvornoj ikone Bogomateri, imenuemoj Tolgskoj. M., 1896. 32 p. (In Russ.).
 42. Slovar' biblejskix obrazov / Rajken L., Uilxojt D., Longman T. (red.). Saint Petersburg, 2005. 1423 p. (In Russ.).
 43. Smirnova V.V. Čudo kak žanroobrazujuščij èlement srednevekovyx religioznyx žanrov. (Žitie, primer, videnie): Dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.03 Moskva, 2006. 254 p. (In Russ.).
 44. Soboleva A.B. Žanr videnij v drevnerusskoj literature (na materiale Azbučnogo paterika) // Problemy istoričeskoj poëtiki. Vol. 4: Poëtika fantastičeskogo. Petrozavodsk, 2016. – S. 153–169.
 45. Starodumov I.V. Žanrovaja specifiķa povestvovanij o posmertnyx čudesax svjatyx podvižnikov v sostave drevnerusskoj agiografii: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. Omsk, 2009. 20 p. (In Russ.).
 46. Sukina L.B., Kapkov K.G. Licevye Sinodiki Nikolo-Sol'binskoj pustyni. XVIII vek (Trudy Naučnogo otdela Nikolo-Sol'binskogo ženskogo monastyrja Pereslavskoj eparxii. Istoričeskaja serija. Istorija Nikolo-Sol'binskogo monastyrja. Kn. 2). Mestečko Sol'ba; Pereslavl'-Zalesškij; moscow: Nikolo-Sol'binskij ženskij monastyr', 2021. 352 p. (In Russ.).
 47. Sukina L.B. O xronologičeskix ramkax «perexoda» russkoj kul'tury iz Srednevekov'ja v Novoe vremja // Russkij mir v prostranstvenno-vremennom kontekste: Sb. materialov vserossijskoj naučnoj konferencii s meždunarodnym učastiem. Vol. 1: Kul'tura russkogo mira: perexodnyj period / Naučnye redaktory i sostaviteli S. K. Sevast'janova, G. M. Zelenskaja. Barnaul: Publ. Altajskogo gos. texničeskogo un-ta, 2015. pp. 28–40. (In Russ.).
 48. Tolkovanija na Iez. 7:10 Tolkovanija Svjaščennogo Pisanija. Available at: <http://bible.optina.ru/old:iez:07:10> (Accessed 27.03.2021). (In Russ.).
 49. Tolkovanija na Mf. 1:18 // Tolkovanija Svjaščennogo Pisanija. Available at: <http://bible.optina.ru/new:mf:01:18> (Accessed 27.03.2021). (In Russ.).
 50. Tolkovanija na Ps. 109:2 // Tolkovanija Svjaščennogo Pisanija. Available at: <http://bible.optina.ru/old:ps:109:02> (Accessed 27.03.2021). (In Russ.).
 51. Tolkovanija na Čis. 17:8 // Tolkovanija Svjaščennogo Pisanija. Available at: <http://bible.optina.ru/old:chis:17:08> (Accessed 27.03.2021). (In Russ.).
 52. Triod' cvetnaja. Moscow: Izd. sovet Rus. Pravoslav. Cerkvi, 2002. 670 p. (In Russ.).
 53. Trofimova N.V. Poëtika drevnerusskogo voinskogo povestvovanija: Monografija. Moscow: MPGU, 2017. 276 p. (In Russ.).
 54. Jabloki iz raja / sost. V. Ul'janova // Sajt «Vera Pravoslavnaja». Available at: https://verapravoslavnaya.ru/?Yabloki_iz_raya (Accessed 27.03.2021). (In Russ.).

Шадрина Е.С.
Жанровое своеобразие «Повести преподобной
игумении Афанасии»
Язык и текст. 2024. Том 11. № 4. С. 74–87.

Shadrina E.S.
Genre Originality of «The Tale of the Venerable Abbess
Athanasia»
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 4, pp. 74–87.

55. Jarxo B.I. Iz knigi «Srednevekovye latinskie videnija» // Vostok–Zapad. Issledovanija. Perevody. Publikacii. Vol. 4. Moscow: Glavnaja redakcija vostočnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1989. pp. 21–51. (In Russ.).

Информация об авторе

Шадрина Евгения Сергеевна (инокиня Мария), аспирант, Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО «МПГУ»), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: maria.solba99@gmail.com

Information about the author

Evgeniya S. Shadrina (nun Maria), PhD student, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, e-mail: maria.solba99@gmail.com

Получена 01.11.2024
Принята в печать 25.11.2024

Received 01.11.2024
Accepted 25.11.2024

Образ Небесного Иерусалима в Лествице Иоанна Синайского

Попова Т.Г.

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (ФГАОУ ВО "БФУ им. И. Канта"), г. Калининград, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8431-2962>, e-mail: lestvic@mail.ru

Статья содержит лингвистический анализ лексем Ἱεροσολήμ, παράδεισος и ἄνω, репрезентирующих образ Небесного Иерусалима. Материалом для анализа является текст первого славянского перевода Лествицы Иоанна Синайского, сохранившийся в древнейшей русской рукописи памятника. Выявлены представления автора книги об идеальном городе — конечной цели каждого христианина. Отмечено, что этот образ определил развитие иконографической схемы "Видение Лествицы преп. Иоанном Лествичником". Обозначены случаи нетипичных переводов, писцовые ошибки и чтения, характеризующие предполагаемый византийский оригинал преславского перевода Лествицы. Акцентируется внимание на мастерстве автора первого славянского перевода Лествицы и на неопытности писца первой дошедшей рукописи этого перевода, что подтверждает справедливость лингвотекстологического метода Л.П. Жуковской, сущность которого заключается в необходимости привлечения к анализу максимально возможного количества источников. Обнаружены лексемы, не зафиксированные в словарях древнегреческого языка (2) и в словарях старославянского и древнерусского языков (4).

Ключевые слова: Лествица Иоанна Синайского, Небесный Иерусалим, преславский перевод Лествицы, древнерусский язык, историческая лексикография, ранневизантийская учительная литература.

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке РНФ (проект № 22-18-00005 "Иконография и агиография Лествицы Иоанна Синайского").

Для цитаты: *Попова Т.Г.* Образ Небесного Иерусалима в Лествице Иоанна Синайского [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 4. С. 88–100. DOI:10.17759/langt.2024110410

Image of Heavenly Jerusalem in the «Ladder» of John Climacus

Tatiana G. Popova

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8431-2962>, e-mail: lestvic@mail.ru

The article contains a linguistic analysis of the lexemes Ἱερουσαλήμ, παράδεισος and ἄνω, representing the image of the Heavenly Jerusalem. The material for the analysis is the text of the first Slavic translation of the "Ladder" of John Climacus, preserved in the oldest Russian manuscript of the monument. The author's ideas about the ideal city — the ultimate goal of every Christian — are revealed. It is noted that this image determined the development of the iconographic scheme "Vision of the Ladder by St. John Climacus". Cases of atypical translations, scribe's errors and readings characterizing the supposed Byzantine original of the Preslav translation of the "Ladder" are indicated. Attention is focused on the skill of the author of the first Slavic translation of the Ladder and the inexperience of the scribe of the first surviving manuscript of this translation, which confirms the validity of the linguotextological method of L.P. Zhukovskaya, the essence of which lies in the need to involve in the analysis the maximum possible number of sources. Lexemes were discovered that were not recorded in the dictionaries of the ancient Greek language (2) and in the dictionaries of the Old Church Slavonic and Old Russian languages (4).

Keywords: "Ladder" of John Climacus, Heavenly Jerusalem, Preslav Translation of the "Ladder", Old Russian language, historical lexicography, Early Byzantine didactic literature.

Funding: The paper was supported by the Russian Science Foundation (Project №22-18-00005 "Iconography and Hagiography of the Ladder of St. John Climacus").

For citation: Popova T.G. Image of Heavenly Jerusalem in the "Ladder" of John Climacus. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 4, pp. 88–100. DOI:10.17759/langt.2024110410 (In Russ.).

Лествица, написанная игуменом Синайского монастыря Иоанном в конце VI — начале VII вв., является самым "иеротопичным" памятником византийской литературы: в её основе лежит идея пути, движения, восхождения по ступеням лестницы, ведущей в рай. Именно эта идея, на наш взгляд, определила чрезвычайно широкую популярность книги как в византийском, так и в славянском мире. Лествица как литературный памятник сохранилась в тысячах кодексов: имеется не менее трёх принципиально различающихся византийских версий памятника, пять раннеславянских переводов, к которым примыкает перевод преп. Паисия Величковского, и не менее шести переводов, выполненных русскими авторами в XVIII – XIX в.

Основным материалом для настоящего исследования является текст древнейшей русской рукописи, написанной в середине XII в. писцом — носителем киевского диалекта

древнерусского литературного языка: рукопись собрания Н.П. Румянцева (ф. 256), №198, далее — Рум. 198; все примеры ниже приводятся по тексту этой рукописи, с указанием листа. В рукописи представлен первый славянский перевод Лествицы, выполненный в Преславской книжной школе не позднее второй четверти X века, при этом возможно, что в работе над этим переводом принимал участие выдающийся книжник золотого века славянской культуры Иоанн Экзарх Болгарский. Кроме названной рукописи, к исследованию привлечены 3 близкородственных русских списка (Рум. 199, Син. тип. 39 и Трц. 10) и 3 списка южнославянской традиции (Гильф. 44, Деч. 71 и BAR 68 (ч. 2)). Вопрос об оригинале перевода остаётся нерешённым. Очевидно, что основой для преславского перевода стала ранняя греческая версия, хорошо известная по изданию Ж.П. Миня (Climaci Joannis Scala paradisi. Patrologiae cursus completus. Series graeca, ed. J.P. Migne. T. 88. Col. 631-1210. Parisiis, 1864). Кроме печатного текста, используется материал 6 древнейших византийских кодексов (Vat. Palat. gr. 49, Sin. gr. 416, Sin. gr. 417, Sin. gr. 421, Bar. 134, Paris 1069).

Цитат из книги Иоанна Богослова, в которой описывается Небесный Иерусалим, ἐπουράνιος Ἱεροσόλημ (Откр 21, 10-27), в Лествице нет, однако образ идеального града, получить вход в который хочет каждый, создан автором книги с большим мастерством. Ярким свидетельством этого является богатейшая иконография Лествицы, а именно иконографическая схема "Видение Лествицы преп. Иоанном Лествичником", сохранившаяся в сотнях произведений искусства, среди которых книжные миниатюры, иконы, фрески, гравюры, лубки. Миниатюры "Видение Лествицы преп. Иоанном Лествичником" в русских лицевых рукописях Лествицы могут быть сопровождаемы текстом: "Преподобный Иоанъ Лествичникъ показывает своим учеником восход праведных на небеса по Лествице в Горний Иерусалимъ и отпадение грешных во адъ" (Трц. р. 20, л. 12об.; Пог. 1057, л. 8об.).

Предметом лингвистического анализа в настоящей работе является функционирование в тексте памятника названия Града Небесного (Ἱεροσόλημ), а также двух ключевых лексем, необходимых для создания этого образа: это сущ. παράδεισος и прил. ἄνω. Название Ἱεροσόλημ Иерс̄лимъ встречается в книге 3 раза. Лексема ὁ παράδεισος функционирует в тексте Лествицы 7 раз, и в первом переводе ей соответствуют эквиваленты рай (6) и порода (1). Лексема ἄνω встречается в памятнике 16 раз; в переводе ей соответствуют прил. горьнии (14) и наречие горѣ (2). Все названные славянские лексемы характерны для преславских переводов и встречаются в трудах Иоанна Экзарха: в "Шестодневе" и в переводе "Богословия" Иоанна Дамаскина, см.: [2; 6]. Не все примеры, в которых функционируют названные лексемы, являются репрезентативными для раскрытия заявленной темы; исключены также фрагменты, повествующие о потерянном рае (Быт 3). Задачей настоящего исследования является выявление дефиниций образа "Небесный Иерусалим" ('Царство Небесное') на примере 18 контекстов, в которых функционируют лексемы Ἱεροσόλημ Иерусалимъ, παράδεισος рай и ἄνω горьнии, горѣ.

Небесный Иерусалим — это идеальный город и конечная цель каждого желающего спастись. По мнению преп. Иоанна Лествичника, стремление к небесной славе — это естественное желание человека: Φύσει τῆ ψυχῆ τὸ τῆς δόξης ἐπιθυμεῖν, ἀλλὰ τῆς ἄνω PG. T. 88. Col. 1068D нестьствъмъ д̄ши. еже славы хотѣти. нь горниаа Л. 166б.

Вступившему на путь духовного восхождения преп. Иоанн Лествичник даёт совет: Ἐστω σου <...> ἀδελφὸς δέ, ὁ πρὸς τὸν δρόμον τὸν ἄνω συμπλοῶν καὶ συναμιλλώμενος PG. T. 88. Col. 665D Боуди ти <...||...> братъ <...> иже помѣгаа. о течении горнимъ. и бесѣдоуа Лл. 19г —

20а. Этот контекст построен на Евангельских цитатах Мф 12, 50 (ὅστις γὰρ ἂν ποιήσῃ τὸ θέλημα τοῦ πατρὸς μου τοῦ ἐν οὐρανοῖς αὐτός μου ἀδελφός καὶ ἀδελφή καὶ μήτηρ ἐστίν), Мк 3, 35 (ὅς γὰρ ἂν ποιήσῃ τὸ θέλημα τοῦ θεοῦ, οὗτος ἀδελφός μου καὶ ἀδελφή καὶ μήτηρ ἐστίν), Лк 8, 21 (μήτηρ μου καὶ ἀδελφοί μου οὗτοί εἰσιν οἱ τὸν λόγον τοῦ Θεοῦ ἀκούοντες καὶ ποιῶντες). Перевод συναμιλλώμενος как бесѣдоуа позволяет предполагать, что в оригинале, лежавшем перед глазами преславского книжника, читалась не форма глагола συναμιλλάομαι 'состязаться', а форма глагола συνομιλέω 'беседовать'.

Небесный Иерусалим — это город, вход в который открыт не всегда и не для всех. У него есть врата и ключи. Ключи от Царствия Небесного Спаситель дал апостолу Петру (Мф 16, 19). Фрагмент, повествующий об этом событии, включён в Слово 15 ("О чистоте и целомудрии"), и он строится на антитезе юного девственника Иоанна и Петра, имевшего тещу: Εἰ μὲν παρθένω τῷ σώματι αἱ κλεῖς τῶν ἄνω ἐπιστεύθησαν, δίκαια ἴσως οἱ προλεχθέντες ἐδογματίζον αἰσχυνέτω αὐτοὺς ὁ πενθερὰν κτησάμενος, καὶ ἀγνὸς γενόμενος, καὶ τὰς κλεῖς τῆς [ἀγνείας]¹ ἐπιφερόμενος 893D – 896A аще бо юнотою тѣлѣмь. ключи горнихъ. вѣручени соуть. правьдѣнаѣ васнѣ. прѣжеглані. оуставлахоу. да осрамляет сѧ (Так! — Т.П.) иже тѣща имѣвыи. и чистѣ бывѣ ключа [чистотѣ]² носли. Л. 104г. Структуру этого чтения определяет полемическая направленность против неназванных собеседников преп. Иоанна Лествичника (τινές, нѣции, οἱ προλεχθέντες прѣжеглані), которые говорили, что по вкушении плотского греха нельзя именоваться чистым, поэтому вход в Небесный Иерусалим для недевственников закрыт. Лествичник пишет о том, что вход в Царство открыт для всех, но есть единственное условие входа в него: это чистота душевных одежд. Апостол Петр, открывающий возможность войти в это Царство, должен постыдить умствующих таким образом (αἰσχυνέτω, да осрамляет *А). Во всех славянских рукописях, входящих в круг нашего зрения, в этом чтении функционирует указательное местоимение: осрамляетъ А, и только в древнейшей русской рукописи (Рум. 198): осрамляет сѧ; писец этой книги, возможно, не понял, о чём идёт речь в этом контексте. С лингвотекстологической точки зрения, заслуживает внимания лексическое варьирование чистотѣ (в русских рукописях) и царствіа (в рукописях южнославянской традиции), которое восходит к варьированию в византийских кодексах (ἀγνείας — βασιλείας) и является свидетельством того, что при редактировании текста преславского перевода были использованы греческие источники. Какая из этих двух форм аутентична, неясно: обе формы встречаются в древнейших кодексах. Однако сам факт наличия этого варьирования доказывает, что Небесный Иерусалим в византийской книжности понимался как Царство (βασιλεία) чистоты (ἀγνεία).

О том, что войти в это Царство чистоты могут люди, отягощенные множеством грехов, свидетельствует Благоразумный разбойник (см.: Лк 23, 42-43), спасшийся силой своей веры и покаянием: μνήμην μόνην, ὁ Ληστής ἐκεῖνος. ἐν τῇ βασιλείᾳ ἤτήσατο, καὶ ὄλον τὸν παράδεισον [πρῶτος]³ ἐκκληρονόμησεν PG. T. 88. Col. 1000D въспомановениа тѣчию. разбоиникъ онъ въ цѣрствѣ проси. и всѣ раи пріобрѣте Л. 142б. В древнейших византийских кодексах форма

¹ Sin. gr. 417, л. 121 об.; Sin. gr. 421, л. 99; Paris 1069, л. 53г; Sin. gr. 416, л. 26г; Bar. 134, л. 110г. В Vat. Palat. gr. 49, л. 85а, в издании Миня: βασιλείας.

² Гильф. 99, л. 6 об., Деч. 71, л. 96, BAR 68 (ч. 2), л. 55 об.: царствіа.

³ В Vat. Palat. gr. 49, л. 114в, Paris 1069, л. 76г, Sin. gr. 421, л. 133, Sin. gr. 416, л. 46б, форма отсутствует.

πρῶτος отсутствует, поэтому она отсутствует и в первом славянском переводе. Очевидно, в данном случае имеет место редактирование греческого текста: византийский книжник решил сделать акцент на то, что первым вошедшим в Царство Небесное стал раскаявшийся грешник.

Упоминание врат рая завершает обширную дефиницию поста, включающую в свой состав 20 компонентов: Νηστεία ἐστὶ <...> παραδείσου θύρα [τροφῆς]⁴ PG. T. 88. Col. 869A-B альчба есть <...> раю двъри [пищноумоу]⁵ Лл. 94в-г. Выражение "рай пищный" встречается в Акафисте Пресвятой Богородице (Радуйся, яко рай пищный процветаеши, икос 3), однако в нём слово рай переводит другое греческое слово: λεϊμών 'луг'. Приведённый выше пример из Лествицы связывает Небесный Иерусалим с садом наслаждений (παράδεισος τροφῆς). Чтение καὶ τροφή вместо τροφή, встречающееся в некоторых византийских кодексах и вошедшее в греческие печатные издания Лествицы, вероятно, является ошибочным, возникшим в результате ошибки одного из переписчиков.

Небесный Иерусалим как земля бесстрастия, на которой нет места грешникам, имеет земное отражение. В этом смысле антиподом Иерусалима в Лествице является Египет как средоточие тьмы и грехов: Φεῦγε Αἴγυπτον ἀμεταστρεπτί. Αἱ γὰρ στραφεῖσαι καρδίαι ἐκεῖ, τὴν γῆν τῆς ἀλαθείας, Ἱερουσαλήμ οὐκ ἐθέασαντο PG. T. 88. Col. 665B бѣжи егупта невъзвратнѣ⁶. обращъшаа бо са срѣца. тамо земля. бестрастныа. иерсѣлѣмьскы не оузрѣша Л. 19б. Лествица, написанная на Синае, во многих местах перекликается с Пятикнижием Моисея; приведённый фрагмент содержит аллюзии на Исх 16, Числ 11, 14, 20, 26, Втор 1.

В тексте Лествицы, отличающемся высокой поэтичностью, часто встречается антитеза. В случае с Небесным Иерусалимом горний мир (τὰ ἄνω) противопоставляется земному миру (τὰ κάτω). Задачей тех, кто помышляет о горнем мире, является смыть с себя грязь земного мира, т.е. очиститься от грехов. Есть два способа решения этой задачи: киновия и исихия. Вслед за первоверховными апостолами (Ἀποθέμενοι οὖν πᾶσαν κακίαν καὶ πάντα δόλον καὶ ὑποκρίσεις καὶ φθόνος καὶ πάσας καταλαλίᾳς 1 Пет 2, 1; ἀπόθεσθε καὶ ὑμεῖς τὰ πάντα, ὀργὴν, θυμὸν, κακίαν, βλασφημίαν, αἰσχρολογίαν Кол 3, 8), Лествичник призывает своих читателей избавиться от страстей: Ἡμεῖς ἐκ δύο τῶν τὰ κάτω καθαιρόντων προσφῶς, τὰ δύο τῶν τὰ ἄνω φρονούντων, ὡς ἐν ὑποδείγμασιν ὑπειλήφαμεν κναφεῖον μὲν τὸ κατὰ Κύριον, κοινόβιον τὸ τὸν ῥύπον, καὶ τὴν παχύτητα, καὶ τὴν ἀμορφίαν τῆς ψυχῆς ἀποξέον εἰρηκότες βαφεῖον δ' ἂν εἴη ἡ ἀναχώρησις τοῖς τὴν λαγνεῖαν καὶ μνησικακίαν καὶ θυμὸν ἀποθεμένοις καὶ ἐξ ἐκείνου λοιπὸν πρὸς ἡσυχίαν μετερχομένοις PG. T. 88. Col. 1072A-B мы ѿ двюю дольниаа очищающихъ. зѣло дѣвое горниаа. моудръствоующихъ. акы въ знамениихъ разоумѣхомъ. гладило оубо еже по гѣу. общеѣ житие. еже сквърноу и дебелъство. и безъобразье дѣшное. остроугающее. рекъше багърение же. и всако омаkanie ризамъ. и желлу. и зѣлоупомнѣние⁷. и гарость ѿложъшимъ. ѿ

⁴ Vat. Palat. gr. 49, л. 75а г; Sin. gr. 417, л. 109об.; Sin. gr. 421, л. 90; Sin. gr. 416, л. 21в; Bar. 134, л. 98г. В Paris 1069, л. 47в, в издании Миня: καὶ τροφή.

⁵ Гильф. 44, л. 60б., Деч. 71, л. 86, VAR 68 (ч. 2), л. 51: и пища.

⁶ Лексема невъзвратнѣ отсутствует в исторических словарях русского языка (СлРЯ XI-XVII, Срз.) и в словарях старославянского языка (СтС, Микл.).

⁷ Лексема зѣлоупомнѣние отсутствует в исторических словарях русского языка (СлРЯ XI-XVII, Срз.) и в словарях старославянского языка (СтС, Микл.). Ср.: зѣлоупоминание (СлРЯ XI-XVII. Вып. 6. С. 36).

того жбо на мълчаніе прѣходящемъ Л. 168а. Этот контекст содержит лингвистическую загадку, а именно гапакс желлу, переводящий *λαγνεΐαν* 'похоть', при этом написания у вместо оу и две одинаковых буквы согласных в рукописи встречаются исключительно редко. Решение подобных загадок невозможно без использования лингвотекстологического метода Л.П. Жуковской. В близкой по времени русской рукописи новгородского происхождения в этом контексте читается желлю (Рум. 199, л. 282а), в более поздней рукописи московского происхождения — желю (Трц. 10, л. 165об.), в болгарской рукописи — желя (Деч. 71, л. 159 об.), в сербской — желе (ВАР 68 (ч. 2), л. 84об.). Это значит, что писцовая ошибка в Рум. 198 в данном случае исключена. Греческой лексеме *λαγνεΐα* в другом месте рукописи Рум. 198 соответствует блоуждение (л. 195). Преобразование под перьями славянских переписчиков исконного *блоуждение в желлу маловероятно, поэтому в данном случае необходимо обращение к византийским источникам. Из всех книг, к которым мы обратились, форма *λαγνεΐαν* читается только в печатном издании Ж.-П. Миня; в византийских кодексах ей соответствует *μίλλαν* (Vat. Palat. gr. 49, л. 138в, Sin. gr. 417, л. 195об., Sin. gr. 421, л. 155 об., Var. 134, л. 168г) или *μῆλλαν* (Sin. gr. 416, л. 59а). При этом лексемы *μηλλα* (*μιλλα*) отсутствуют в исторических словарях древнегреческого языка (Lampe, Liddel–Scott, Sophocles, Chantraine). Таким образом, можно предположить, что перед глазами преславского переводчика лежала рукопись с неизвестной ему формой *μῆλλαν*, и преславский переводчик, не зная, как её передать, написал *меллу, а один из славянских переписчиков, по причине похожежности графем м и ж, написал в этом контексте желлу. В русском переводе Оптиной пустыни, оригиналом которого стала версия, опубликованная Ж.-П. Минем, в этом месте текста, вслед за греческим *λαγνεΐαν*, читается вожделение (Лествица... 1997. С. 391). Таким образом, по Иоанну Лествичнику, общежитие помогает человеку избавиться от таких страстей, как памятозлобие (*μνησικακίαν* зьлоупомнѣние), гневливость (*θυμόν* ярость) и, вероятно, похотливость (*λαγνεΐαν?*, *μίλλαν?*, *μῆλλαν?* желлу). Очистившись в этой "духовной прачечной" (*κναφεῖον*, гладило) от этих болезней души, можно двигаться в "красильню" (*βαφεῖον*, багърение и всако омакание ризамъ), т.е. удалиться на безмолвие. Эти два места ("прачечная", т.е. киновия, и "красильня", т.е. исихия), по мнению Лествичника, очищают от духовной скверны и помогают человеку явиться на "брачный пир" (ср.: Мф 22, 1-14; Лк 14, 16-24) в подобающей одежде.

Самым большим грехом, по мнению преп. Иоанна Лествичника, является гордыня (*ὕπερηφανία*). Её противоположность, смирение (*ταπεινώσις*), — это важнейшая христианская добродетель, уподобляющая человека Богу и открывающая для него врата в Небесный Иерусалим. Это значение реализуется в контексте, построенном на двух цитатах: из Псалтири (*εἰσελθατε εἰς τὰς πύλας αὐτοῦ ἐν ἐξομολογήσει, εἰς τὰς αὐλὰς αὐτοῦ* Пс 99, 4) и из Притчи о добром пастыре (*ἐγὼ εἰμι ἡ θύρα δι' ἧς εἰσελθὼν εἰσελεύσεται καὶ ἐξελεύσεται καὶ νομὴν εὐρήσει* Ин 10, 9): *Ταπεινώσις ἐστὶ βασιλείας πύλη, τοὺς πλησιάζοντας εἰσάγουσα. Διὰ ταύτης οἶμαι τὸν Κύριον εἰρηκέναι τὸν εἰσιόντα, ὅτι καὶ εἰσελεύσεται καὶ ἐξελεύσεται ἀφόβως ἐκ τοῦ βίου, καὶ νομὴν εὐρήσει, καὶ χλόην ἐν τῷ παραδείσῳ* 996А-В сьмѣрение есть црствоу дверь. приближающаа сѧ въводиши. сею мьню гѧ рекъша. въшьдѣшаго јако и вънидеть и изи||деть бе-страхъ ѿ житїа [и пажитиѧ]⁸ и пажїть обращеть. и

⁸ В Гильф. 44, л. 50, Трц. 10, л. 134, Деч. 71, л. 130, Син. тип. 39, л. 133в, фрагмент отсутствует.

тревиа⁹ въ раи Лл. 139а-б. Цитата Иисуса из Притчи о добром пастыре (ἐγὼ εἰμι ἡ θύρα δι' ἐμοῦ ἐάν τις εἰσέλθῃ σῶθήσεται Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется) нашла яркое художественное воплощение в иконографии Лествицы: во всех памятниках искусства, сохранивших изображение "Видение Лествицы преп. Иоанном Лествичником", подвижника, достигшего вершины Лествицы, принимает в Своём царстве Спаситель, подавая ему десницу так, как Он подаёт её Адаму на иконах "Сошествие во Ад".

Небесный Иерусалим — это город, в который приглашены все и в котором найдутся палаты для всех (Κύριε, τίς παροικήσει ἐν τῷ σκηνώματί σου καὶ τίς κατασκηνώσει ἐν τῷ ὄρει τῷ Ἁγίῳ σου; (Пс 14, 1), ἐν τῇ οἰκίᾳ τοῦ Πατρὸς Μου μοναὶ πολλαὶ εἰσὶν (Ин 14, 2)), но войти в этот город могут только свободные от грехов (страстей). Постараться войти в этот покой призывает в своих посланиях апостол Павел (σπουδάσωμεν οὖν εἰσελθεῖν εἰς ἐκείνην τὴν κατάπαυσιν Евр 4, 11). Эту же задачу ставит перед читателями своей книги преп. Иоанн Лествичник: Ἀπάθειαν <...> νοήσεις τὸ τοῦ ἐπουρανίου Βασιλέως ἐν οὐρανοῖς παλάτιον πολλὰς δὲ μονὰς τὰς ἔνδον τῆς πόλεως ταύτης κατασκηνώσεις τεῖχος τὴν Ἱερουσαλήμ, τὴν τῶν πταισμάτων ἄφεσιν. Δράμωμεν, ἀδελφοὶ τοῦ τῆς ἐν τῷ νυμφῶνι τοῦ παλατίου εἰσόδου τυχεῖν PG. T. 88. Col. 1149D – 1152A безвредие <...> разоумѣши. нѣснаго црѣа на нѣси полатоу. мнѣнга же прѣбывалища. таже изоутрь въ градѣ семь. обитаниа. стѣноу иерсѣма. грѣховъ оставлєниє. тѣцѣмъ браѣа полоучити вѣходъ въ чѣртогъ полатный Л. 196в. Кроме аллюзий на Пс 14, 1, Ин 14, 2, Евр 4, 11, приведённый контекст содержит реминисценцию на притчу о десяти девах (Мф 25, 1-13).

Кому из живущих по успении уготовано место в светлых палатах Небесного Иерусалима, а кого ждёт чёрная пропасть? Ответ на этот вопрос содержится в чтении Οἱ μὲν τὰ ἄνω φρονήσαντες, χωριζόμενοι ἄνω μερικῶς ἀνέρχονται οἱ δὲ τὰ κάτω, κάτω ἄλιν πορεύονται PG. T. 88. Col. 1036B иже оубо горѣ мысливѣше ѿпачающе сѧ. горѣ частьнѣ¹⁰ вѣсходать. а иже дола долоу паки идоуть Л. 158б. Как видно, ответ на этот вопрос не является однозначным, поскольку содержит оговорку: μερικῶς 'отчасти, частично', частьнѣ. Этот нюанс отсутствует в русском переводе Оптиной пустыни: "Мудрствующие горняя по смерти восходят горе, а мудрствующие дольняя — долу" (Лествица... 1997. С. 369).

Небесный Иерусалим — это место, лишённое всякой вражды, в котором царит совершенный покой и царствует Бог мира: ἐπὶ τὴν Ἱερουσαλήμ ἀναβέβηκας, τὴν ὄρασιν τῆς τελείας εἰρήνης τῆς ψυχῆς Χριστὸν ὁρᾷς, τὸν Θεὸν τῆς εἰρήνης PG. T. 88. Col. 1205A въ ирсѣлмъ възиде. видѣние съвършенаго разоума (Так! — Т.П.). дѣша хсѧ видиши бѧ мирнаго Л. 216г. Постановка писцом точки после разоума в этом чтении неправомерна. Первая часть этого примера содержит аллюзию на Иез 13, 16 (προφηταὶ τοῦ Ἰσραὴλ οἱ προφητεύοντες ἐπὶ Ἱερουσαλήμ καὶ οἱ ὀρῶντες αὐτῇ εἰρήνην), вторая — микроцитату Рим 15, 33 (ὁ δὲ θεὸς τῆς εἰρήνης). Передача εἰρήνης как разоума в этом контексте характеризует все известные нам рукописи преславского перевода. Возможно, это является личностным решением переводчика, узнавшего апостольское выражение Бог мира и пожелавшего устранить тавтологию в этом чтении (εἰρήνης <...> εἰρήνης), в результате чего в преславском переводе появилось новое значение: "Небесный Иерусалим — град совершенного разоума".

⁹ Гильф. 44, л. 49об., Трц. 10, л. 134, VAR 68 (ч. 2), л. 71об.: травоу.

¹⁰ Лексема частьнѣ отсутствует в исторических словарях русского языка (Срз.) и в словарях старославянского языка (СтС, Микл.). Ср.: частьный (Микл. С. 1151; Срз. Т.3. С. 1479).

Небесный Иерусалим как город мира, в котором нет места никакому беззаконию, это высшая мудрость, воплощение абсолютного разума. Это значение реализуется в похвале игумену не названного монастыря близ Александрии¹¹: в перечислении многочисленных добродетелей этого подвижника имеется чтение τῆ σοφία ἄνω ὅλος ἡμφιεσμένος PG. T. 88. Col. 1200B *прмдрстию. горьною*¹². *всь одѣнь Л. 213б. Сопребывание и собеседование с духовными мужами во время своего короткого путешествия преп. Иоанн Лествичник вспоминает как рай на земле: Μιᾶς δὲ ἐπὶ ὀνησιφόρου τῶν μακαρίων τούτων ἀρετῆς ἐπιμνησθεῖς, ὡσπερ ἐκ παραδείσου ἐξιὼν πάλιν τὰ ἀκαλλῆ καὶ ἀνονησιφόρα¹³ ὑμῖν¹⁴ ἀκανθολογήματα παραθήσομαι PG. T. 88. Col. 701B* *едино же юще оуспѣшное ѿ блжньныхъ. сихъ добровольство помануохъ*¹⁵. *акы изд раа исхода пагы. неюдобренаа и неоуспѣшнаа намъ търновнаа събъраниа предъположа Л. 37б.*

Неоднократно в Лествице встречается мысль о том, что почувствовать ("вкусить") красоту неземных, вышних благ возможно и в земной жизни: Ὁ γευσάμενος τῶν ἄνω, εὐχερῶς καταφρονεῖ τῶν κάτω ὁ δὲ ἐκείνων ἄγευστος, ἐπὶ κτήμασιν ἀγάλλεται 928D *въкоусивый горниихъ. оудобъ преобидѣть долнаа. не въкусивый же онѣхъ*¹⁶ *веселоуеть сѧ Л. 111в; Ἐὰν πρὸς τὴν ἄνω εὐαρέστησιν τρέχειν ἐπειγώμεθα, τῆς ἄνω δόξης πάντως καὶ γευσόμεθα ἐκείνης δὲ ὁ γευσάμενος πάσης τῆς ἐπιγείου καταφρονήσει PG. T. 88. Col. 953A* *аще на горьнее въгождение*¹⁷. *тещи градемъ горнаа славы. всѧко и въкѧсимъ. тоа же въкоусивый. всу земьноюю прѣобидѣти начъне Л. 122а. Вкусивший небесных благ будет безразличен к земным прелестям и к земной славе.*

В Небесном Иерусалиме все понимают друг друга без слов, и речь как способ общения не нужна. Человеком, видевшим небесный рай ("до третьего неба"), был апостол Павел, — по нашим наблюдениям, после Иисуса самый любимый и самый часто цитируемый преп. Иоанном Лествичником библейский персонаж¹⁸. Во фрагменте Слова 27 "О безмолвии" Κυροῖ τὸ εἰρημένον Παῦλος εἰ μὴ γὰρ ἐν παραδείσῳ, ὡς ἐν ἡσυχίᾳ, ἠρπάγη, οὐκ ἂν ἄρρητα ῥήματα ἀκοῦσαι ἠδύνατο 1100C *извѣщаетъ*¹⁹ *рѣеное павълъ. аще бо въ раі акы въ мълчаниѣ*²⁰ *не бы*

¹¹ Умолчание имени игумена и названия монастыря может быть связано с историческим "проклятием памяти" Монидийской обители, см. об этом: [3, с. 82].

¹² Так в рукописи (горьнею?).

¹³ Лексема ἀνονησιφόρος отсутствует в исторических словарях древнегреческого языка (Lampe, Liddel–Scott, Sophocles, Chantraine).

¹⁴ В оригинале для перевода: ἡμῖν (?). Рукопись с таким чтением не обнаружена.

¹⁵ Так в рукописи (помануовъ?).

¹⁶ Гильф. 44, л. 7, Деч. 71, л. 103, BAR 68 (ч. 2), л. 59: о скотьскихъ.

¹⁷ Деч. 71, л. 113об., BAR 68 (ч. 2), л. 64: оугождение.

¹⁸ См. об этом: [4, с. 262].

¹⁹ Гильф. 44, л. 119: исповѣдаетъ. Деч. 71, л. 170, BAR 68 (ч. 2), л. 89: проповѣдаетъ. В переводе (?): извѣщаетъ.

²⁰ Гильф. 44, л. 119, Деч. 71, л. 170, BAR 68 (ч. 2), л. 89: безмльвие.

въсхыщенъ. не бы неизгланага. словеса слышати мѡгль Л. 178а, построенном на цитате 2 Кор 12, 4 (ἡρπάγη εἰς τὸν παράδεισον καὶ ἤκουσεν ἄρρητα ῥήματα), чётко сформулировано, что понимает под раем автор Лествицы, являющийся основоположником такого философского учения, как исихазм: ἐν παραδείσῳ, ὡς ἐν ἡσυχίᾳ. Греческой лексеме ἡσυχία в первоначальном тексте перевода соответствует лексема мльчание; её сохранили русские рукописи, в южнославянской традиции имеет место регулярная замена мльчание на безмльвие.

Противопоставление дольного и горнего миров встречается в контексте Οὐ πρόσεστι τοῖς ἄνω ἔφεσις ὀρατῆς κτίσεως οὐδὲ τοῖς κάτω, ἄνω ἐπιθυμία αἰσθητῆς ὄψεως 1101А нѣсть горнимъ жаданїа видомѣи твари. ни долнимъ и горнимъ. помышления видомаго лица Л. 178в. Писец древнейшей русской рукописи (или её антиграфа) не понял содержание этого фрагмента, о чём свидетельствует вставка союза и в чтение долнимъ горнимъ (в других рукописях перевода, а именно в Рум. 199, л. 307а, Гильф. 44, л. 120, Трц. 10, л. 176, Деч. 71, л. 170об., VAR 68 (ч. 2), л. 89об., лексема отсутствует). В данном случае речь идёт об исихии (безмолвии), и несколькими стихами выше, в этом же Слове 27 ("О священном безмолвии тела и души") монах-безмолвник уподобляется Ангелу: Ἠσυχαστῆς ἐστὶ τύπος Ἀγγέλου ἀπίγειος 1100А мълчалнїкъ ѣсть образъ а҃нгла. земный Л. 177а. Ангелы как посредники между двумя мирами упоминаются в Лествице довольно часто: лексема Ἀγγελοσ встречается в греческом тексте книги 48 раз.

Небесный Иерусалим — это воплощение совершенной красоты, одна мысль о котором способна останавливать нечистые помыслы: Μεγας μὲν ὁ ἐπὶ ἀφῆ [ἀπαθῆς διαμένων]²¹, [μείζων δὲ ὁ ἐκ θέας]²² διαμείνας ἄτροτος, καὶ νικήσας πυρὸς θεάν, ἐννοία κάλλους τῶν ἄνω PG. T. 88. Col. 881В великъ оубо иже осазанїемъ без вреда пребываага. болии же иже ѿ възора. прѣбывъ безъ иззвения²³. и побѣдивъ огненное видѣние. помысломъ. добра горь||ниихъ Лл. 96г – 97а. В русском переводе Оптиной пустыни вторая часть этого фрагмента выглядит как "угашает огонь, который возгорается при виде земных красот" (Лествица... 1997. С. 226). На наш взгляд, в этом чтении возможна аллюзия на Мф 5, 22, 29, 30; Мф 18, 9; Мк 9, 43; Лк 12, 5; Откр 14, 10; Откр 20, 10 — т.е. на те места, где повествуется о геенне (γέεννα τοῦ πυρός). Эта аллюзия, ускользнувшая из текста русского перевода Лествицы, хорошо передана преславским переводчиком: πυρὸς θεάν огненное видѣние. Образ геенны огненной встречается в Лествице не менее 18 раз²⁴, и антонимия "Царство Небесное — мир князя тьмы" определила развитие вышеназванной иконографической схемы "Видение Лествицы преп. Иоанном Лествичником": белые палаты небесного города, в котором сам Спаситель встречает праведника, противопоставлены разинутой адской пасти, пожирающей падающих в неё грешников.

Таким образом, Небесный Иерусалим как высший идеал в Лествице представляет собой

²¹ Vat. Palat. gr. 49, л. 77б; Sin. gr. 417, л. 112; Sin. gr. 421, л. 92; Bar. 134, л. 101а. В Paris 1069, л. 48г, Sin. gr. 416, л. 22в: ἀπαθῆς διαμείνας. В издании Миня: διαμένων ἀπαθῆς.

²² Vat. Palat. gr. 49, л. 77б; Sin. gr. 417, л. 112; Sin. gr. 421, л. 92; Paris 1069, л. 48г; Sin. gr. 416, л. 22в; Bar. 134, л. 101а. В издании Миня фрагмент отсутствует.

²³ Лексема иззвение отсутствует в историческом словаре русского языка (Срз.) и в словарях старославянского языка (СтС, Микл.). Ср.: иззвити, иззвлати, иззвень (Микл. С. 1144; Срз. Т. 3. С. 1645).

²⁴ См. об этом: [5, с. 297-300].

совершенное воплощение мира, покоя, взаимопонимания, разума, чистоты, красоты. Этот ряд открыт, и его можно дополнять другими понятиями: правды, радости, света... Как и положено при создании идеального образа, расчленив компоненты, вплетённые в его структуру, значит разрушить этот образ.

Наблюдения над фрагментами, в которых преп. Иоанн Лествичник рисует образ этого Града, позволяют сделать следующие выводы:

1. Подтверждается правильность картины бытования преславского перевода на славянской почве и опровергается его оценка как "тёмного", "маловразумительного", "во многих местах совсем неверного" [1, с. 203, 204]. Переводчик — это талантливый мастер, с большим уважением относящийся к исходному тексту, иногда позволяющий себе смелые решения и хорошо знающий текст Священного Писания. Негативная оценка перевода дореволюционными славистами объясняется тем, что они не привлекали к анализу никаких других рукописей перевода, кроме древнейшей — Рум. 198, писец которой был неопытным книжником, о чём свидетельствует множество допущенных им ошибок (по нашим подсчётам, на 217 листах книги их не менее 1200).

2. Выявились чтения предполагаемого оригинала перевода, которые отсутствуют в просмотренных нами византийских кодексах Лествицы. Из 6 греческих рукописей наибольшую близость к оригиналу преславского перевода проявляют Paris 1069 и Sin. gr. 416.

3. Обнаружились лексемы, не зафиксированные в исторической лексикографии. В словарях древнегреческого языка отсутствуют лексемы ἀνοησιφόρος и μῆλλα (μῆλλα), в словарях старославянского и древнерусского языков отсутствуют лексемы зълоупомнѣние, невъзвратнѣ, извение и частнѣ.

Памятники древнерусской литературы в их многочисленных списках сохранили богатейшие сокровища языка. В ряду этих памятников важнейшим является Лествица Иоанна Синайского, содержание которой аналогично смыслу жизни каждого христианина: это движение вперёд и вверх.

Источники

1. Печатные источники

PG. T. 88: Climaci Joannis Scala paradisi. Patrologiae cursus completus. Series graeca, ed. J.P. Migne. T. 88. Col. 631-1210. Parisiis: Typographia Catholica, 1864.

Лествица... 1997: Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. С алфавитным указателем. Седьмое издание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1908. Репринт: М.: Издательство "Лествица", 1997.

2. Славянские рукописные источники

Гильф. 44 – рукопись №44 собрания А.Ф. Гильфердинга Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (7)²⁵

²⁵ Здесь и далее в скобках указан номер рукописи в Каталоге славянских рукописей Лествицы, см.: Popova T.G. Die Leiter zum Paradies des Johannes Klimakos. Katalog der slavischen Handschriften / Лествица Иоанна Синайского. Каталог славянских рукописей. Köln – Weimar – Wien: "Böhlau Verlag", 2012.

Деч. 71 – рукопись №71 собрания Дечанского монастыря Народной библиотеки Сербии, Белград (17)

Пог. 1057 – рукопись №1057 собрания М.П. Погодина Российской национальной библиотеки, Москва (296)

Рум. 198 – рукопись №198 собрания Н.П. Румянцева Российской государственной библиотеки, Москва (1)

Рум. 199 – рукопись №199 собрания Н.П. Румянцева Российской государственной библиотеки, Москва (2)

Син. тип. 39 – рукопись №39 фонда Рукописного отдела Московской Синодальной типографии, оп. 1, Российский государственный архив древних актов, Москва (58)

Трц. 10 – рукопись №10 Основного собрания Троице-Сергиевой лавры, Российская государственная библиотека, Москва (10)

Трц. р. 20 – рукопись №20 собрания ризницы Троице-Сергиевой лавры Российская государственная библиотека, Москва (214)

ВАР 68 (чч. 1-2) – рукопись №68 Славянского фонда Библиотеки Румынской Академии наук, Бухарест (12)

3. Греческие рукописные источники

Var. 134 – cod. 134, собрание Джакомо Барокки, библиотека Бодлеана, Оксфорд (47421)²⁶

Paris 1069 – cod. 1069, собрание греческих рукописей Национальной библиотеки Франции, Париж (50664)

Sin. gr. 416 – cod. 416, собрание греческих рукописей монастыря св. Екатерины, Синай (58791)

Sin. gr. 417 – cod. 417, собрание греческих рукописей монастыря св. Екатерины, Синай, Египет (58792)

Sin. gr. 421 – cod. 421, собрание греческих рукописей монастыря св. Екатерины, Синай (58796)

Vat. Palat. gr. 49 – cod. 49, собрание Palatina graeca библиотеки Апостолов, Ватикан (65782)

4. Лексикографические источники

Chantraine – Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. I–IV. Paris: Librairie Klincksieck, 1968-1977.

Lampe – Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1961.

Liddel–Scott – Liddel H.G. – Scott R. A Greek-English Lexicon (with a revised supplement). Oxford: Clarendon Press, 1996.

Sophocles – Sophocles E.A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From B. C. 146 to A. D. 1100). Cambridge: Harvard University Press, 1914.

Микл. – Miklosich Fr. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum emendatum auctum. Vindobonae: Guilelmus Braumueller, 1862–1865.

²⁶ Здесь и далее в скобках указан номер рукописи в базе данных Pinakes.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 и след. М., 1975 и след.

Срз. – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

СтС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): Около 10 000 слов / Э.Благова, Р.М. Цейтлин, С.Геродес и др. Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э.Благовой. 2-е изд., стереотип. М.: Рус.яз., 1999. 842 с.

ССЯ – Словарь старославянского языка. Репринтное издание. Т. 1 (А – Гервь). Т. 2 (К – О). Т. 3 (П – Р). Т. 4 (С – Ижица). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.

Литература

1. Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. Отд. II. Писания святых отцов. Ч. 2. Писания догматические и духовно-нравственные. 1859. М.: Синодальная типография. 687 с.
2. Илиева Т. Терминологичната лексика в Йоан-Екзарховия превод на "De Fide Orthodoxa". 2013. София: "Центр Боян Пенев". 405 с.
3. Лурье В.М. Из истории чинопоследований псалмопения: Полная псалтырь в ежедневном правиле (в связи с историей египетского монашества IV – VII вв.), 3 // Византийский временник. № 58 (83). 1999. С. 76-83.
4. Попова Т.Г. Новозаветные антропонимы в тексте "Лествицы" Иоанна Синайского // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20. №2. С. 247-269. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.022.
5. Попова Т.Г. Образ огня в Лествице Иоанна Синайского // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 22 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 292-311. DOI: 10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-292-311.
6. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция. Изд. подготовила Г.С. Баранкова. 1998. М.: "Индрик". 768 с.

References

1. Gorski A.V., Nevostuev K.I. Opisanie slavjanskikh rukopisei Moskovskoi Sinodal'noi (patriarshei) biblioteki. Otd. II. Pisanija svyatykh otcov. Ch. 3. Raznye bogoslovskie sochinenija (pribavlenie) [Description of the Slavic manuscripts of the Moscow Synodal (Patriarchal) Library. Vol. 2. The Writings of the Holy Fathers. Part 3. Different Theological Writings (addition)]. 1862. Moscow: Publishing of Synod. 687 p. (In Russ.).
2. Ilieva T. Terminologichnata leksika v Joan-Ekzarchovija prevod na "De Fide Orthodoxa" [Terminological Vocabulary in the Translation of "De Fide Orthodoxa" by John Exarch]. 2013. Sofija: Publ. "Bojan Penev". 405 p. (In Bulgarian).
3. Lur'je V.M. Iz istorii chinoposledovanij psalmopenija. Polnaja psaltyr' v ezhednevnom pravile (v svjazi s istorijej jegipetskogo monashestva IV-VII vv. ["From the History of the Rites of Psalm Singing: The Complete Psalter in the daily Rule (in connection with the History of Egyptian Monasticism of the 4th–7th centuries)"]. Vizantijskij vremennik. 1999. Vol. 58 (83), pp. 76-83 (In Russ.).
4. Popova T.G. Novozavetnye antroponimy v tekste Lestvitsy Ioanna Sinaiskogo [New Testament Names in the Text of the "Ladder" of John Climacus]. Voprosy onomastiki [Problem of onomastics]. 2023. Vol. 20. № 2, pp. 247-269 (In Russ.). DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.022
5. Popova T.G. Obraz ognja v tekste Lestvitsy Ioanna Sinaiskogo [Image of Fire in the "Ladder" of John Climacus]. Germenevtika drevnerusskoi literatury [Hermeneutics of Old Russian Literature].

Попова Т.Г.
Образ Небесного Иерусалима в Лествице Иоанна
Синайского
Язык и текст. 2024. Том 11. № 4. С. 88–100.

Popova T.G.
Image of Heavenly Jerusalem in the “Ladder” of John
Climacus
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 4, pp. 88–100.

Issue 22. 2023. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., pp. 292-311 (In Russ.).
DOI: 10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-292-311

6. Shestodnev Ioanna ekzarkha Bolgarskogo. Rannjaja russkaja redaktsiya [Hexaameron of John the Ekzarh. Early Russian Version]. In G.S. Barankova (ed.). 1998. Moscow: "Indrik". 768 p. (In Old Russ.)

Информация об авторе

Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (ФГАОУ ВО "БФУ им. И. Канта"), г. Калининград, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8431-2962>, e-mail: lestvic@mail.ru

Information about the author

Tatiana G. Popova, Doctor in Philology, Leading Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8431-2962>, e-mail: lestvic@mail.ru

Получена 25.06.2024

Принята в печать 25.11.2024

Received 25.06.2024

Accepted 25.11.2024

Семейный нарратив в Лицевом летописном своде Ивана Грозного

Степанова М.С.

Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации; Сретенская духовная академия, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: litzma655@gmail.com

Работа направлена на изучение семейного нарратива в Лицевом летописном своде Ивана Грозного. Исследование позволило выделить несколько ключевых тем в рамках семейного нарратива, а именно заключение брака, рождение детей и заключение второго брака. Полученные результаты дают возможность говорить о том, что изображение семьи в своде согласуется с христианским пониманием брака и репрезентуется как союз мужчины и женщины, в котором муж — глава, а женщина — мать многочисленного потомства, стоящая за мужем. Продолжение рода является одной из основных целей брака и большой радостью. Тема второй женитьбы русских князей в своде поднимается, повторная женитьба согласуется с традициями того времени и правилами Церкви.

Ключевые слова: Лицевой летописный свод, древнерусская литература, семейный нарратив, брак, рождение детей.

Благодарности: Автор благодарит за помощь в сборе данных для исследования И.В. Дергачеву.

Для цитаты: *Степанова М.С.* Семейный нарратив в Лицевом летописном своде Ивана Грозного [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 4. С. 101–109. DOI:10.17759/langt.2024110411

Family Narrative in the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible

Maria S. Stepanova

Moscow State Institute of International Relations; Sretensky Theological Academy, Moscow, Russia,
e-mail: litzma655@gmail.com

This article aims to examine the family narrative in the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible. The study has enabled us to point out the following key topics in the context of family narrative: the marriage, the birth of children, the second marriage. The results allow us to say that the family representation in the chronicle corresponds

with a Christian notion of marriage, i.e. the family is represented as a union of a man and a woman in which a man is the head of the family and a woman is mother of a multi-child family standing behind her husband. Procreation is one of the key goals of marriage and a great joy. The chronicle touches upon the issue of the second marriage of Russian rulers, and the second marriage conforms with the traditions of the time and the Church rules.

Keywords: the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible, Old Russian literature, family narrative, marriage, birth of children.

Acknowledgements: The author is grateful for assistance in data collection to Dergacheva I.V.

For citation: Stepanova M.S. Family Narrative in the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 4, pp. 101–109. DOI:10.17759/langt.2024110411 (In Russ.).

Введение

Текущий год указом президента Российской Федерации был объявлен Годом семьи, такая мера направлена на защиту и сохранение традиционных семейных ценностей. В связи с этим актуальным видится обращение к семейной тематике в древнерусской литературе, являющейся краеугольным камнем русской культуры и как нельзя лучше отражающей традиционные ценности русского народа. Особый интерес в обозначенном контексте представляет семейный нарратив в Лицевом летописном своде Ивана Грозного (далее — ЛЛС), созданном во второй половине XVI века. По слову Б.В. Клосса, указанное произведение — «самое крупное летописно-хронографическое произведение средневековой Руси» [9, с. 206]. Важное значение имеет тот факт, что свод возник в эпоху, когда Московская Русь под властью государя достигла расцвета и «подводила итоги своим историческим воспоминаниям» [14, с. 1–2]. По замыслу, он должен был представлять законченную и полную летопись, повествующую о формировании централизованного Русского православного государства, изображать рост и значение Москвы как «третьего» Рима. Таким образом, о своде можно говорить как о книге, представляющей русское — значит, православное — мировоззрение [2, с. 43]. Более того, свод создавался как учебник жизни для царских детей. Следовательно, он должен был изображать идеалы, сформировавшиеся в сознании общества к тому времени, служить «глашатаем жизненных ценностей», быть устроителем «единого распорядка и уклада жизни» [11, с. 5–6].

Лицевой свод создавался путем компиляции [13, с. 21], детального отбора и соединения сведений из различных источников [1, с. 308–309; 13, с. 87–132]. Он охватывает события библейской и общемировой истории, от сотворения мира до царствования самого Ивана IV. Однако для нас интерес представляют исключительно те части, которые посвящены русской истории.

Топику семейного нарратива в Лицевом летописном своде можно охарактеризовать как весьма обширную, что указывает на то, что семья и брак играли значимую роль в сознании средневекового русского человека. В своде семейный нарратив представлен в частности следующими темами: 1) заключение брака; 2) рождение детей; 3) повторная женитьба.

Тема заключения брака в ЛЛС

С крещения Руси в 988 году монополия заключения брака принадлежала Церкви [15, с. 71], и впоследствии брак всегда должен был освящаться церковным благословением. Обозначенный тезис подтверждается в своде: летописные записи, посвященные свадьбам, во многих случаях сопровождаются уточнением, в каком храме проходило венчание, кто его совершал и в какой день (в церковный праздник / на какой седмице).

«Тоя же весны, мая в 27 день, в неделю Слепаго, женися князь Андреи Васильевич Угличский на Москве, поял княжну Елену, княже Романову дочь Мезечьского, а венчал их в церкви Пречистой Филипп митрополит. [12, т. 15, с. 157].

«В лето 6651 [1143] Князь велики Всеволод Олгович Киевский жени сына своего <...> межи Рожества Христова и Крещения, в Новгороде [12, т. 11, с. 245].

Приведенные выдержки иллюстрируют, что в сознании людей XVI века брак естественным образом был связан с Церковью. Верным представляется сказать, что в сознании человека XXI века данный факт классифицируется как «связь с Церковью», в то время как для людей того времени изучаемый феномен не был связью с чем-либо, а скорее являлся естественным порядком вещей, следствием естественного уклада жизни и мыслей.

Интересным кажется обратить внимание на морфологические особенности в выдержках из свода по рассматриваемой теме. В контексте заключения брака употребляются следующие глагольные формы: [князь] «женися» или «взял за себя»; [князь] «жени» своего сына / внука / брата; [князь] «дал волю взять [дочь] в жены»; [князь] «отдал замуж». В качестве примеров можно привести следующие летописные записи:

«Того же лета [1397] женися князь Иван Всеволодич Тверский на Москве у великия княгини Евдокеи, поят дочь великаго князя Дмитрея Ивановича Настасью» [12, т. 11 (2), с. 359];

«Тое же зимы генваря в 17 день князь Иван Васильевич Ярославский выдал дочь свою Марью за князя Александра Федоровича» [12, т. 12. С. 292];

«Того же лета, месяца июня в четвертый день, женил князь великий сына своего великого князя Ивана, у великого князя Бориса Александровича Тверского дщерию Марию» [12, т. 14, с. 238].

При этом можно говорить о полном отсутствии глагольных форм, выражающих волю женщины (невесты) выйти замуж. Приведенные записи, как представляется, подтверждают, с одной стороны, что в Древней Руси родителям принадлежала власть определять брак детей (причем как дочерей, так и сыновей). Тот факт, что брак в Древней Руси нередко являлся делом родительской воли, И.Е. Забелин объясняет не более низким положением женщин, а очень юным возрастом брачующихся [7, с. 108–109]. Но принимать решение относительно брака может мужчина (князь), и это подчеркивается в своде – князь обладает полнотой власти и волен определять брак как своих детей, так и своих братьев.

При этом было невозможно, чтобы женщина выбирала себе мужа [15, с. 72], ибо «русский допетровский век не признавал женскую личность самостоятельным членом общества» [7, с. 227]. Такой нарратив в своде можно также объяснить «историческими» функциями женщин, сводящимися к рождению детей, поездками на богомолье, сопровождению князя, встречами икон и т.д., и функции эти «не противоречат христианскому идеалу», при котором мужчина служит Богу, является в семье «патриархом», а жена сопутствует и содействует ему

[5, с. 56].

В средневековой Руси заключение брака являлось делом непростым и многоэтапным, собственно свадьбе предшествовал сговор, включающий сватовство, смотрины, обручение [3, с. 69]. Смотрины в Лицевом своде не упоминаются, чего нельзя сказать о сватовстве и обручении. Обручение составляло завершающую часть брачного сговора [3, с. 406] и свидетельствовало о «закрепленном общественной моралью обязательством жениться на девушке» [15, с. 74]. В Лицевом летописном своде случаев упоминания обручений наличествует несколько.

Во-первых — обручение сына Василия II Темного Ивана (будущего великого князя Ивана III) с дочерью князя Тверского Марией Борисовной: «Князь же великий Василий Васильевич обручал тогда за болшего сына своего за князя Ивана дочь великого князя Бориса Марию» [12, т. 14, с. 150].

Во-вторых, обручение византийской царевны Софьи Палеолог и будущего великого князя Ивана III, состоявшееся, как и само венчание, 12 ноября 1472 года. «Митрополит же сам пошед в церковь и возложил ризы на ся, и знаменал царевну крестом, и прочих с нею крестьян. И отпустил ея из церкви и поидоша с нею к великой княгине Марии. Помале же паки прииде к матери и великий князь Иван, тогда обручав ту царевну по обычаю, яко достоин государству их» [12, т. 15, с. 422–424]. В-третьих, упоминается сватовство и обручение дочери Ивана III и Софьи Палеолог Елены за великого князя Литовского Александра, который был католиком [12, т. 17, с. 261–263].

В Лицевом своде не содержится упоминаний о том, как и на каком основании происходил выбор невест для князей. Исключение составляет повествование о царе Иване IV, который сам выбрал себе жену, как известно, на смотре невест в 1547 году [8, с. 589–591]: «Тоя же зимы благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси смыслил жениться и выбрал себе невесту дочь Романа Юрьевича Анастасию» [12, т. 20, с. 293]. По мнению царя, жениться следует на русской девушке, так как с невестой из других стран может отсутствовать взаимопонимания ввиду различия нравов и обычаев у представителей различных народов. По слову государя, если «норовы будут разные», то между супругами будет «тщетность», т. е. суета, суетность. Поэтому царь поразмыслил и решил «жениться в своем государстве» [12, т. 20, с. 267]. В повествовании о свадьбе Ивана IV особое внимание обращено на то, что государь перед выбором невесты и заключением брака «советовал о том с отцем своим с Макарием, митрополитом всея Руси» [12, т. 20, с. 263].

Женился русский царь и великий государь «февраля месяца в 3 (день) в четверг на Всеедняя недели, и венчал их в соборной церкви Пречистыя Владичицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии честнаго и славнаго Ея Успения Макарий, митрополит всея Руси, в царствующем граде Москве», и о браке государя была великая радость [12, т. 20, с. 294].

На основании анализа Лицевого летописного свода можно заключить, что тема заключения брака представлена в нем весьма обширно, что свидетельствует о том, что создание семьи имело большую ценность для человека XVI века. Создание семьи всегда освящалось церковным благословением, особенно благочестивым представлен первый русский царь. Принимать судьбоносное решение о браке могли либо родители, либо князь (царь).

Тема рождения детей в ЛЛС

В Лицевом своде содержатся указания как о рождении сыновей (наследников), так и о рождении дочерей:

«Тоя же весны, апреля в 14 день, родися князю Василию Ивановичу Рязаньскому сын Иван во граде Москве» [12, т. 15, с. 55];

«Тоя весны мая в 20 день родилася великому князю Ивану Васильевичу княжна Феодосия в третий час нощи» [12, т. 17, с. 32].

Как представляется, этот факт подтверждает, что представительницы женского пола не находились в униженном положении по отношению к представителям мужского пола, но, если можно так выразиться, обладали одинаковой ценностью.

Записи о рождении младенцев, относящиеся к эпохам до правления Ивана IV, можно охарактеризовать как лаконичные, по примеру приведенных выше, условно их можно представить в виде формулы: родился когда, у кого, кто, где. Записи, относящиеся к правлению первого русского царя, отличаются распространенностью, могут содержать уточнения о матери ребенка, где и когда он был крещен, кто принял его от купели и кто совершал таинство.

В частности, запись о рождении «благочестивому царю и великому князю» Ивану Васильевичу сына Ивана включает сведения, что младенец родился в Светлую неделю со среды на четверг, в три часа ночи, от «благочестивой царицы Анастасии, дочери Романа Юрьевича». Более того, крещен младенец был в третью неделю после Пасхи в Чудовом монастыре, «у чудотворных мощей Алексия чудотворца», в Благовещенской церкви, «приял его от купели митрополит Макарей всея Руси», а священнодействовал Андрей, протопоп благовещенский [12, т. 17, с. 43–44].

О рождении сына у князя Юрия Васильевича (брата Ивана IV) сказано: «Родися сын у князя Юрья Васильевича Московского, Углицкого и Колузьского от княгини его Ульяны <...> князь Василей Юрьевич. А крестили его у Чюда архистратига Михаила, а приял его от купели Макарей митрополит». [12, т. 23, с. 134–135]. На крещении был государь Иван Васильевич, князь Юрий Васильевич и князь Владимир. Примечательно, что ничего не сказано о матери ребенка — присутствовала ли она на крещении или нет.

В ЛЛС записи о появлении на свет чад часто эмоциональны: рождение ребенка — событие радостное. Неудивительно, ведь это рождение наследника, значит, продолжение рода, династии и правления. О рождении у Ивана Васильевича сына Ивана говорится, что была «радость велия о рождении его» [12, т. 17, с. 43–44]. Когда у князя Владимира Андреевича Старицкого и его княгини Евдокии родилась дочь Евдокия, то на следующий день царь с сыном и многими боярами «были у князя Володимера Андреевича на его радость и порадовашася с ним и овощи кушали» [12, т. 23, с. 227–228].

Рождение ребенка — событие долгожданное, а отсутствие детей — горе. Известно, что первый брак великого князя Василия III оказался бездетным. Когда князь женился во второй раз, на Елене Глинской, на свет появился долгожданный наследник. В Лицевом своде приводится «благодарение и похвала» великого князя Василия о «дарованном по молитве Богу», «после неплодства» рождении сына Ивана.

В благодарении в первую очередь содержится обращение к Священному Писанию, к сотворенным Богом чудесам: рождению у Авраама и Сарры Исаака (Быт. 21, 1–3), у

Елканина и Анны — Самуила (1 Цар. 1, 19–20), у Маноя и его бесплодной супружницы — Самсона (Суд. 13, 1–23), у Захарии и Елизаветы — великого пророка Иоанна (Лк. 1, 5–25), у Иоакима и Анны — Пречистой Богородицы, и «иных многих» [12, т. 19, с. 27–28]. Воспоминание о ветхозаветных и новозаветных праведниках, которым Бог «по прощению» отверз чресла, — свидетельство крепкой веры в Бога, сотворившего невозможное, и, как представляется, иллюстрация веры и надежды великого князя Василия Ивановича. Подчеркивается благочестие государя: он не унывал, «с прилежанием» молил Бога, воздвигал новые «чудные монастыри и святые церкви», украшал святые иконы, любезно одаривал монахов, «пришел от царской высоты в самовольное смиренномудрие», шествовал по дальним пустыням вместе со своей «боголюбивой» княгиней Еленой [12, т. 19, с. 28–31]. И, когда князю было более пятидесяти лет, у него родился сын.

Можно заключить, что рождение потомства в Лицевом своде представлено событием очень радостным и ожидаемым, приводятся записи о рождении и наследников, и княжон. Появление человека на свет тоже благословляется Церковью: многие записи содержат уточнение о том, после рождения младенец принимает крещение.

Второй брак в ЛЛС

Тема расторжения церковного брака по сей день вызывает споры, а если говорить о средневековой Руси — она представляется еще более сложной, поскольку тогда Церковью должны были освящаться все браки. Существовал ряд оснований для прекращения брака [6, с. 110–117], однако в настоящей статье будут рассмотрены непосредственно относящиеся к ЛЛС. Терминов «расторжение / прекращение брак» или «развод» в своде, безусловно, не встретить, но можно встретить словосочетание «вторая женитьба». Примеров повторной женитьбы в ЛЛС наличествует несколько, но в рамках настоящей статьи хотелось бы остановиться на двух — женитьбе великого князя Василия Ивановича на Елене Глинской и царя Ивана Грозного на княгине Марии.

Первый брак великого князя Василия III закончился тем, что княгиня Соломония за бездетность была отправлена в монастырь. Случаи развода вследствие бесплодия жены на Руси были нередки [4, с. 79]: бесплодие всегда считалось великим несчастьем, ведь предназначение женщины — быть матерью, а (так как в своде речь идет о князьях) правителю нужен наследник. К XVI веку практика принуждения жены уйти в монастырь не была новой [10, с. 176]. В своде о пострижении Соломонии говорится, что она ушла в монастырь добровольно: «Князь Василий Иванович постриг великую княгиню Соломонию по совету ея, тягости ради и болезни бездетства, а жил с нею 20 лет, и детей не было» [12, т. 18, с. 486]. Следующая летописная запись сообщает о второй женитьбе: «Тоя же зимы, генваря в 21 день, князь великий Василий Иванович женился второе, а выбрал себе невесту княжну, дочь князя Василия Львовича Глинскаго, а венчал их Даниил митрополит» [12, т. 18, с. 487].

О второй женитьбе Ивана Грозного в своде не повествуется: обширно представлен рассказ о преставлении царицы Анастасии, и уже в другом месте упоминается царица Мария — свод умалчивает о том, когда государь женился на ней.

Представляется важным обратить внимание на то, что для записей о кончине царицы Анастасии характерна эмоциональность. Стоит заметить, как выражаются чувства государя к супруге: когда царица слегла, «царь государь хотел ехать вскоре к Москве, да невозможно

было ни верхом, на в санех» из-за распутицы [12, т. 23, с. 182], а когда Анастасия скончалась, «царя и великого князя от великаго стенания и от жалости сердца едва под руки ведяху» [12, т. 23, с. 253]. В целом, как представляется, царица пользовалась большой любовью и народа, сказано, что она заболела «грех ради наших» [12, т. 23, с. 182], проводить ее пришли все нищие и убогие, причем не ради получения милостыни, но «с плачем и рыданием велием» провожали ее [12, т. 23, с. 253], потому что она была «милостива и незлобива ко всем» [12, т. 23, с. 256]. Возможно, второй брак государь не считал счастливым таким счастливым, как первый, и очень скорбел о кончине царицы Анастасии, поэтому о второй свадьбе в своде не сказано.

Таким образом, можно сделать вывод, что хотя повторные браки в Древней Руси и существовали, в Лицевом своде они практически не представлены. Оба примера — вторую женитьбу Василия III и Ивана IV — можно назвать «оправданной», так как в первом случае причиной стало отсутствие потомства, что для монарха и для его страны может стать роковым, во втором — кончина супруги.

Выводы

Изучение Лицевого летописного свода Ивана Грозного позволяет говорить о присутствии в произведении обширно семейной тематика, в рамках которой можно выделить следующие темы: свадьба, рождение детей, второй брак.

В своде содержится множество летописных записей, сообщающих о заключении брака древнерусских правителей (князей), записи эти характеризуются различной степенью подробности. Во многих случаях содержатся уточнения о том, где происходило венчание и кто совершал его. Это, как представляется, иллюстрирует, с одной стороны, «церковность» средневекового общества, в котором любой брак, как благословенный Богом союз мужчины и женщины, должен освящаться Церковью; с другой — может служить назидательной цели.

Глагольные формы в ЛЛС указывают на то, что брак заключался либо по воле мужчины (князя), либо по воле родителей. Можно говорить об отсутствии формы, свидетельствующих о том, что женщина сама могла принять решение относительно брака. Это, однако, можно объяснить не более низким (униженным) положением женщин, а скорее исторически сложившимся укладом, который сформировался под влиянием христианского мировоззрения, при котором жене глава муж (1 Кор. 11. 3).

Рождение детей в Лицевом своде — радость. Упоминается о рождении как сыновей, так и дочерей, при этом можно говорить о многодетности семей. Церковь разделяет радость появления младенца на свет, его тут же крестят. Записи о крещении нередко отличаются подробностью (где и когда крестили, кто совершал таинство, кто был восприемником). Отсутствие детей — это скорбь, и необходимо с твердой верой молить Бога об избавлении от нее, пример тому — великий князь Василий III.

Семейная жизнь, согласно повествованию Лицевого свода, должна на различных ее этапах благословляться Церковью: от намерения жениться, до самого венчания, крещения детей и, как видится, кончины.

В Лицевом своде в контексте семейного нарратива также затрагивается тема прекращения брака и повторной женитьбы, яркие примеры тому — Василий III, постригший первую жену в монахини вследствие бездетности и женившийся второй раз, и Иван IV, женившийся повторно после смерти царицы Анастасии. Оба примера представляются «оправданными», так как

бездетность государя может послужить причиной серьезного кризиса в стране, а кончина супруга признается законным основанием для повторной женитьбы.

Литература

1. Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 308–309.
2. Вишня И.Б. Художественные особенности Лицевого летописного свода Ивана Грозного : Путеводитель / И. Б. Вишня. – Санкт-Петербург : Актеон, 2011. – 80 с.
3. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. – М.: Индрик, 2012. – 936 с.
4. Дементьева Т.Ю. Прекращение и расторжение брака по древнерусскому праву // Вестник ВУиТ. 2013. №2 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prekraschenie-i-rastorzhenie-brakaro-drevnerusskomu-pravu> (дата обращения: 13.09.2024).
5. Ерусалимский, К.Ю. Путешествия цариц, царевичей и царевен в России XV–XVI вв.: (по миниатюрам Лицевого летописного свода) / К. Ю. Ерусалимский // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. 2023. № 31. С. 44–109.
6. Женщина в православии: церковное право и российская практика / Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Москва: Кучково поле, 2011. – 704 с.
7. Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 704 с.
8. Карамзин Н.М. История государства Российского (в 3 книгах). Книга 2 (т. V–VIII). Санкт-Петербург, 1997. – 720 с.
9. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI – XVII веков. Москва: Наука, 1980. – 312 с.
10. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. Санкт-Петербург: Издание Археографической комиссии, 1884. – 196 с.
11. Лихачёв Д.С. Литература «государственного устройства» // Библиотека литературы Древней Руси (в 20 т.). Санкт-Петербург, 2000. Т. 10 (XVI век). С. 5–17.
12. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. М.: 2020–2022.
13. Морозов В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. Москва: Индрик, 2005. – 285 с.
14. Пресняков А.Е. Московская историческая энциклопедия XVI-го века. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1900. – 53 с.
15. Пушкикарёва Н.Л. Женщины Древней Руси. Москва: «Мысль», 1989. – 286 с.

References

1. Amosov A.A. Litsevoy letopisniy svod Ivana Groznogo. Kompleksnoe kodikologicheskoye issledovanie [The Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible. A Profound Codicological Study]. Moscow: Editorial URSS, 1998. 392 p. (In Russ.).
2. Vishnia I.B. Khudozhestvennyye osobennosti Litsevoogo letopisnogo svoda Ivana Groznogo : Putevoditel [The Artistic Aspects of the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible: Guide] – Saint-Petersburg: Akteon, 2011. 80 p. (In Russ.).
3. Gura A.V. Brak i svad'ba v slavyanskoj narodnoj kul'ture: Semantika i simvolika [Marriage and Wedding in the Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism]. Moscow: Indrik, 2012. 936 p. (In Russ.).
4. Dement'eva T.J. Prekraschenie i rastorzhenie braka po drevnerusskomu pravu [Termination and

- Dissolution of Marriage according to the Old Russian Law]. *Vestnik VUiT=The Bulletin of Volzhskiy University*, 2013, no. 2 (78). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prekraschenie-i-rastorzhenie-braka-po-drevnerusskomu-pravu> (Accessed 13.09.2024). (In Russ.).
5. Yerusalimskiy, K.Ju. Puteshestviya tsarits, tsarevichey i tsareven v Rossii XV-XVI vv.: (po miniatjoram Licevogo letopisnogo svoda) [Trips of Tsatinas, Tsareviches and Tsarevnas in Russia in 15–16 centuries (a case study of muniatures of the Illustrated Chronicle)]. *Adam & Eva. Almanah gendernoj istorii=Adam & Eve: Almanac of Gender History*, 2023, no. 31, pp. 44–109. (In Russ.).
 6. Zhentschina v pravoslavii: tserkovnoye pravo i rossiyskaya praktika [The Woman in the Orthodoxy: The Canon Law and the Russian Practice]. Belyakova E.V., Belyakova N.A., Yemchenko E.B. Moscow: Kuchkovo pole, 2011. – 704 p. (In Russ.).
 7. Zabelin I.E. Domashniy byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletijah [Domestic Life of Russian Tsarinas in 16–17 centuries]. Otv. red. O.A. Platonov. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2014. 704 p. (In Russ.).
 8. Karamzin N.M. Istorija gosudarstva Rossijskogo (v 3 knigah) [History of the Russian State (in 3 books)]. Kniga 2 (t. V–VIII) [Book 2 (vol. 5–8)]. Saint-Petersburg, 1997. 720 p. (In Russ.).
 9. Kloss B.M. Nikonovskij svod i russkie letopisi XVI – XVII vekov [The Nikon Chronicle and Russian chronicles of 16–17 centuries]. Moscow: Nauka, 1980. 312 p. (In Russ.).
 10. Kotoshihin G.K. O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha [About Russia during the Rule of Tsar Alexey Michailovich]. Saint-Petersburg: Izdanie Arheograficheskoy komissii, 1884. 196 p. (In Russ.).
 11. Likhachiov D.S. Literatura «gosudarstvennogo ustroenija» [Literature of the “state formation”]. Biblioteka literatury Drevney Rusi (v 20 t.) [in 20 vol.]. Saint-Petersburg, 2000. T. 10 (XVI v.) [Vol. 10 (16th century)], pp. 5–17. (In Russ.).
 12. Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible. Moscow, 2020–2022.
 13. Morozov V.V. Licevoy svod v kontekste otechestvennogo letopisaniya XVI veka [The Illustrated Chronicle in the Context of Russian Chronography]. Moscow: Indrik, 2005. 285 p. (In Russ.).
 14. Presniakov A.E. Moskovskaya istoricheskaya enciklopedia XVI-go veka [The Moscow Historical Encyclopedia of the 16 century]. Saint-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, 1900. 53 p. (In Russ.).
 15. Pushkariova N.L. Zhentschiny Drevney Rusi [Women of the Old Rus']. Moscow: «Mysl'», 1989. 286 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Степанова Мария Сергеевна, магистр лингвистики, независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: litzma655@gmail.com

Information about the author

Maria S. Stepanova, Master of Linguistics, Independent Researcher, Moscow, Russia, e-mail: litzma655@gmail.com

Получена 15.09.2024
Принята в печать 25.11.2024

Received 15.09.2024
Accepted 25.11.2024

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И
КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING
LANGUAGES AND CULTURES

Современные тенденции в преподавании итальянского и испанского языков в ВУЗе

Баева Е.И.

Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО ВГУ), г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7398-1988>, e-mail: katybaev@yandex.ru

Абакумова О.В.

Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО ВГУ), г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3028-6324>, e-mail: olga.abakumova16@gmail.com

В статье рассматриваются современные тенденции в преподавании иностранных языков в ВУЗе, акцентируя внимание на концептуальных изменениях, произошедших за последнее время. Рассматривается переход от традиционных методов, сосредоточенных на теории и запоминании, к современным технологиям, которые обеспечивают доступность учебных материалов и курсов. Особое внимание уделяется «жестовой методике», акцентирующей внимание на произносительных навыках и интонации, разработанной профессором Л.В. Величковой. Подчеркивается важность технологий, таких как онлайн-занятия и мобильные приложения, а также внедрение образовательной технологии «квест», способствующей развитию критического мышления. Представленный подход ориентирован на создание интерактивной и гибкой образовательной среды, что важно для успешного изучения итальянского и испанского языков в современном ВУЗе.

Ключевые слова: обучение иностранным языкам, образовательный квест, инновационные методы обучения, онлайн-занятия, жестовая методика.

Для цитаты: Баева Е.И., Абакумова О.В. Современные тенденции в преподавании итальянского и испанского языков в ВУЗе [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 4. С. 110–116. DOI:10.17759/langt.2024110412

Current Trends in Teaching Italian and Spanish at Universities

Ekaterina I. Baeva

Voronezh State University, Voronezh, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7398-1988>, e-mail: katybaev@yandex.ru

Olga V. Abakumova

Voronezh State University, Voronezh, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3028-6324>, e-mail: olga.abakumova16@gmail.com

The article examines current trends in teaching foreign languages at universities, focusing on conceptual changes that have occurred recently. The transition from traditional methods focused on theory and memorization to modern technologies that provide accessibility to educational materials and courses is considered. Particular attention is paid to the «gesture technique», focusing on pronunciation skills and intonation, developed by Professor L.V. Velichkova. The importance of technologies, such as online classes and mobile applications, is emphasized, as well as the introduction of educational technology «quest», which promotes the development of critical thinking. The presented approach is focused on creating an interactive and flexible educational environment, which is important for the successful study of Italian and Spanish in a modern university.

Keywords: teaching foreign languages, educational quest, innovative teaching methods, online classes, gesture technique.

For citation: Baeva E.I., Abakumova O.V. Current Trends in Teaching Italian and Spanish at Universities. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 4, pp. 110–116. DOI:10.17759/langt.2024110412 (In Russ.).

За последние два десятилетия методические подходы к изучению иностранных языков претерпели значительные изменения. Это связано как с новыми научными открытиями в области нейробиологии и психологии, так и с развитием технологий, которые сделали доступ к учебным материалам более широким. «Это направление стало наиболее актуальным во время пандемии COVID-19, когда во многих уголках мира стало доступно только онлайн-обучение. В настоящее время человечество находится на пороге развития и формирования нового технологического уклада» [6]. В данной статье рассмотрим основные современные тенденции в преподавании итальянского и испанского языков в высших учебных заведениях на примере Воронежского государственного университета.

Конец XX века стал переходным периодом для методик преподавания иностранных языков. Ранее акцент делался на теории грамматики, запоминании лексики и переводах адаптированных текстов. Однако с развитием технологий доступность учебных материалов значительно возросла, и преподавание стало более гибким и разнообразным. ВУЗы начали адаптировать свои программы, учитывая запросы студентов и современные педагогические подходы.

Одним из ярких примеров инновационного и уникального подхода является «жестовая методика», разработанная профессором Воронежского государственного университета Л.В. Величковой. Данный метод базируется на необходимости овладения произносительными навыками на начальном этапе обучения. Основой успешного метода обучения произношению, основанного на психолингвистических принципах, является фонологический подход. Согласно Л.В. Величковой, для развития речевых навыков на иностранном языке необходимо уделять внимание разнообразным умениям в речевой коммуникации. Обучение произношению на иностранном языке должно опираться на его «музыкальную основу» - систему интонационных отличительных черт, которые проявляются в мелодическом спектре языка. Научить произношению речевых единиц — значит активировать определенные области речевого аппарата, который взаимосвязан с другими функциональными системами человеческого организма. Профессор Л.В. Величкова из ВГУ разработала уникальную методику обучения иностранному произношению с использованием жестов, известную как жестовая фонетика.

Этот метод позволяет учащимся погружаться в звучание изучаемого языка через музыкальные элементы, избегая чрезмерной теоретизации и осваивая навыки произношения в игровой форме. Система упражнений, созданная Величковой, предусматривает постепенное усложнение действий для формирования необходимых навыков. В результате формируется артикуляционная база, соответствующая фонологической системе языка. Жесты помогают лучше понять аспекты артикуляции, ритма, интонации, акцентов и длительности звуков в языке. Их использование позволяет визуально и чувственно контролировать формирование речевой базы, особенно в условиях отсутствия начального фонологического слуха у обучающихся.

С каждым годом растет популярность онлайн-занятий и мобильных приложений для изучения языков. Новые технологии предлагают множество мультимедийных средств, которые позволяют обучаться в удобное время и в любом месте [5].

«Инновационные методы в обучении и воспитании направлены на решение особенностей обучения поколения Z — детей, родившихся в XXI веке. Современная действительность ставит перед специалистами в области воспитания и образования новые «вызовы», такие как мотивация и обучение детей с феноменом клипового мышления, детей с несколько иными приоритетами или более осознанно подходящими к своему обучению» [6]. Современные технологии включают чат-ботов, интерактивные упражнения, электронные переводчики и игровые формы обучения. Такой подход позволяет улучшить качество усвоения языка, так как акцент делается на активное участие студентов в обучении.

Современное образование акцентирует внимание на развитие критического и креативного мышления. Прямое запоминание материалов постепенно уходит в прошлое, уступая место самостоятельному поиску и анализу информации. В этом контексте образовательные технологии, такие как «квесты», становятся особенно актуальными. Квесты позволяют интегрировать различные дисциплины и акцентировать внимание на решение конкретных задач. Например, квест, разработанный для студентов второго курса, изучающих итальянский и испанский язык в качестве второго иностранного, может включать в себя создание мини-фильма. Это не только развивает языковые навыки, но и способствует командной работе и креативности.

По мнению выдающегося дидакта В. М. Блинова, «суть обучения иностранному языку —

воссоздание социально обусловленного речевого опыта в системе родная – неродная речь через деятельность преподавания и учения» [1, с. 65]. Игровой метод обучения, такой как «квест», трансформирует процесс общения на уроке, приближая его к реальной коммуникативной ситуации. Ситуации направлены на развитие креативности учащихся, на создание благоприятной атмосферы для общения на иностранном языке. Тематические уроки вызывают у учеников интерес и мотивацию к изучению языка.

Ролевая игра является эффективным приемом обучения, так как имеет эмоциональное начало. У учеников появляется потребность узнать определенную информацию, для чего им нужно использовать иностранный язык. Таким образом, благодаря условиям реального общения происходит развитие речевых умений и навыков, осознанное изучение языка, пробуждение интереса учащихся к его использованию. Методист Н.В. Краснощекова в своей книге «Сюжетно-ролевые игры для детей дошкольного возраста» утверждает, что *«ролевые игры легко вписываются в рамки урока иностранного языка и, кроме всего прочего, доставляют учащимся неподдельное чувство удовлетворения и радости, так как она непременно проводится в доброжелательной, творческой атмосфере»* [3, с. 16]. Ролевые игры развивают воображение не только учащихся, но и студентов, стимулирует их физическую и эмоциональную активность, позволяя ученикам чувствовать себя более свободно.

Существует ряд упражнений на отработку конструкций повелительного наклонения, а также на развитие умений и навыков письма на иностранном языке. Форма задания развивает креативное мышление учеников, их изобретательные и творческие способности. В современных условиях преподаватель выступает не только как носитель знаний, но и как дизайнер обучающей «экосистемы». Важнейшими характеристиками этой экосистемы становятся адаптивность и способность быстро реагировать на значимые события, как на региональном, так и на глобальном уровне. В связи с этим активное включение смартфонов в образовательный процесс открывает новые возможности и преимущества [2].

Один из первых учебников, основанных на использование чата — это «L'italiano smart» [9], который состоит из двух частей по 20 уроков в каждой для уровней А1 и А2. Существует ряд упражнений на отработку конструкций повелительного наклонения, а также на развитие умений и навыков письма на иностранном языке. Форма задания развивает креативное мышление учеников, их изобретательные и творческие способности.

Грамматика является одним из важнейших компонентов языка, который выстраивает устную речь и организует язык. По мнению известного советского лингвиста Л.В. Щерба, *«нельзя передать мысль при помощи набора лексических единиц, так как они лишь называют предмет или явление. Грамматика организует лексику, она пронизывает весь язык. Это скелет, на котором держатся все слова, речевые высказывания, тексты»* [8, с. 57]. Таким образом, грамматические знания и навыки необходимы при изучении иностранного языка для дальнейшего решения коммуникативных задач.

Существуют упражнения, которые направлены на развитие речевых и коммуникативных навыков и умений, расширение активного словарного запаса, автоматизацию диалогических действий. Учащиеся должны угадать персонажа по картинкам на видео, описывающем его отличительные черты, и затем объяснить свой выбор и ответить на вопросы преподавателя или других учеников, обсудить варианты. Оригинальный учебник представлен в

электронном виде, поэтому его можно использовать как на занятиях, так и в качестве самостоятельной работы.

Интеграция современных технологий в обучение открывает новые возможности для взаимодействия между преподавателем и студентами. Современные студенты привыкли к быстрому обмену информацией и интерактивными формами обучения, и использование смартфонов может значительно повысить их вовлеченность. Также важно отметить, что мессенджеры обеспечивают не только доступ к учебным материалам, но и создают пространство для обсуждения и обмена идеями, что делает процесс обучения более живым и интересным.

Кроме того, оперативное оповещение об изменениях через групповые чаты действительно способствует тесной связи между студентами и преподавателем. Это значительно улучшает организацию учебного процесса и помогает студентам лучше ориентироваться в заданиях.

Подводя итог, можно сказать, что современные тенденции в преподавании итальянского и испанского языков требуют от преподавателей не только профессиональных знаний, но и умений использования новейших технологий. Это необходимо для создания эффективной и динамичной образовательной среды. Преподаватели должны акцентировать внимание на позитивном восприятии изучаемого языка, а также применять разнообразные стратегии для комфортного и эффективного обучения студентов.

Литература

1. Блинов В.М. Эффективность обучения / В.М. Блинов. – Москва : 1976. – 130 с.
2. Власова Н.А. Реализация принципов connected learning в преподавании русского языка как иностранного / Н.А. Власова // Инновационные технологии обучения иностранному языку в вузе и школе: реализация современных ФГОС. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2019. – С. 249-256.
3. Краснощекова Н.В. Сюжетно-ролевые игры для детей дошкольного возраста / Н.В. Краснощекова. – 3-е изд. – Ростов : Феникс, 2008. – 251 с.
4. Кузьмина Л.Г. Возможности технологии «квест» в обучении иностранным языкам / Л.Г. Кузьмина, А.Е. Лепендина // Инновационные технологии обучения иностранному языку в вузе и школе: реализация современных ФГОС. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2019. – С. 78-86.
5. Никитина Н.Е. Инновационные методы обучения: новые подходы к образованию / Н.Е. Никитина, А.А. Никитин. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 11 (510). — С. 250-252. — URL: <https://moluch.ru/archive/510/111969/> (дата обращения: 01.11.2024).
6. Николаева А.А., Савченко И.А. Инновационные технологии обучения как средство повышения мотивации школьников в учебной деятельности [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 1. С. 76–91. DOI:10.17759/langt.2023100109
7. Новикова О.В. К вопросу об использовании аутентичных текстов профессиональной направленности в процессе обучения английскому языку [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 3. С. 72–77.
8. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба; Под ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1974. – 427 с.
9. Benenti A. L'italiano smart / A. Benenti, V. Mussi. – La Linea Edu, 2019. — URL:

https://www.loescher.it/dettaglio/opera/O_L462699/L-ITALIANO-SMART (дата обращения: 01.11.2024)

References

1. Blinov V.M. Effektivnost' obucheniya / V. M. Blinov. – Moskva : 1976. – 130 p. (In Russ.).
2. Vlasova N.A. Realizatsiya printsipov connected learning v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo / N.A. Vlasova // Innovatsionnyye tekhnologii obucheniya inostrannomu yazyku v vuze i shkole: realizatsiya sovremennykh FGOS. – Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, 2019. – pp. 249-256. (In Russ.).
3. Krasnoshchekova N.V. Syuzhetno-rolevyeye igry dlya detey doshkol'nogo vozrasta / N.V. Krasnoshchekova. – 3-ye. izd. – Rostov : Feniks, 2008. – 251 p. (In Russ.).
4. Kuz'mina, L.G. Vozmozhnosti tekhnologii «kvest» v obuchenii inostrannym yazykam / L.G. Kuz'mina, A.Ye. Lependina // Innovatsionnyye tekhnologii obucheniya inostrannomu yazyku v vuze i shkole: realizatsiya sovremennykh FGOS. – Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, 2019. – pp. 78-86. (In Russ.).
5. Nikitina, N.Ye. Innovatsionnyye metody obucheniya: novyye podkhody k obrazovaniyu / N.Ye. Nikitina, A.A. Nikitin. — Tekst : neposredstvennyy // *Molodoy uchenyy=Young scientist*. — 2024. — № 11 (510). — pp. 250-252. — Available at: <https://moluch.ru/archive/510/111969/> (Accessed: 19.11.2024). (In Russ.).
6. Nikolayeva A.A., Savchenko I.A. Innovatsionnyye tekhnologii obucheniya kak sredstvo povysheniya motivatsii shkol'nikov v uchebnoy deyatel'nosti [Elektronnyy resurs] // *Yazyk i tekst=Language and Text*. 2023. Vol. 10, no. 1, pp. 76–91. (In Russ.).
7. Novikova O.V. K voprosu ob ispol'zovanii autentichnykh tekstov professional'noy napravlenosti v protsesse obucheniya angliyskomu yazyku [Elektronnyy resurs] // *Yazyk i tekst=Language and Text*. 2022. Vol. 9, no. 3, pp. 72–77. (In Russ.).
8. Shcherba L.V. YAzykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' / L.V. Shcherba; In L.R. Zinder, M. I. Matusevich (eds.). – Leningrad : Nauka. Leningradskoye otdeleniye, 1974. – 427 p. (In Russ.).
9. Benenti A. L'italiano smart / A. Benenti, V. Mussi. – La Linea Edu, 2019. — Available at: https://www.loescher.it/dettaglio/opera/O_L462699/L-ITALIANO-SMART (Accessed: 01.11.2024)

Информация об авторах

Баева Екатерина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии факультета романо-германской филологии, Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО ВГУ), г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7398-1988>, e-mail: katybaev@yandex.ru

Абакумова Ольга Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии факультета романо-германской филологии, Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО ВГУ), г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3028-6324>, e-mail: olga.abakumova16@gmail.com

Information about the authors

Ekaterina I. Baeva, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Roman Philology, Faculty of Roman and Germanic Philology, Voronezh State University, Voronezh, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7398-1988>, e-mail: katybaev@yandex.ru

Olga V. Abakumova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Roman Philology,

Баева Е.И., Абакумова О.В.
Современные тенденции в преподавании итальянского
и испанского языков в ВУЗе
Язык и текст. 2024. Том 11. № 4. С. 110–116.

Baeva E.I., Abakumova O.V.
Current Trends in Teaching Italian and Spanish at
Universities
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 4, pp. 110–116.

Faculty of Roman and Germanic Philology, Voronezh State University, Voronezh, Russia, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-3028-6324>, e-mail: olga.abakumova16@gmail.com

Получена 01.11.2024
Принята в печать 25.11.2024

Received 01.11.2024
Accepted 25.11.2024